

Серия: Терос

Книга 1

ПОСЛАННЫЙ БОГОМ

Автор:

Jenna Helland

Перевод:

Андрей Ф. Галилейский

ПРОЛОГ

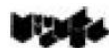
Лидия открыла глаза, и темнеющий мир распахнул перед ней свои объятия. Вместо полупрозрачных завес, свисавших вокруг ее кровати, ее окружали древние деревья Нессийского Леса, темными силуэтами на фоне ярких красок ночного неба. Она не была в своем доме в Мелетиде, здесь ничего не напоминало ей о доме. Она крепче прижала спящего сына к себе. Его кожа казалась холодной, но дыхание было ровным и спокойным.

Птица вскрикнула и вспорхнула с ветви над головой Лидии. Сквозь просветы в шуршащих кронах деревьев, она видела мерцающие лики богов, переливающиеся и растворяющиеся на звездном небосводе. Ночное небо называлось Никс, обитель богов. Каждую ночь на нем мелькали образы божественных созданий и самих покровителей мира. Некоторые задерживались всего на пару секунд. Но иногда пантеон разыгрывал целые сцены перед глазами смертных. Лидия редко выходила из дома, чтобы понаблюдать за небесами, но теперь ей попросту некуда было отвести глаза от бескрайнего полотна Никса. Этой ночью силуэты богов были яркими, и ее сердце билось быстрее с развитием их битвы.

Пирфор, Бог Кузницы, громыхал в небесах, надвигаясь на своего брата, Гелиода, Бога Солнца. Намерения Пирфора жаждал крови, это было очевидно даже для Лидии, чувствовавшей себя подобно песчинке в сравнении с величием небес. Оба бога приняли человеческий облик, не считая их эпические пропорции. На каждой фреске или статуе Пирфора, которые Лидия видела прежде, он всегда был изображен с бронзовым молотом в руках. Но сейчас его орудием был меч. Лидия не знала, что означала смена божественного оружия, но то, как ожесточенно он нападал на Бога Солнца, переполняло ее ужасом.

В бронзовом лице Пирфора отражались кровавые языки пламени его меча. Он сделал низкий выпад, словно желая рассечь Гелиода пополам. Бог Солнца отразил удар своим солнечным копьем, и окатил Пирфора обжигающим светом. Однако его удар был далек от победы, и Бог Кузницы неустрашимо восстал вновь. Пирфор еще раз взмахнул мечом, но Гелиод растворился в золотом тумане.

Тело Пирфора обернулось божественным пламенем, и туман слился с огнем, образовав огромный рубец на звездном полотне Никса. Лидия с тревогой осматривала ночное небо, теперь выглядевшее истерзанным и порванным. Этот вид причинял ей боль, как когда она упала и глубоко поранила колено. Она почти ожидала, что из небес вот-вот польется кровь. Лидия перекатилась на бок, отвернувшись от яростной божественной битвы. Ей нужно было поспать, не тревожась делами богов. Завтра будет долгий день. Завтра она собиралась отыскать душу ее сына.

Когда они достигли Земель Отчаянья, Лидия в тревоге осмотрела небо, в поисках признаков саранчи. Она ожидала увидеть их темные облака, клубящиеся над ее головой. Но когда они с сыном вышли из тени Нессийского Леса, и ступили на скалистую пустошь, в небесах не было ничего, кроме давящей серости, затянувшей полуденное солнце. В этом пустом, заброшенном пейзаже не ощущалось даже дыхания ветра. Четкая линия между Нессийским Лесом и Землями Отчаянья была словно начертана божественным перстом.

Лидия слышала рассказы о Землях Отчаянья, изобилующих смертоносной саранчой, пожиравшей золотые маски, выроненные Возвращенными, которым удалось бежать из Подземного Царства. Но сейчас она не видела сброшенных масок, среди камней. Ни саранчи, ни масок – в чем еще заблуждались рассказы?

Ее сын, Дакс, всхлипнул и сжал ее руку. Лидия, с растрепанными волосами, убранными в косу за спиной, с улыбкой взглянула на него. Овалом лица и крупными глазами, она едва годилась Даксу в матери. Но ей было уже двадцать четыре года, и она была замужем за состоятельным торговцем в Мелетиде, городе философов на краю Великого Моря.

До этого путешествия Лидия никогда не уходила дальше, чем сутки пешей прогулки от высоких стен Мелетиды. Однажды, когда она еще была ребенком, ее отец взял ее с собой на дневную поездку за пределами города. Они выехали из Прибрежных Врат, проехали меж гигантских статуй, и за пустынное Плато Четырех Ветров. К полудню они проехали всю Дорогу Хранителей и достигли края Нессийского Леса. Ее отец остановил их коня в месте, где выложенные вязью камни дороги резко прерывались, переходя в грунтовую тропу. Плотная стена возвышающихся деревьев простиралась на мили во всех направлениях, и Лидия плотнее прижалась к отцу.

- Это конец цивилизации, милая, - подмигнув, сказал он ей. И Лидия поверила ему. Это было много лет назад, когда она еще не могла представить себя матерью собственного ребенка. Ее отец отвез ее лишь к краю Нессийского Леса. А Лидия отвела сына в его самое сердце, и далее на юг, к этим землям, уничтоженным дыханием Эреба, Бога Мертвых, повелителя Подземного Царства. Лидия не могла поверить. Неужели она действительно проделала весь этот путь сама? Ее муж внушал ей, что она была неспособна даже подобрать себе одежду. И, тем не менее, вот она здесь. Любой житель Мелетиды был бы шокирован увидеть ее в этой пустоши, у входа в пещеру, известную, как Алтарь Атрея.

Вместо того чтобы оценить опасность ситуации, нежный разум Лидии был поглощен тревогой о Даксе, который был слишком мал для подобного путешествия. Ему только исполнилось семь лет, но он был хил, и ростом не выше четырехлетнего. Пока они пробирались сквозь этот зловещий пейзаж, в тяжелом тумане, охлаждающем солнечный свет, она поддерживала беззаботную беседу со своим молчаливым сыном. Когда они подошли к входу в Алтарь Атрея, красная глина под их ногами сменилась черным песком, обволакивающим каждый их шаг.

- Какое странное место, Дакс, - с напускным весельем в голосе сказала Лидия. – Здесь совсем нет травы. И птиц! Я скучаю по птичьим трелям в нашем саду. И по твоим качелям под лимонным деревом! Но нам не нужно тревожиться, любимый. Это пройдет, так же, как ночь сменяет день. И мы вскоре будем дома, в нашем саду.

Лидия постоянно пыталась наполнить радостью мир ее слепого, немом сына силой своей любви. На самом деле, она не была уверена, действительно ли он был слепым или немым. Она показывала его многим лекарям, и каждый из них настаивал на том, что с его глазами все было в порядке, как не было никаких физических отклонений, препятствующим ему говорить. Но Дакс пока не произнес ни слова, а его глаза фокусировались так, как у других детей. Чаще всего он просто смотрел в небо, словно прикованный чем-то, чего никто другой видеть не мог.

Все свои юные годы ее сын не предпринимал никаких шагов к изучению окружающего мира, как это обычно делали дети его возраста. Находясь в доме, он садился в самый темный угол. Но, при этом, выглядел счастливым на воздухе, в лучах солнца. Иногда Лидия оставляла Дакса одного на траве в саду, а сама стояла в тени арки, наблюдая за ним. Когда он думал, что рядом никого нет, он начинал водить руками в воздухе, словно его пальцы скользили по узору, видимому лишь ему. Лидия не могла на это долго смотреть. Она подбегала к нему, обнимала, и

сжимала его маленькие ладони своими, пока те не успокаивались в ее объятиях. Лидия не могла и думать о том, чтобы бросить его на произвол судьбы, в этом уединенном безумии.

- Видишь пещеру вон там? – спросила Лидия, указывая на грубую расщелину в скале. – Там живет Атрей. Пещера ведет к рекам, опоясывающим весь мир. Там мы найдем то, что ищем.

Лидия произнесла это с материнской уверенностью, и ее голос был нежным и теплым, как солнечный свет, льющийся из окна. Но она не представляла себе, о чем она говорила. Она посетила десятки оракулов, мужчин и женщин, служащими проводниками богов. Она часами ждала в храмах в особые священные дни, таких как Фестиваль Шторма, когда считалось, что Керан исполнял желания в обмен на кусочек морского стекла. Она писала молитвы, вкладывала в пузырьки, и бросала их к ногам Фарики, Богини Скорби. Она опробовала каждое лекарство от всех – колдунов, шарлатанов, и лгунов – если те утверждали, что могут помочь ее сыну. Но ничто его не вылечило. Ничто не сделало его похожим на других детей.

Затем Лидия услышала рассказ от Прорицательниц, служивших ее мужу. Это была притча о детях, потерявших душу при рождении. Эти несчастные отличались от Возвращенных, которые были мертвы, но которым удалось сбежать от повелителя Подземного Царства. В отличие от них, Прорицательницы описывали детей, лишенных своих душ *до того*, как у них была возможность ступить в мир смертных. Эребу доставляло удовольствие причинять другим боль, и если бы он мог похитить все души в мире, он бы их похитил, настолько эгоистичным и озлобленным был он на свой удел. Земли Отчаянья были, в конце концов, его творением. Его тоска и жалось к себе сочились сквозь разломы его царства и отравляли землю. Все, кто слишком долго вдыхал его воздух, становился столь же несчастным и безрадостным, как и он сам.

Услышав рассказы Прорицательниц, Лидия приняла решение. Безо всяких доказательств, с одной лишь само-внушенной уверенностью, она решила, что душа ее сына – его эйдолон – бесцельно блуждала по миру в поисках своего тела. Она считала, что только Атрей, Бог Перехода, мог воссоединить обе части ее сына. Атрей был Перевозчиком, ведущим мертвых через реки Подземного Царства. Он помнил имена мертвых, живых, и утраченных душ. Так, Лидия набила кожаный мешочек золотом и вместе с Даксом улизнула из дома мужа посреди ночи. Не раз она думала о том, что их могут убить бесчисленное количество раз, прежде чем им удастся добраться до Земель Отчаяния.

У Лидии был один пронизывающий страх насчет этого путешествия, хотя она молилась Гелиоду помочь забыть о нем. Страх поселился в ее голове, как только она украла любимого скакуна мужа, пустившись вскачь по Дороге Хранителей под сверкающим величием Никса. Страх терзал ее, когда они скакали по золотым пшеничным полям на границе Мелетиды. Когда они въехали в лес, конь ее мужа встревожился и начал брыкаться. Они были вынуждены продолжать идти пешком, и страх стал болезненным комом в горле. Лидия боялась, что даже когда они достигнут Алтаря Атрея, она не сможет объяснить богу, *что* ей было нужно. Боги говорили на собственном языке, языке Никса, как утверждали ученые мужи в школах. Лидия представляла себе, что если бы божественный язык мог быть положен на бумагу, то являл бы собой просто мерцающие созвездия на листах бумаги. Среди смертных, оракулы были единственными, кто мог перевести божественную речь на язык смертных.

И это была тревога Лидии: Хоть она спрашивала у всех, кого могла, никто не смог сказать ей, обитал ли оракул при Алтаре Атрея. В Мелетиде, оракулы были в каждом храме. Высокая женщина с распущенными черными волосами стояла на возвышенном помосте в Храме Пирфора и громогласно произносила его слова страсти и огня. В храме Эфары юноша стучал бронзовым посохом, выговаривая монотонные речи прогресса и стабильности. Даже в грязном, темном храме Фарики в городских катакомбах, похожая на змею женщина шипела о секретах жизни и смерти.

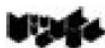
Но, как бы она ни пыталась, единственная информация, которую Лидия смогла раздобыть об Алтаре Атрея, была о том, где он был расположен. Ни одна живая душа никогда не пересекала Земли Отчаянья, и не заходила в священную пещеру. Никто не мог сказать ей, ожидает ли ее там оракул, готовый разъяснить ее просьбу Атрею. И все же, ее предупредили о его любви к золоту. Мертвые должны были платить Атрею за переправу, и его причалы были усыпаны монетами тех, кому они уже никогда не понадобятся. Его постоянно растущие запасы возвышались, подобно горам, к самому Никсу, во всяком случае, так утверждали Прорицательницы. Лидия решила, что если душа стоила одну монету, тогда она принесет сотню монет. Она предполагала, что возврат отрезанной души может стоить дорого, но была уверена, что у нее достаточно монет, чтобы убедить Атрея ответить на ее вопрос: Где душа моего сына? С мешком золота за спиной они достигли пещеры.

Однако, как только они подошли к входу в алтарь, Дакс разволновался. Он махал руками в воздухе, не сводя глаз с лица матери. Лидия должна была заметить его напряженный взгляд, поскольку никогда прежде ее сын не фокусировал своих глаз. Но она была отвлечена видением золотого, счастливого будущего со своим выздоровевшим сыном. В тени у входа, Лидия поднесла руки к шее и отвязала амулет, который носила с детства. Это был изящный стеклянный цветок с шестью лепестками, почти в форме звезды, светящийся розоватым огнем в таинственном свете безнадежности Эреба. Она повязала амулет вокруг шеи Дакса и поцеловала его в лоб и обе щеки.

- Моя мама дала его мне, а к ней он перешел от ее пра-прабабушки, - сказала Лидия. – Это цветок, который растет рядом с домом моих предков, у самого Великого Моря.

Дакс поднял руку и осторожно погладил амулет, на радость Лидии, поскольку прежде он не обращал никакого внимания ни на игрушки, ни на другие ее подарки. Она приняла это за доброе знамение.

- Теперь все будет хорошо, - сказала она, потрепав его волосы. Она крепко сжала его руку, и они шагнули во мрак Алтаря Атрея.

Как только они вошли в пещеру, их ушей достиг гул далекой реки, и мальчик резко остановился, склонив голову набок, словно прислушиваясь. Пещера была чистой и пустой, словно из нее вывели все камни и песок. Серый свет входа скрылся спустя несколько ступеней, и Лидия остановилась, выискивая в мешочке свечу, которую она прихватила вместе с монетами.

- Должно быть, алтарь чуть ниже, - прошептала Лидия, но ее радостный тон звучал искусственно даже для ее собственных ушей. Она знала одно простенькое огненное заклинание, единственное, на которое она была способна. Распалив свечу, она повела сына глубже во тьму, и гул реки становился все громче с каждым их шагом. Пламя трепеталось на фитильке, но оставалось крошечным, едва заметным, словно страхась быть замеченным. Неожиданно, окружающая тьма стала походить на сжимающийся кулак, и она в нерешительности остановилась посреди туннеля. Впервые с того дня, как она увезла Дакса из Мелетиды, сомнение окутало ее. Оно опустошило ее и поглотило ее стойкость. Что она здесь делала, одна в этой пустоши? Если все величайшие умы Мелетиды не смогли исцелить ее сына, что она ожидала найти в диких землях? Слезы накатились на ее глазах, под удушливым осознанием тщетности всего этого путешествия. Ее резкая смена настроения была работой Эреба, но Лидия слишком мало ведала о божественной природе, чтобы понять это. Эреб нашептывал всем: *Покоритесь страданиям*. Таковым было учение хранителя мертвых.

- О, Дакс, - сказала она, присев на пятки и обняв сына свободной рукой. Он подался к ней, как он делал, будучи младенцем, в поисках тепла холодными ночами. – Я дура, да? Все чего я хочу, это жить с тобой в нашем саду. Каким бы ты ни был; Что бы ты видел, или не видел. Я бесконечно люблю тебя, ты ведь знаешь это, верно?

- Асфодель, - четко произнес он. В своей ладошке он протянул стеклянный цветок, который она повесила на цепочке ему на шею. Лидия была настолько поражена первым словом ее сына, что ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что он верно опознал вид цветка, растущего в полях ее родового гнезда.

- Правильно, - пробормотала она, прижимая его ближе. Крошечное пламя свечи было подобно хрупкому пузырьку, и она заметила движение в окружающей чернильной темноте.

Ее сын отодвинулся, встав прямо перед ней. Он взглянул на нее с мудростью, превосходящей его юный возраст. Выражение лица Дакса казалось пронизательным и печальным, как у сфинкса, которого она видела однажды в Мелетиде. Блеск его глаз, который она прежде принимала за слепоту, теперь отражал звезды Никса. И в это мгновение она поняла, кем был ее сын. Не глухим или немым, но видящим вещи далеко за гранями ее восприятия.

Дакс был оракулом.

От осознания у Лидии перехватило дух. Он заговорил снова, но голос, раздавшийся из его уст, был сложным и необъятным, подобно тысяче голосов, говорящих в унисон. Он был подобен голосам оракулов, которые она слышала в Мелетиде – говорящим на языке, который она себе представляла сверкающими звездами.

- Твоему сыну здесь грозит опасность, - произнес голос из уст ее сына. В апофеозе многоголосья звучал женский голос – голос Караметры, богини матерей. – Ты должна бежать отсюда.

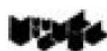
Как только Лидия поднялась на ноги, она заметила точку света, стремительно приближающуюся к ним. Свет потустороннего фонаря Атрея возник из глубин пещеры. Лидия уставилась на своего прекрасного сына и спросила себя, Где была его душа? В нем, все это время.

- Он видит божественное более ясно, чем любой оракул до него, - произнес божественный голос. – Твоя смертная жизнь, лишь тень в сравнении с величием богов.

Поток затхлого воздуха ударил в лицо Лидии, как только Атрей бросился вверх по туннелю, к ним. Позади призрачного света она услышала крики, доносимые ветром – стоны тех, кто ожидал переправы через реку, в земли мертвых.

- Атрей, Слуга Мертвых, идет за твоим сыном, - произнес божественный голос. – Повелитель Подземного Царства желает этот сосуд. Эреб попытается заполучить твоего сына.

Дакс был глашатаем божественных слов, пророк, смотрящий сквозь звездную вуаль. Он был желанным подарком для любого бога. Всхлипывая, Лидия схватила его на руки и сломя голову бросилась к входу в пещеру. К этому времени Эреб уже разузнал, что происходит из глубин, за пределами мира смертных. Щупальца его изорванного плаща походили на цепкие пальцы, хватающие Лидию, замедляя ее бегство, но он мог удержать ее. Дакс вскричал в ужасе голосом богов.

Благодаря своему божественному зрению, Дакс знал, что Эреб услышал его голос, и запомнит его навсегда. Он почувствовал, как Эреб поднялся со своего трона. Бог Подземного Царства гнал Атрея ближе к свету дня. Атрей отказался выходить за пределы своей мрачной пещеры, но его кривой посох мог достать дальше, чем Линда могла сбежать. Поскольку он мог

чувствовать всех богов, Дакс слышал, как Атрей тянулся к нему сквозь петляющие проходы. Он желал схватить Дакса и доставить его Эребу. Дакс пытался предупредить мать, но слова, срывавшиеся с его уст, не несли никакого смысла ее смертным ушам. Несмотря на темные намерения богов, Дакс слышал шепот надежды. Караметра признала безграничную любовь Лидии к Даксу и сжалась над женщиной. Дакс слышал легкую, быструю поступь небесного создания, несущегося к ним с матерью. Караметра выслала собственного питомца, гигантского соболя, чтобы тот оградил Дакса и не позволил Атрею вырвать его из объятий матери. Но проворный соболь опоздал всего на мгновение. Атрей поймал мальчика огромным крючковатым посохом, и уже тянул его вглубь пещеры. Дакс чувствовал, как Эреб алкал заполучить его, как он протягивал свои когтистые пальцы, предвкушая собственный телесный сосуд, способный касаться мира смертных.

Несмотря на сильные руки Лидии и помощь Караметры, Дакс выскользнул из объятий матери. Ни секунды не раздумывая, Лидия поменялась местами с сыном. Посох не могу уйти пустым, поэтому она втиснулась в его крюк и вытолкнула сына в безопасное место. Соболь Караметры юркнул в пещеру, и Лидия стала умолять его вынести сына на солнечный свет. Затем она позволила утащить себя за темные воды, в неизведанные земли мертвых. Дакс ухватился своими маленькими ручками за шерсть соболя, всхлипывая по матери. В три огромных прыжка соболь пересек Земли Отчаянья в относительно безопасную Нессийского Леса.

- Вон там, под солнцем. – Услышал Дакс слова Караметры, обращенные к ее соболю. – Оставь ребенка и возвращайся ко мне.

Соболь замешкался, но повиновался. Как только малыш опустился на изумрудный мох, соболь умчался к своей хозяйке, в Никс. Дакс повернулся на бок под ветвистым дубом и заплакал. Он рыдал, пока силы не покинули его, и он изможденный погрузился в сон. Боги хоть и были прихотливыми и непредсказуемыми, но все же уважали судьбы смертных. И Дакс не стал ни трофеем Караметры, ни добычей Эреба. Скорбящий мальчик будет предоставлен себе, пока не встанет на ноги, либо же не умрет под открытым небом.

Дакс лежал в тени дуба три дня, сжимая амулет матери, пытаясь отделить божественные звуки от шума материального мира. Большинство смертных видели лишь божественные образы в ночном небе, да и те были туманными и мимолетными. Но для Дакса Никс был ярким даже при свете дня. И все эти три дня он наблюдал за сражением богов и слушал щебет лесных птиц. Он видел Пирфора, Бога Кузницы, сражавшегося сияющим мечем, который разрезал божественную ткань Никса с каждым своим ударом. Дакс чувствовал дыхание обычного ветра на щеках, и шелест листьев над головой. Наконец, он был готов. Он понял, к какому из миров что принадлежит. Он смог думать на языке матери, и дышать речами богов.

Когда он сел, поднявшись с земли, то обнаружил, что не один.

За ним наблюдала девочка. Она притаилась на краю поляны, закутанная в черный плащ, который ей был явно слишком велик. Он не знал, была ли она здесь три минуты, или все три дня. Ее волосы были каштановыми, а кожа бледной, словно ее долго держали вдали от солнца. И поскольку он воспринимал мир во всей его многогранности, он видел ее скорбь, словно призму, и от увиденного у него перехватило дыхание. Он потерял мать, и чувствовал, что может не пережить эту потерю. Что бы ни потеряла эта девочка, превосходило его утрату несоизмеримо больше.

- Мне нужна еда, - сказала она осипшим от обезвоживания голосом.

Им обоим нужна была еда. Дакс был отчаянно голоден, а она выглядела так, словно голодала уже давно. На ее руках были странные отметины, похожие на шрамы, а кожа вокруг глаз была пепельного цвета. Он беспокоился, что эта пепельность могла покрыть все ее лицо и дальше, пока она не станет наполовину пепельной, и ветры Тероса развеют ее в пыль.

- Нету, - сказал он. Его голос был снова его собственным, детским голосом. Но он все еще слышал слова Караметры, звенящие в его разуме, подобно храмовым колокольчикам, мешая ему сконцентрироваться на материальном мире.

- Как называется этот мир? – спросила девочка.

Ее вопрос не удивил Дакса. Он видел как божественный мир, так и мир смертных. И, возможно, смог бы увидеть и Подземное Царство, если бы знал, откуда на него можно было взглянуть. Вероятно, девочка была из Никса, и попала сюда по ошибке. Но в тени ее тела не сверкали звезды, а все существа, рожденные в Никсе, обладали этой звездной сущностью.

- Терос, - ответил он.

Девочка зажмурилась, словно его ответ причинил ей физическую боль.

- Мне нужна еда, - сказала она.

- Да, - согласился он. Она произнесла это не как вопрос, но даже если бы произнесла, у него не было ответа. Он не представлял, что делать дальше. Она просто хотела есть. Он завидовал ее целенаправленному желанию.

Солнце садилось, и Дакс взглянул на небо, где лики богов над его головой обретали яркость и четкость. Пирфор сходил с Гелиодом в смертельной битве. Боги не могли убить друг друга, но они стремились причинить друг другу как можно больше боли. Для смертных, подобная дуэль была бы ограничена обычаем, называвшимся *меж двух колонн*. Но для богов, весь небосвод был их боевым полигоном.

- Как тебя зовут? – спросила девочка.

- Дакс, - ответил он.

- Я Элспет, - представилась она, но он не ответил. Он был заморожен блеском Меча Пирфора, созданный богом в его священной кузнице. Гелиод был безоружен. Он метнул свое копье далеко на север в плохо рассчитанном выпаде. В небесах боги кружили друг вокруг друга, как волки вокруг добычи. Дакс постигал историю их конфликта, идущую от основания небес. Он знал, что Бог Горизонтов предупредил их о том, чтобы их ненависть не вытекала из Никса в мир смертных. Но их ярость поглотила их.

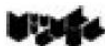
- Где твоя мама? – спросила Элспет. Было странно, что она не знала о сражении богов. Дакс задумался, замечала ли она Никс вообще. Она подошла к нему ближе, но, словно испуганное животное, пересекла поляну короткими перебежками. Он ждал, неподвижно наблюдая за небом. Вскоре она приблизилась достаточно близко, чтобы дотронуться до его руки, если бы захотела. Она взглянула на стеклянный амулет на его шее. Теперь асфодель светилась зеленоватым светом, отражая жизнь леса.

- Умерла, - сказал Дакс. Он все еще ни разу не связал и двух слов в одно предложение, но она, казалось, этого не замечала.

- Прости, - сказала она, но не утешила его никаким жестом. Он чувствовал ее беззвучную мольбу, ту, что она выражала наклоном плеч и пепельными впадинами вокруг глаз: *Пожалуйста, помоги мне*.

Дакс не знал, что делать, поэтому он наблюдал за небом, где Фенакс, Бог Обмана, крался через горизонт над головой истощенной девочки.

- Я попробую, - пообещал он.

Дакс и девочка медленно двинулись сквозь ночной лес. Элспет шла так, словно у меня были сломаны кости. Дакс постоянно спотыкался о корни, поскольку не сводил глаз с битвы

Гелиода и Пирфора. Наконец, Элспет взяла его за обе руки, словно боясь, что он упадет и поранится. Она склонила голову и пристально вглядывалась в темную тропу. Вспышки священного света озаряли лес вокруг них под ударами клинка Пирфора, уничтожавших огромные куски Никса. Дакс считал, что Элспет целенаправленно поднималась на гору. Спустя годы, он не раз задумывался, откуда девочка знала, что его нужно было отвести на ту вершину. Если бы ее не оказалось там, чтобы взять его за руки, он бы никогда не нашел свой путь и предназначение. Но тогда он был слишком отвлечен, чтобы придать этому значение. Он чувствовал, как содрогалась земля от вибрации войны богов.

На закате дня они достигли границы леса, неподалеку от горной вершины. Их привлекло журчание воды. В паре шагов от них был туманный пруд с неестественно синей водой, окруженный густым камышом. Это было владение наяд, водных нимф. Дакс увидел, как эти божественные создания отпрянули от незнакомцев. Элспет упала за землю у пруда и принялась жадно пить, утоляя давнюю жажду. Напившись, она повернулась на бок в траве и закрыла глаза. Дакс разрывался - ему нужно было взобраться выше, чтобы яснее видеть богов, но он не желал оставлять изможденную девочку. После изначальной застенчивости, нимфы осторожно подплыли к Элспет. Она была невинна, и они сжалились над ней. Они не дадут ей погибнуть у их целебных вод.

Так, Дакс продолжил путь. Как только он достиг вершины, ему открылся широкий вид на Гелиода и Пирфора. Теперь он ясно видел меч Пирфора и поражался существованию подобного оружия. Пирфор создал этот клинок, чтобы привнести хаос в божественный мир. Гелиод считал себя королем Никса, и, хот Пирфор не мог его уничтожить, он собирался жестоко покарать его за подобное высокомерие. Бог Кузницы намеревался сразить Гелиода, разрушить его царство, и свергнуть его разбитое тело на землю. Он нападал яростно, охваченный безумием, и совершенно не замечал ран, которые он наносил всему миру.

Как часто бывает, уничтожение и сотворение слились воедино. Когда Пирфор разрезал ткань Никса, он сотрясал небесных созданий, населявших ночное небо. Так он случайно вытолкнул Поликрана, Пожирателя Миров, из его небесного гнездилища. Пятидесятиглавое чудовище. Рухнул в мир смертных, оставляя за собой пылающий след из звезд.

Дакс слышал отдаленное эхо в утробе богов, осознавших, какой катастрофой Поликран обернется для цивилизации. Гелиод потребовал помощи у Круфикса, древнейшего из богов. Бог Горизонтов обладал таинственной силой, необъяснимой даже для остального пантеона, и он мог остановить Пирфора, и не позволить ему уничтожить Никс. Круфикс явился из-за края мира и распростерся в ночном небе. Пирфор увидел приближение древнего бога, и повернулся к нему. Но, как только Бог Кузницы повернулся, Гелиод ударил его с такой силой, что земля сотряслась, и волны захлестнули высокие стены Мелетиды. Удар выбил меч из рук Пирфора. Прежде, чем он смог его подобрать, Круфикс сдавил его всеми четырьмя руками, каждая длиной с горизонт. Меч Пирфора выскользнул через один из порезов в Никсе.

Дакс наблюдал, как Круфикс утащил Пирфора прочь, к краю мира. Но прежде, чем уйти, Круфикс вошел в разум каждого бога и предупредил их на непостижимом языке сотворения: *Не угрожайте больше миру смертных, или я объявлю великое Безмолвие. Боги будут вплетены в ткань Никса, и не смогут ступить на землю пока на то не будет моей воли.*

Времени на оспаривание указа не было. Гидра был выпущен в мир ни о чем не подозревающих смертных. Гелиод, объединив усилия с Нилеей, Богиней Охоты, призывавшей сеть лиан под телом гидры, чтобы смягчить его грубое вторжение в материальный мир. Внизу, в долине под горой, на которой стоял Дакс, гидра материализовался и тут же был оглушен и обездвижен. Несмотря на то, что он сильно уменьшился в размере, гидра все еще был в состоянии уничтожить каждый город людей, поэтому его было необходимо немедленно обезвредить.

Гелиод не видел падения меча Пирфора, поскольку сам обернулся крылатым конем, мчась на помощь своей сестре Нилее. Вместе они заточили гидру в пещере, глубоко под Нессийским Лесом.

Из всех смертных в целом мире, лишь Дакс видел, как меч Пирфора вошел в мир смертных. Он видел, как клинок покинул Никс и упал на вершину горы, неподалеку от того места, где он стоял. Он пылал, падая с небес, но когда коснулся земли, он уменьшился и был достаточно мал, чтобы лечь в руку человека. Как это случилось и с гидрой, резкое смещение между мирами лишило клинок его божественности. Он стал плотным – состоящим из металла, а не из Никса. Дакс повернул голову и в изумлении уставился на клинок. Смертоносное оружие бога покоилось в глине всего в нескольких шагах от него.

Пока Дакс изо всех сил пытался понять суть того, что только что произошло, восстановившая силы Элспет взобралась на вершину и встала рядом с ним. Вспышка резкого звездного света сверкнула в небесах. Длинные обрывки божественной ткани свисали из купола Никса в тех местах, где Меч Пирфора повредил его. Под ними, в долине, Нилея все еще боролась с Поликраном, бунтующим во мраке пещеры.

- Твой мир... - сказала Элспет. – Он слишком огромен.

- Видишь его лицо? – прошептал Дакс. – Он во всем.

Словно в ответ на вопрос Дакса, Гелиод явил себя во всем своем пылающем великолепии. Он принял человеческий облик и предстал мужчиной с черными волосами в просторных, развивающихся одеждах, подобно горе, возвышаясь над горизонтом. Казалось, он окружал собой само солнце. Оно светило из его тела, победоносно освещая небосвод обжигающими лучами. Гелиод взглянул на Дакса, и мальчик в молитве рухнул на землю.

Элспет была поражена необъятностью картины, заполнившей весь небосвод. Ее родной мир был наводнен непостижимым злом, и для нее, то, чего она не могла постичь, означало смерть. В языке ее матери было слово «бог», но оно стало запрещенным и опасным. Священный свет Гелиода опалил глаза Элспет, и она прикрылась плащом от ослепительного сияния.

За ее спиной, Дакс возвел руки к небесам и заговорил. – Она умерла за меня.

Его слова напугали Элспет. Она боялась, что он говорил о ней и грядущем насилии. Она только что сбежала из места, пронизанного болью и разложением, и не собиралась больше позволять кому-либо прикасаться к себе. Ее разум боролся с самим собой. Часть ее желала верить, что этот мир был безопасен, что бог на горизонте не причинит ей вреда, и даже мог защитить ее. Другая ее часть была подобна кролику, инстинктивно сбегающему от всего, что она не могла понять.

В этот момент она заметила уменьшенный меч Пирфора. Два одинаковых шара сияли в его рукоятке, подобно немигающим глазам. Она не раздумывала о том, как он очутился на горе, она думала лишь о том, как отсюда убраться. Элспет не знала, куда направляется, куда-нибудь в *другое* место, с более гладким небом и меньшими богами. Насилие будет везде, в этом она уже убедилась. И у нее не было ничего для защиты, кроме ее рук.

Инстинкт загнанной жертвы взял верх в разуме Элспет. Она бросилась вперед, схватила меч, и скользнула с насыпи. Спрятавшись за валуном, она подготовилась сбежать из этого мира. К тому времени, как она покинула Терос, Дакс уже передал себя в служение своему богу.

ГЛАВА 1

Долина Скола обладала дурной репутацией за свои бесконечные кутежи и необузданное веселье. Далеко от нее, в подсобках Меледиты, люди шепотом рассказывали истории о дебошах сатиров. Барабаны и цимбалы гремели с утра до ночи. Вино лилось через края, пляски не прекращались, и все желания здесь исполнялись, по крайней мере, так говорилось в слухах. Рассказы об оргиях и бесконечном празднике подталкивали людей на трудную дорогу из их защищенного полиса через Нессийский Лес к этой уединенной долине, где они могли лично поучаствовать в вакханалии. Огражденные зеленеющими деревьями, купающиеся в свете костра, люди и сатиры сливались в погоне за нескончаемой эйфории. Репутация долины была вполне заслуженной, но этой ночью все было иначе.

Ксенаг, король сатиров Долины Скола, хмуро и разочаровано взирал на гуляк, извивающихся в траве под ним. Он сидел на краю кушетки, на деревянном помосте, возвышавшемся над поляной. Целью веселящихся гуляк была эйфория. Одна ночь бездумного расслабления, и они были насыщены и удовлетворены. Еды было вдоволь, работы почти никакой, сатиры долины жили одним лишь празднованием – все сатиры, кроме их короля, которому наскучила погоня за удовольствиями. Кутежи были утомительны, но остро необходимы.

Ксенаг видел больше и перенес больше, чем его собратья могли себе представить. Ни один из них не мог оценить груз его дара, или испытаний, через которые ему пришлось пройти, чтобы придать этим беззаботным гуляниям далеко идущий смысл. Вскипая от раздражения, Ксенаг откинулся на кушетке, положив свое двулезвенное копье на грудь. Не так уж и давно он сам был таким же глупым верующим, как они. Но, как только зажглась его искра, он увидел вселенную за пределами Тероса, и все, что он знал прежде, разбилось вдребезги. Даже надменный сфинкс, пророчествующий в своей пещере, никогда не ступал в другие миры, в отличие от Ксенага.

Он всегда знал, что он был особенным, но его ноша была поистине уникальной. Должно быть он был частью величайшего замысла, ибо большинство смертных не смогли бы выдержать вид бесконечных миров – они бы сошли с ума от этого знания. Лишь разум, подобный его собственному, смог бы извлечь выгоду из этого опыта. И все же, он не просил об этой способности. Она пронзила его в момент величайшей слабости. И теперь он нес на своих плечах ответственность за этих ноющих овец. Ибо он единственный из смертных – и богов – знал, что для них было лучше, что было благом для этой крошечной точке мироздания, известной, как Терос.

- Слава Гелиоду, Повелителю Завтраков, - выкрикнул Ксенаг. – И Тассе, Королеве Луж!

Гуляки замерли, слышав его голос. Отрепетированным движением толпа повернулась к своему королю, и вежливо посмеялась. Но не достаточно громко, чтобы удовлетворить Ксенага. Пламя вспыхнуло в его глазах, и собравшиеся принялись хохотать соответственно его остроте.

Ксенаг вздохнул. Как же он жаждал искренних эмоций. Он мог заставить людей делать все, что он хотел, но подобные указания не могли утолить глубин его жажды. Ксенаг отпустил свое глупое, бездумное стадо обратно, в их пляски и жестом указал слуге наполнить его керамическую чашу. С тяжелым сердцем он поразмыслил о том, куда ему следовало бы направить атмосферу сегодняшнего празднования, состоящую преимущественно из сатиров и пары людей, или так называемых *пней*, впридачу. Веселье было прохладным. Если оно не разожжется, то эта ночь не даст ему ничего.

Как только солнце опустилось за горизонт, Никс материализовался в небесах над долиной. С наступлением ночи, силуэты богов и небесных существ начнут блуждать по небосводу. Ксенаг не желал, чтобы боги подглядывали за ним в его владениях. Более всего он хотел избежать внимания Нилеи. Она полагала, что Ксенаг и сатиры занимали эту долину по ее милости. Король сатиров принялся призывать защитное заклинание, и уже по его милости воздух над долиной стал плотным, словно крыша, препятствуя взглядам всех тех, кто не был желанным гостем в его доме. Он без особых усилий произнес заклинание, и заросли эфирных ветвей и стеблей расплзлись над долиной, застыв, подобно живому куполу над головами гуляк. Мерцающие огни Никса все еще проникали сквозь щели, но богам теперь было нелегко подглядывать за ним с их небесной обители.

Гуляки бурно захлопали при виде переплетенной листвы и пестрых пятнышек света, игравших на изумрудной траве. Они подняли свои кубки за Ксенага, и он почувствовал, как растет энергия веселья. Его сердце забилося чаще. Вены накалились под кожей. Но ему нужно было больше. Он небрежно закинул ногу за ногу и вызвал арканное заклинание, которое щупальцами расплзлось вокруг костра, окружив нескольких танцоров. Ему доставляло удовольствие вылавливать гуляк арканом его незримой власти. Но это было слишком просто, чтобы заинтересовать его надолго. Сама земля здесь была естественным образом пропитана божественной магией, что делало колдовство особенно простым. В Долине Скола можно было буквально вырыть яму и увидеть, как почва мерцает звездами Никса.

Он заарканил трех танцоров: двух самок сатиров и юношу по имени Дейфон, прибывшего из Мелетиды всего пару дней назад. Наследник богатой семьи, Дейфон был красивым юношей с темными кудрявыми волосами и чувством собственного достоинства. Он пил вино всю ночь, что сделало особо подверженным контролю короля сатиров. Как и все человеческие *пни*, он пришел в долину с мыслью, что жизнь была нескончаемой вечеринкой. Ксенаг позволил самкам выскользнуть из его мистической хватки. Он мог манипулировать сатирами целыми днями без особой пользы. Но этот юноша был для него более интересен. Дейфон считал себя одаренным оратором, рассказчиком притч. И Ксенаг желал испытать его способности.

- Дейфон! – Подозвал Ксенаг юношу. – Подойди, раздели со мной ужин!

По толпе пронесся ревнивый шепот. Гуляки присматривали за платформой, пока король сатиров хандрил. Теперь же его почетный гость был выбран. Мгновенно королевский стол был накрыт, и слуги устали его блюдами с фруктами, инжиром, и ячменным хлебом. Темное бордовое вино лилось через края широких чаш, и настроение праздника заметно улучшилось.

- Это честь для меня, - произнес Дейфон, усевшись на синие подушки.

- Какие новости в мире? - вежливо спросил Ксенаг.

- Вернулась Каллафа Мореплательница, - триумфально произнес Дейфон, словно сам совершил ее подвиг. Гуляки возбужденно зашумели. Ксенаг был разочарован. Легенды о Каллафе – морской мошеннице, укравшей у богов какие-то безделушки и выбросившей их с водопада у края мира – для него ничего не значили.

- Как интересно, - солгал он.

- Да, ее видели на волнах у Верфи Сирен, - сказал Дейфон. – И в ненастную ночь в гавани Мелетиды.

- Вероятно, она собирается похитить корону Гелиода, - сухо сказал Ксенаг.

Король сатиров видел, что Дейфон услышал нотки презрения в его голосе. Юноша закрыл рот и взял в руку кубок. Большинство людей продолжили бы свой рассказ, но Дейфон явно почувствовал неодобрение сатира. Возможно, он был более проницательным, чем изначально полагал Ксенаг. И именно *проницательности* так жаждал король сатиров.

- Наслаждайся вином, парень, - тепло произнес Ксенаг. – А потом расскажи мне притчу.

Сказание притч было высоко ценным искусством с негласными правилами, как для сказателя, так и для слушателя. Дейфон широко улыбнулся просьбе Ксенага. Казалось, он не был удивлен тем, что привлек внимание коварного короля сатиров.

- Мой повелитель, я не достоин рассказывать притчи, - колебался Дейфон.

- У тебя серебряные уста, - возразил Ксенаг. – Уверен, даже боги Никса сядут тебя послушать.

- Вы слишком добры, - произнес Дейфон. – Но если Вам так угодно, Ваше величество, я расскажу Вам новую притчу, которую услышал по дороге сюда. Надеюсь, Вы простите мое косноязычие...?

- Разрешаю тебе пересказать ее своими словами, - великодушно сказал Ксенаг.

Дейфон поправил подушки вокруг себя и облокотился о спинку кушетки. Гуляки сгрудились у резных ножек помоста. Ксенаг уселся поудобнее, слегка подавшись вперед, словно не желая упускать ни единого слова.

- Как мы все знаем, Пирфор уже давно не появляется в ночном небе, - начал Дейфон. – Он тяжело трудится в свое горной кузне и пренебрегая своими обязанностями перед его братьями и сестрами в Никсе.

Ксенаг вежливо кивнул. Юноша, выращенный в Мелетиде был склонен рассматривать конфликт между Гелиодом и Пирфором в подобном свете. Мелетийцы обожали своего бога солнца, считая Пирфора падшим братом низкого сословия. Какой-нибудь юноша из Акроса мог бы описать эту историю наоборот.

- Много лет назад, в тяжелое время сражений с минотаврами, Фенакс начал нашептывать на ухо Гелиоду о том, что Могий задумал пленить его, и заточить в своем Храме Злобы. Бог Истребления планировал вырезать имя войны на лице Гелиода.

Ксенаг узнал эти события, произошедшие не более десятка лет назад. Дейфон же говорил о них, как о далеком прошлом, хотя он сам был их современником, хоть и очень юным. В Теросе, история превращалась в миф гораздо быстрее, чем в иных мирах. В том, что сказал Дейфон, были зерна правды, но большая часть была искажена его ограниченным ракурсом.

- Гелиод решил напомнить Могию о том, что он был повелителем всего пантеона, - продолжал Дейфон. – Поэтому он попросил Пирфора перестроить Никс. Гелиод желал, что Никс превратился в прекрасный дворец, чтобы все узрели его величие. Но Пирфор отказался возводить величественное здание, поскольку он сговорился с Могием и коснулся алтаря темного бога.

Ксенаг хрипло усмехнулся, но Дейфон не услышал его. Рассказ юноши превратился в пропаганду Гелиода, что раздражало еще больше, чем высокомерие этого *пня*. Конечно, юноша не мог оценить творческую сторону Пирфора, то, как он мог создать нечто прекрасное лишь с тем, чтобы уничтожить и начать заново. Ксенаг не испытывал любви к Богу Кузницы, но ему была близка страсть его души.

- Когда боги повздорили, Пирфор выковал меч в пламени своей горы, - продолжал Дейфон. – Он завидовал Гелиоду и не желал, чтобы Никс отражал его величие. Пирфор хотел унижить Бога Солнца, но в своем испепеляющем безумии, он допустил ошибку. Ему не хватало точности Тассы, Богини Моря. Недоставало хитрости Крана, Бога Бурь. Поэтому, в своей ярости, он освободил могучего Поликрана из его логова в небесах.

Теперь Ксенаг почувствовал искру любопытства. *Каждый* знал миф о Поликране. Много веков назад, Нилея обессмертила его, перенесла в Никс, после того, как он уничтожил огромный полис, размером с Акрос и Мелетиду вместе взятые – так утверждали слагатели мифов. Нилея превратила гидру в небесное существо, поскольку не могла позволить ему погибнуть, но понимала, что он был слишком опасен, чтобы сосуществовать бок-о-бок со смертными. И Поликран оставался в Никсе, пока Меч Пирфора не освободил его, вновь вернув на землю.

- Гелиод попал в трудное положение, - продолжал Дейфон. – Когда гидра коснулся земли, он утратил свою пелену из звезд. Поликран пылал бессмысленной ненавистью к цивилизации, и Мелетида, величайший город всех времен, был в опасности. Но Пирфор вызвал Гелиода на поединок *меж двух колонн* и вознамерился уничтожить Никс. Конечно, Бог Солнца не мог этого допустить. Он призвал своего старшего брата, Круфикса, который редко выходил из своего Храма Таинств на краю мира.

Ксенаг терял терпение с каждым разом, когда уголки губ Дейфона приподнимались в конце каждого медленного предложения. Он слышал эту историю тысячу раз. Произошло ли что-нибудь новое, что вскоре будет поглощено этой легендой? Если смертные уже рассказывали истории о гидре, а боги все еще этого не замечали... что ж, планы Ксенага развивались быстрее, чем он рассчитывал.

- И Гелиод воззвал к своей прекрасной сестре Нилее... - Самодовольно продолжал Дейфон. Он говорил повышенным тоном, имитируя форумных сказителей, собиравших огромные аудитории в Мелетиде.

- Да, Нилея натянула сеть из лиан и стеблей и поймала гидру, рухнувшего с небес, - перебил его Ксенаг. Все знали, чем заканчивалась эта история: Вместе с Гелиодом они связали гидру и заточили в огромной пещере, после чего Нилея высадила великий Нессийский Лес поверх пещеры. А Керан могучим ветром перенес Меч Пирфора в океан Тассы, где он был погребен в руинах Ариксмета.

- И бла, бла, бла, Круфикс отшлепал их по рукам и сказал так больше не делать, или он их запрет в Никсе, как непослушных детей, - саркастично закончил Ксенаг.

Воцарилась звенящая тишина. В рассказе притчи были определенные правила, и Ксенаг сам обычно их придерживался. Он сам попросил рассказать притчу, в конце концов. Считалось неслыханной грубостью – не менее чем оскорбление достоинства Дейфона – подгонять рассказчика подобным образом. Сатиры, собравшиеся вокруг помоста Ксенага, быстро скрыли свое изумление, но Дейфон выглядел уязвленным вмешательством короля сатириков. Ксенаг сощурил глаза. Дейфон испортит весь праздник своей обидой.

- Ты сказал, что слышал что-то новое по дороге сюда? – проговорил Ксенаг.

Несколько сатириков узнали опасные нотки в его голосе и стали потихоньку отходить от помоста. Боковым зрением Ксенаг видел, как они пятились, подобно псам, ожидавшим порки за плохое поведение. Трусы. Если он позволит всем им улизнуть, на поляне останется только Дейфон. Ему нужна была аудитория. Если Дейфон так любил внимание, он заслужил его сполна.

Дейфон отпил из кубка и пренебрежительно пожал плечами. – Я слышал, что гидра восстал вновь.

Шокированные сатиры начали перешептываться, и Дейфон выглядел весьма удивленным. Он произнес эти слова безо всякого пафоса, и все же это предложение вызывало наибольшую реакцию у зрителей.

- Король Ксенаг, благодарю Вас за гостеприимство, но я чувствую, что сильно устал, - сказал Дейфон. Он формально поклонился, не вставая с места. – С Вашего позволения, я бы желал удалиться и отдохнуть.

Ксенаг едва скрывал свой гнев. Он подсел к юноше и обнял его рукой за плечи. Дейфон, утратив всякое ощущение веселья, попытался отпрянуть от прикосновения сатира.

- Но ты проделал весь этот путь, чтобы вкусить плоды этой долины, где удовольствие не знает границ, - сказал Ксенаг.

- Да, и это было весьма увлекательно... - Дейфон замолк, когда Ксенаг положил тяжелую, властную ладонь на макушку юноши.

- Почему никто не танцует? – по-отечески выкрикнул Ксенаг толпе гуляк.

Красный туман поднялся из зачарованной почвы и замерцал вокруг ног собравшихся. Туман сопровождался сладким запахом апельсинов, и зрители тут же почувствовали волну удовольствия. С горящими глазами сатиры принялись раскачиваться под несуществующие звуки музыки. Некоторые сомкнули руки и принялись плясать быстрее. Другие опустили на колени, собирая кучки камней.

Пальцы Ксенага перебирали шелковистые кудри Дейфона. Он все еще сидел на возвышении помоста, и туман еще не достиг ног юноши. Дейфон взглянул на темнеющий горизонт.

- О чем задумался, парень, - сказал Ксенаг.

- Я думаю о белых песках Гавани Мелетиды, - сказал Дейфон. Он не просто говорил, он молился. Отчаянье в его голосе ускорило биение сердца Ксенага.

- Если я оскорбил Вас, Ваше Величество, - тихо произнес Дейфон. – Я прошу прощения.

Он ожидал свою судьбу, заметил Ксенаг. Большинство людей, не ожидали бы, но это ничего не меняло. Ему уже была безразлична пронизательность Дейфона. Ударив кулаком по голове юноши, он сбросил Дейфона с края помоста на землю. Он лежал оглушенный, пока красный туман заволакивал его взор. Глубоко вдыхая цитрусовый аромат, Дейфон поднялся и принялся медленно кружиться с выражением полной сосредоточенности на его ангельском лице. Ксенаг заставил музыкантов поднять инструменты, и опьяненные гуляки ускорили свои движения, подхватывая темп свирелей и барабанов. Горка камней выросла от размера муравейника, до уровня алтаря.

Это представление не долго привлекало внимание Ксенага – он видел его уже много раз. Он повернулся к блюдам с едой и не видел, как сатиры со стеклянными глазами окружили своенравного рассказчика. Пока Дейфон танцевал, один из сатиров поднял камень с собранной кучи и швырнул его в юношу. К нему присоединился еще один, за ним еще, пока камни дождем не посыпались на оратора. Дейфон ничего не замечал, как стебель травы, не замечающий бури, даже когда непрекращающиеся удары сбивали его с ног. Он не пытался уклониться, даже когда, окровавленный, опустился на колени. Его губы застыли в блаженной улыбке. Ксенаг разогнал сатиров. Теперь, когда ущерб был нанесен, он желал продлить последние мгновения Дейфона.

- Приведите оракула, только не Круфикского идиота, - приказал Ксенаг своему слуге.

- Это единственный оракул, который у Вас остался, - напомнил ему слуга.

Ксенаг фыркнул от хрупкости божественных глашатаев и махнул слуге привести кого угодно из тех, кто томился в клетках пещеры под ними, хоть ту сумасшедшую, которая жила задом наперед, или какую еще чушь слагатели мифов говорили о ней.

Послышался раскат грома, и Ксенаг хмуро взглянул в небо. Почему это Бог Бурь стучался в его крышу? Дождь не шел здесь, если того не желал Ксенаг. Гром повторился, на этот раз громче, прямо над долиной. Ксенаг вздрогнул, когда разряд молнии сверкнул с небес, и прожег огромную дыру в его плетеной крыше. Удар Керана пробил защиту Ксенага, коснувшись самой земли, неподалеку от места, где на залитой кровью траве, с пробитым черепом лежал умирающий Дейфон. Энергия затрещала над самой землей. Гуляки не отреагировали на звук грома, но почувствовали силу удара молнии и разбежались в разные стороны. Ксенаг остался один перед опустевшей поляной. Когда капли дождя забарабанили сквозь рваную дыру в его лиственном куполе, он издевательски крикнул Керану.

- Что, Дейфон подарил тебе симпатичный кусочек морского стекла? – подначивал Керана Ксенаг. – Или ты ревнуешь к моим *пням*?

Ведомая слугами короля сатиров, оракул приблизилась сквозь туманный ливень. Это была красивая женщина с глазами цвета миндаля, и длинными черными волосами. Она казалась расслабленной и отрешенной, вовсе не похожей на того, кто несколько недель провел в

подземном заточении. Когда они впервые привели ее в долину, она открыла, что ее звали Кидель, но с того дня так и не сказала ничего хоть отдаленно полезного даже под принуждением. Это было типично для оракулов Круфикса, слывшего самым древним и наиболее таинственным богом. Кидель перевела взгляд с Ксенага на мертвого юношу.

- Керан вправе оскорбиться столь бессмысленным убийством, - сказала она. Это было самое понятное предложение из всех, что король сатиров от нее слышал. Ее намокшие волосы вискали из сплетенного узла, нависая перед ее лицом. Она взглянула на Ксенага сквозь мокрые пряди, и ее глаза отразили звездное полотно Никса.

- Не болтай, пока я тебе не прикажу, - сказал Ксенаг. Это звучало нагло даже для него, и она усмехнулась его самонадеянности.

- Чего ты хочешь, Король Чужеземец? – спросила она.

- Рассказывай, что знаешь, и можешь убираться, - сказал он. Он устало опустил на промокшие подушки в порыве жалости к себе. Веселье было испорчено. Его сердце билось в медленном, сбивчивом ритме, он чувствовал себя невероятно изможденным. Он лелеял надежду, что история Дейфона окажется полезной, но смертные были слишком слепы, из-за собственной корысти. Все его оракулы погибли, кроме этой. Ему нужен был лучший способ обозревать весь мир, чем через похищение божественных глашатаев с улиц, словно он был каким-нибудь мелким жрецом Эреба.

- Ты не смог бы удерживать меня, если бы мне это было не угодно, - ответила она. Это был уже не голос Кидель, это было божественное многоголосье. Круфикс, должно быть, наблюдал через ее глаза. Этот пассивный, приходящий в ярость, древний бог.

- Правда ли, что гидра бродит среди смертных? – спросил Ксенаг.

- Подножье леса сотрясается, и Поликран вдыхает свежий воздух, - ответила оракул.

- Как мне попасть в Никс? – продолжил он.

Кидель, как и все оракулы Круфикса, обладала двумя дополнительными руками, состоящими из звездной тени, подобно образу ее бога. Теневые руки Кидель изгибались, словно она танцевала, но она не произнесла ни слова. Ксенаг ухмыльнулся ей сквозь пелену дождя.

- Ты похожа на барахтающееся насекомое, - сказал Ксенаг. – Жука, опрокинутого на спину.

- Так сквозь корни, в водную колыбель Ариксмета, - пробормотала оракул. – Потерянный город без собственных корней.

- Что насчет Меча Пирфора? – спросил Ксенаг. – слагатели мифов говорят, что судьбы меча и гидры связаны.

- Слагатели мифов не могут измерить дно моря до самих краев вселенной, - сказала оракул.

- Как мне попасть на край мира? – сказал Ксенаг. – Я знаю, что за твоим водопадом есть способ попасть в Никс.

- Ступай, выпрыгни за его край, и я с радостью размажу тебя о камни мироздания, - сказала Кидель.

- Гидру пробудили мои празднования? – продолжал Ксенаг.

- От вечных огней до осколков небес, до вершины горы Велеры, - отвечала Кидель. – Затем пустота. Но больше пустоты нет.

- Говори яснее, - приказал Ксенаг, - или я вырежу твой язык.

- Ты думаешь, что можешь скрыть свои деяния? – спросила оракул. – Боги осведомлены, что чего-то не хватает.

- Но знают ли они, что это я? – спросил Ксенаг.

- Скоро каждый узнает твое имя, - сказала она. Ксенаг был польщен, хотя очевидно она не имела в виду ничего хорошего.

Кидель отвернулась от него и прошла к телу Дейфона. Ксенаг решил, что ненавидит оракулов Круфикса больше остальных. Она позволила себя похитить, чтобы следить за ним. Ему стоило убить ее сейчас же, пока Круфикс не раскрыл его планы. Пряди волос, свисавшие со лба Кидель стали подобны вуали Атрея, когда она душе Дейфона найти путь в Подземное Царство. Столько суеты из-за одного надменного человека.

- Спасибо за молнию, Керан, - произнесла оракул в небеса.

Вместо того, чтобы убить Кидель, Ксенаг решил, что он лучше продолжить унижать и манипулировать ею в своей долине. Ее загадочное божественное зрение было, все же, лучше, чем вовсе никакого. Но он чувствовал себя слабым после провала веселья. Ее разум был чист и нетронут, в то время как он чувствовал себя обессиленным и истощенным. Он не желал испытывать свою силу на этой женщине, поэтому он ничего не предпринял, когда Кидель обернулась туманом и растаяла, воспарив сквозь дыру в плетеном куполе. Она отправится назад, к Древу Круфикса у водопада на краю мира, где ее бог наблюдал за пульсом времени и мироздания.

ГЛАВА 2

-Эй, подъем, - прорычал Ксиро. – Твоя вахта.

Носок ботинка ткнулся в ногу Элспет, и ее пальцы инстинктивно сжали рукоять меча. Она спала так мало. И, несмотря на твердую землю, узловатые корни под тонкой подстилкой, и резкий запах гниющих яблок, она совсем не хотела просыпаться.

Элспет открыла глаза в тот миг, как поток искр вырвался из кратера горы Велеры, заполнявшей собой горизонт над фруктовым садом, в котором был разбит их лагерь. Этой ночью небо было особенно ярким. Звездные облака фиолетовых и синих цветов окаймляли гору и на ее глазах складывались в волнистый узор. Жители Тероса дали ночному небу имя: Никс, обитель богов. Поначалу, Элспет считала, что слово «обитель» было метафорой. Но она уже несколько месяцев провела в Теросе, и чем больше Элспет узнавала о нем, посещая храмы, тем более она понимала, что Никс был вполне реальным местом. Она вернулась в этот мир из-за богов. Возможно, именно боги делали Терос иммунным к таким зверствам, с какими она сталкивалась в Мирродине, или к хаосу, подобному тому, что поразил Бант. Если боки были ключом к безопасности мира, ей нужно было понять о них все. Но сначала ей нужно было заработать на жизнь, работая на Ксиро, и он толкал ее в бок и приказывал проснуться.

- Сейчас же! – Ксиро опустил на корточки и потряс ее за плечо. – Или я заберу это твой бесценный меч и отпинаю тебя в реку.

- Не трогай меч, - пробормотала Элспет, выползая из спального мешка.

Ксиро был капитаном наемного отряда, собранного из жителей Квартала Иноземцев в Акросе. Ксиро поклонялся Ирою, Богу Победы. Он даже назвал свой отряд Клинками Ироя, в честь божественного покровителя Акроса. Кроме Элспет, остальные Клинки раньше служили в Акросской армии, но были изгнаны по причинам, о которых никто не говорил – изгои не по рождению, но из-за обстоятельств. Ксиро брал работу из нужды, но сам он, и его люди часто говорили о восстановлении благоволения властей. Элспет понимала, что он жаждал быть вновь принятым в чистый город, за границами убогого квартала, служившего ему сейчас домом.

Ксиро нетерпеливо ждал, пока она сворачивала свою подстилку и запихивала ее с остальными вещами под брезентовый навес, натянутый меж яблонь. Это была их третья ночь в саду поместья вельможи, расположенного невдалеке от стен Акроса. Поместье Такиса было одним из немногих крупных сельскохозяйственных угодий за пределами города. Оно раскинулось на берегах притока реки Дейды, несущей свои воды из гор, и впадавшей в море. Арвид Такис, хозяин поместья, был рассержен на Короля Акроса, Анакса, от чего и обратился за защитой к Ксиро, вместо того, чтобы положиться на помощь армии. Клинки были наняты на охрану поместья от леонинов, совершавших набеги из горной местности. Из всех крупных поместий вокруг Акроса, это было единственное, на которое пока не нападали мародеры. Отряд Ксиро нес дозор круглосуточно, сменяя патрульные вахты.

- Где остальные? – спросила Элспет у Ксиро по пути из сада к стенам обширного Поместья Такиса.

- Они обходят побережье, - сказал Ксиро. – Потом остаток ночи будут отдыхать в саду.

- Разве не минотавры обычно угрожают Акросу? – спросила Элспет. – Почему господин Такис полагает, что это леонины?

- Леонин был замечен в саду пару дней назад, - ответил Ксиро. – Минотавры не проводят разведывательные вылазки перед нападениями.

Элспет узнала, что орды минотавров свирепствовали в горах вокруг Акроса. Караваны, проходящие по Дороге Великой Реки, вдоль Дейды, к морю, постоянно подвергались нападениям. Хотя минотаврам не хватало организованности для полномасштабного нападения на полис, но даже равнины у городских стен не были от них в безопасности. Конфликт уходил корнями к самим богам. Ирой и Могий были братьями близнецами, и оба были богами войны. Но сферой Ироя была победа и честь, а Могий поощрял истребление и боль. Они постоянно боролись друг с другом, и главной задачей Ироя было сдерживания Могиа.

- Чей храм ты посещала на этой неделе? – многозначительно спросил Ксиро. Его удивляло и настораживало стремление Элспет исследовать священные места его города. Он вел себя так, словно ее заинтересованность пантеоном была в лучшем случае ему неприятна, и, вероятно, даже немного аморальна. Для него существовал всего один бог, Ирой, и его тень никогда бы не легла на порог храма «меньшего» бога.

- Я была у алтаря Керана за Королевской Обсерваторией, - сказала Элспет. – Меня уверили, что это лишь бледная имитация его священной обсерватории, его храма в горах.

- Керан, Бог Озарения – *пф*, - фыркнул Ксиро, махнув рукой. – Он ни разу не сказал мне того, чего бы я не знал и без него.

- У Гелиода тоже есть алтарь в горах, за Акросом? – осторожно спросила Элспет. От мысли о Гелиоде, ей становилось не по себе. Она помнила его со времен своего первого посещения Тероса, много лет назад, на вершине горы. С тех пор, если она слышала слово «бог», она всегда представляла его лицо.

- Он стоит в самом конце Гребневой Тропы, меньше мили от Королевских Ворот, - сказал Ксиро. – Это место было выбрано из уважения к Ирою. А не потому, что мы, Акроссиане, не почитаем Бога Солнца.

Когда они дошли до края сада, в воздухе резко запахло цитрусами. Две церемониальные башни располагались по обе стороны от слегка приоткрытых бронзовых ворот. На их глазах пестрый, рассеянный свет Никса осветил землю. Космические тени, отброшенные небесами, находились в постоянном движении. Поначалу это дезориентировало, но теперь Элспет рассматривала их, как естественный камуфляж. Если стараться двигаться вместе с тенями, то можно оставаться практически невидимым.

И все же, не выходя из теней деревьев, Ксиро опустился к земле и осмотрел следы на грунтовой дороге, ведущей к воротам. Здесь было множество отпечатков ног и копыт, словно здесь недавно проехала целая армия. Элспет ожидала от Ксиро каких-нибудь действий, но он не поднимался с места. Ксиро был пожилым мужчиной с приятным, но потрепанным временем лицом, и Элспет была о нем высокого мнения, поскольку он, не моргнув глазом, принял ее, иноземку, не заявившую ни о какой-либо военной подготовке. Его главным достоинством была изобретательность – он был человеком, которого хотелось бы видеть рядом в бою, или которому можно было доверить починку колеса, но для праздной полуденной беседы он был не лучшим выбором.

- Что-то не так, - прошептал Ксиро. – Ребята должны были завершить обход. Но сигнала не было. И почему они оставили открытыми ворота?

Словно в ответ на его слова, южная сторожевая башня взорвалась в облаке огня, осколков камней, и красной пыли. Элспет отвернулась и прикрыла лицо, защищаясь от града мелких обломков, осыпавшегося на них. От более опасных осколков их спасли низкие кроны яблонь. Когда пыль рассеялась, им открылись ворота, расплавленные по центру, открыв широкую брешь в земли поместья.

Выхватив оружие, они бросились сквозь искореженный металл ворот, раскаленные края которого все еще светились от мощного взрыва. Ворота выходили к так называемому Садовому Манежу, круглой площадке, засеянной травой, где конюхи тренировали жеребцов семьи поместья. Садовый Манеж был пуст, но за стенами внутреннего двора мелькали языки пламени.

- Нельзя подпустить их к особняку! – Сказал Ксиро.

Элспет бросилась за ним в сторону внутреннего двора. Она была здесь однажды, и тогда ей казалось, что это место было воплощением какого-то райского сна. Цветы цвели в клумбах вдоль внутренней стены и обильно свисали с подвесных горшков, а пруд изобилдовал золотыми рыбками. Семья Такис использовала внутренний двор для увеселений, и он красовался резными скамьями, павильоном с фреской горы Велеры, и статуями богов, созданными лучшими скульпторами Мелетиды.

Когда Элспет и Ксиро достигли вишневого ворот, то нашли их расколотыми и повисшими на вывернутых петлях под сводом каменной арки. Ксиро выбил ногой оставшийся кусок древесины и ворвался во внутренний двор. Они остановились у пылающей цветочной решетки, бутоны роз почернели и осыпались. От решеток пламя петляло по раствору в стыках мощеной плитки, светящейся от неестественного жара. Ксиро метнулся к засыпанному пеплом пруду и быстро осмотрелся в поисках какой-нибудь вазы или горшка. Что-то блеснуло в тенистом углу сада и привлекло внимание Элспет. Что бы это ни было, оно скрывалось в густых тенях кустов и плодовых деревьев, и блеснуло так близко к земле, что она решила, что это были глаза какого-то животного, в ужасе прячущегося от пожара. Она сделала пару осторожных шагов в сторону теней. Глаза, не мигая, смотрели на нее, зрачки в них были странной прямоугольной формы, горизонтально делящие радужку глаза.

- Элспет! – Выкрикнул Ксиро. – Помоги мне потушить огонь.

Как только Элспет повернула голову к Ксиро, существо выпрыгнуло из кустов прямо на нее. Оно сбilo ее с ног и навалилось сверху, рыча и щелкая зубами, словно пытаясь искушать ее лицо. Еще несколько темных силуэтов прыгнули с ближайшей стены, со странным гулким звуком ударившись о мощеную плитку. Приземлившись, все трое бросились на Ксиро. Элспет выкрикнула предупреждение и вцепилась в нападавшего. Зажав одной рукой горло животного, и отодвинув его щелкающие челюсти от лица, Элспет нащупала пальцами свободной руки свой меч. Она не могла взмахнуть им, и поэтому ударила существо рукоятью по голове. Нападавший попятился от боли, и она столкнула его с себя.

Элспет поднялась на ноги, и животное вновь отпрянуло в тень, временно отступив. Она всмотрелась во тьму, пытаясь рассмотреть очертания... что это за существо? Его силуэт был размыт, словно воздух вокруг него мерцал от магической энергии. Это могла быть какая-то собака, но явно это не был леонин. Слишком мал, подумала она, когда он вновь прыгнул на нее из зарослей. Она уклонилась и взмахнула мечом по широкой, низкой дуге. Острие меча рассекло его от живота до подбородка, и существо рухнуло на землю.

Элспет бросилась к Ксиро, прижатого к стене и окруженного тремя существами, пытавшихся разорвать его зубами и когтями. В свете горящей сетки, она рассмотрела их мохнатые ноги с копытами, но их тела были человеческими. Прежде чем она смогла пробраться к своему капитану, еще несколько существ появились на стенах. Они прыгнули к ней, словно пятнадцатифутовая высота для них не имела значения. Боковым зрением она заметила, что тот, кого она так сильно порезала, поднялся на ноги. Кровь хлестала из его ран, заливая плитку, но он не обращал на ранения никакого внимания. Она вонзила меч в горло ближайшего нападавшего и бросилась в бой рядом с Ксиро. Элспет задумалась, не повредила ли она зрение, поскольку она не могла толком разглядеть, с кем она сражалась. Однако, все остальное – деревья, цветы, огонь – было четким.

- Они не унимаются, - выкрикнула она, отрезав пугающе похожую на человеческую руку очередного нападавшего. Потеря руки остановила его ненадолго. Как только он поднялся на ноги, он сразу бросился к ней, щелкая зубами. Элспет рассекла его череп мечом, и он обмяк на светящейся плитке. Их можно было убить, но они были безумно настырными.

Еще с дюжину существ прыгнули со стены во внутренний двор. Те, кто не нападал на Элспет и Ксиро, разбивали статуи, или поджигали все, что могло гореть. Они словно находились в мистическом трансе, совершая дерганные движения, планомерно уничтожая прекрасный сад.

- Охраняй дверь! – крикнул Ксиро, рассекая воздух мечом. Кровь брызнула на стену за его спиной.

Элспет метнулась через пылающий двор и встала перед дверью, ведущей в особняк. Она почувствовала странный, клубящийся ветер, завихрившийся вокруг нее. Все существа на мгновение замерли, неестественно дернулись, и с новыми силами продолжили сражаться. Несомненно, здесь была задействована какая-то магия. Она сделала глубокий вдох, готовясь призвать заклинание, невзирая на окружающий хаос. Ее друг Аджани однажды сказал ей, что вся магия происходила из земли, но сильнейшие из магов находили собственные способы направлять ее в сражении. Некоторые проговаривали слова, чтобы сконцентрировать мысли, другие выкрикивали имена врагов. Элспет научилась направлять волшебные потоки через ритуальные движения ее клинка. Она все еще использовала силу земель, но ее движения фокусировали магию, словно звук, усиливающийся с помощью рожка.

Три существа одновременно бросились к ней, но заклинание Элспет было уже готово. Свежие силы прилили к ней и к Ксиро. Она услышала, как он выкрикнул боевой клич, когда неожиданная энергия наполнила его тело. Один из нападавших сомкнул челюсти на руке Элспет, но едва ли почувствовала укус. Элспет взмахнула мечом и отделила голову существа от его тела. Она резко встряхнула рукой, сбросив с себя отрубленную голову. Другой нападавший попытался проткнуть ее рогами, но она ударила его ногой, и тот отлетел, столкнувшись с третьим существом. После столкновения, оба нападавших вцепились друг в друга. Затем, один из них вгрызся зубами другому в горло и принялся пожирать его плоть. В ужасе Элспет наблюдала за этой жуткой сценой каннибализма на фоне бушующего пламени.

- Сталкивай их друг с другом! – прокричала она Ксиро, который рубил взбешенное существо, никак не желавшее сдохнуть.

Элспет подбежала к одному из мародеров, крошащему каменную голову Ироя молотом в пыль. Она схватила его на рог и толкнула в одного из его напарников. Врезавшись друг с другом, они принялись рвать друг друга зубами и когтями. Ксиро последовал ее примеру, и они загнали нападавших в угол. Казалось, существа ничего не соображали, охваченные неистовым безумием. Высокий и диссонирующий вой раздался со стороны фруктового сада. Звук нарастал, и оставшиеся мародеры принялись снова и снова вопить одни и те же бессмысленные слова: «Король Чужеземец. Король Чужеземец. Король Чужеземец». Затем, словно по мановению чьей-то руки, они вспыхнули самоиспепеляющим пламенем.

Вой стих, и единственным звуком в ночи было потрескивание гаснущего огня на обугленных трупах существ. Ксиро согнулся и едва удержался, чтобы не рухнуть на разбитое основание одной из статуй. Его лицо и руки были иссечены порезами и кровоточащими отметинами от зубов.

- Что это были за... звери? – спросила Элспет, рассматривая окровавленные зрачки трупов, которых пожирала их собственные компаньоны.

Ксиро выпрямился. Элспет знала, что этот человек прошел суровую школу Акросского солдата и был закален во многих сражениях. Но сейчас он выглядел больным и слабым.

- Это не звери. Это были сатиры.

- Сатиры? – удивленно переспросила Элспет. Она видела фрески озорных людей с козлиными ногами, игравших на свирелях и хлещущих вино. – Я думала, они живут в вечном блаженстве. Бродяги и весельчаки, если верить тому, что я о них слышала.

- Они пьяницы и глупцы, - проговорил Ксиро. – И иногда вандалы. Но я никогда не видел ничего подобного. Никто никогда не видел ничего подобного.

- Что они кричали перед смертью? – спросила Элспет.

Ксиро вытер лоб, размазав по нему кровь и грязь. – «Король Чужеземец».

- Что это значит?

Ксиро вздохнул. – Просто безумие. Невозможно объяснить сумасшествие. Пойдем, отыщем остатки отряда.

ГЛАВА 3

Гелиод принял облик обычного человека и стоял на вершине скалы, обводя взором необъятное, бурное море. Небо было безоблачной, бескрайней синевой над темными глубинами океана.

- Сестра, - позвал он. Ветры дули низко в его присутствии, позволяя его голосу беспрепятственно проникать к самым краям земли.

Темная туча показалась из-за горизонта, и поток холодного ветра хлестнул по его скале. Это был верный признак, что Керан, Бог Бурь, наблюдал за ним, хоть его внимание была сейчас нежеланно. Гелиод увеличился в размере, все еще в облике человека, но теперь возвышаясь к небесам. В этом виде, он более походил на гигантов прошлого, ныне ушедших из мира смертных.

- Сестра, я должен говорить с тобой, - строго произнес он. Затем, он гневно взглянул в небо, где Керан вскипал серой злостью. – Возвращайся в свои горы, Керан. Ты мне здесь не нужен.

Море забурлило в ответ на его слова, и он понял, что Тасса, Богиня Моря, все же слушала его. Потусторонние вибрации женского голоса пульсировали в глубинах и пузырями вздымались к поверхности. Эхом расходясь по беспокойным волнам, звуки ее слов становились все громче, пока мощный гейзер не вырвался из глубин океана к небесам. Рокот волн разошелся от струи воды, устремившейся к Никсу, а затем обрушившейся обратно в море. Прибытие Тассы сопровождалось стеной воды, ударившей о скалу Гелиода. Сила удара уничтожила бы обычного человека, но Гелиод теперь был мраморной колонной сотню футов в высоту, наполненной темным, звездным небом Никса, тканью божественной обители. Глубины его существа населяли созвездия и вечная пустота – так же, как это было со всеми богами, и всеми творениями богов. В отличие от мира смертных, у которого были края, Гелиод был бесконечным и непостижимым. А теперь еще и разгневанным.

- Тасса! – яростно выкрикнул он, так громко, что испугал Керана, и молнии сверкнули в небе ему в ответ.

Женский голос резко стих. Среди бушующих волн образовался тихий омут. Гелиод превратился в луч солнечного света и осветил это спокойное и бесстрастное око моря. Из волн поднялась его сестра, Тасса, в образе гигантского кальмара, непокорно взирая на него единственным громадным глазом. Она знала, что Гелиод считал себя главой пантеона, но воды скрывали больше тайн, чем пылающие небеса могли себе представить. Тасса не подчинялась Богу Солнца, но она соизволила показаться из своего водного царства.

- Где ты была? – спросил Гелиод. Ему нравилась Тасса, и его раздражало, когда она исчезала на столетия в чернильном мраке океанов вне досягаемости лучей его света.

- Ты обидел Керана, - укоризненно сказала она. Она приняла свой излюбленный облик, изящного тритона, и кругами рассекла периметр своего тихого омута. За пределами безмятежного круга, сирены возбужденно кружили в небе. Подобные им существа, слабо владеющие языком смертных, влеклись божественной речью, многоголосьем, на которым общались боги. Гелиод мог говорить со многими низшими существами своего мира, зачастую, на их собственном языке, но сирены были дочерьми Тассы. Их пронзительные вопли лишь ранили его слух.

- Я желаю сказать тебе кое-что – тебе, и более никому, - ответил Гелиод. – Ты видишь шире и дальше, чем я. Ты видишь больше, чем все наши братья и сестры вместе взятые.

Бог Солнца хотел польстить ей, чтобы удержать ее внимание. Он обеими руками подогнал морскую воду к себе, но она не выказала ни малейшей заинтересованности. Волны сплелись вокруг него и осыпались в неестественной форме, более подобной вязаной ткани, нежели воде.

- Неужели мой голос был невнятен сквозь толщу вод? – многозначительно спросил Гелиод.

- Под волнами существуют целые цивилизации, - хвасталась Тасса. – Эреб мнит себя могущественным повелителем Подземного Царства, но даже его границы уже моих.

- Я видел края твоего моря, - сказал Гелиод, хотя это была не совсем правда. – Я видел пол и потолок. На твоём месте я не был бы столь хвастливым, королева слепых рыб.

Его оскорбление привело ее в ярость, как он и рассчитывал. Волны вокруг них возросли до небес, обрушиваясь и вздымаясь, словно стремясь залить сам Никс, что, конечно, было невозможно. Границы между мирами были нерушимыми, и лишь боги могли пересекать их свободно. Таким был уклад мира. Предписано было, что ни песчинка, несомая ветром, ни сильнейший из Сторуких не сможет пробить купол неба и войти в обитель богов. Лишь боги могли незримо проходить сквозь него. Лишь боги могли жить среди созвездий и состоять из них.

- Волны не могут достичь Никса! – Прогремел Гелиод с такой силой, что Тасса превратилась в туман, дабы избежать ранящего звука его голоса, раскатившегося на многие мили вокруг. Мощь его голоса перевернуло небольшое рыбацкое судно за много миль от них, оно разбилось о скалы, и было поглощено глубинами царства Тассы.

- Меч Пирфора пересек границу, - напомнила ему Тасса. – Все возможно, если того пожелает бог.

- И снова Пирфор, вновь он пытается уничтожить меня, - сказал он. Он выдохнул имя своего врага во все четыре стороны, и небеса задрожали.

- Чего ты хочешь? – раздраженно спросила Тасса. – Я устала от твоей вражды с нашим братом. Он достаточно настрадался от вашей последней битвы.

- Как ты можешь спрашивать меня, чего я хочу? – ответил Гелиод. – Оглянись вокруг, Великое Око. Пирфор снова угрожает Никсу. Он готов низвергнуть всех Древних в Небесах в мир смертных. Куски ночного неба опадают. Никс рухнет, пока ты барахтаешься здесь, ни о чем не подозревая.

- Кто тебе это сказал? – спросила Тасса. Она теперь явилась в образе прозрачного тумана, танцующего вокруг него в лучах солнца. Ему было приятно от того, что она могла поднять море единой громадной волной, способной затопить всю землю, до высочайших горных вершин, и все же не могла причинить ему вреда.

- Горизонты ощутили их падение, и Круфикс выслал голубя, - ответил Гелиод. Он вновь принял облик человека, стоящего на вершине скалы, и его сестра обернулась женщиной рядом с ним. Они стояли вместе в мире смертных, телесные, и пустотелые. Солнце грело их, и там, где они должны были отбрасывать тени, на земле сверкали звезды Никса.

- Что если горизонт лжет, а голубь всего лишь сон? – рассмеялась Тасса. Ее было сложно рассмешить, и Гелиод разозлился на нее за подобную насмешку. Невдалеке, сирены сбились в огромную стаю над волнами. Они кричали, подражая смеху своей королевы. Гелиод не обращал на них внимания, столь раздражен он был словами сестры.

- Я не вижу снов, - упрямо сказал он. Он лгал. Он *не должен* был видеть сны, и все же, прошлой ночью он заснул в облике человека и видел дыры в своем сознании. В этом сне, огромные пустоты затмили поле его зрения, не давая увидеть просторы его владений.

- Вероятно, Пирфор *действительно* жаждет крови, выплавляя себе железную кожу в своей адской кузнице, - проговорила Тасса медленно, словно мерное капанье воды, назло своему

брату. Он стал слишком высокомерным еще до сражения с Пирфором, и считал себя выше остальных богов.

- Он кует еще один меч хаоса? – спросил Гелиод. – Отвечай! Ты не можешь потворствовать уничтожению Никса. Твои владенья непомерно страдают от этого.

- Ты делаешь вид, что опасаясь уничтожения Никса, - сказала Тасса. – Но на самом деле, именно он внушает тебе страх.

Гелиод устал от ее попыток уязвить его. Он обернулся раскаленными огненными узами и связал ее. Она была застигнута врасплох, и Гелиод привязал ее к себе и крылатым конем унесся в небеса. Океан восстал еще выше, и волны отчаянно тянулись к небу, но не могли спасти Тассу из объятий Бога Солнца. Керан, не выносящий вида насилия, испустил молнии, сетью затмившие небосвод. Всегда осторожная Караметра укрыла руками свой город. Даже Фенакс вышел из своей тени, не желая упускать их из вида.

Гелиод тащил Тассу в земли Отчаянья, где куски Никса оторвались от обители богов и рухнули на твердую землю. Здесь он выпустил Тассу, и она скользнула, словно перышко на черный песок. Он чувствовал неподалеку спуск в Подземное Царство. Гелиод слышал гул подземной реки и ощущал вкус отчаянья, вытекавшего из пещеры в мир смертных. Он ненавидел Эреба с его неумным тщеславием и отвращением к себе. У Бога Мертвых должно было быть два лица – столь жалким лгуном и трусом он был со своим бычьим кнутом.

- Вон, - сказал Гелиод Тассе, указывая своим огромным копьем света. – И посмотри наверх, Тасса. Узри пустоты там, где должен быть Никс.

Тасса приземлилась у подножья фрагментов Никса, возвышавшихся выше самого рослого циклопа, который в семь раз был выше среднего человека. Всего здесь было десять осколков Никса, и они походили на пальцы титана, торчащие из-под земли. Все фрагменты были пустотелыми, как сами боги, наполненные ночным небом, сиянием звезд и туманом из цветов и узоров всех знаний мира и вселенной за его пределами.

- Ничего подобного ранее не падало, - сказал Гелиод. Он пытался произнести это доброжелательно. Ему нужно было, чтобы она поняла весь ужас ситуации. – Если это дело рук Пирфора, то сделал он это оружием, постичь которое я не могу.

- Нет, не можешь, потому что ты думаешь прямыми линиями, а его разум бурлит, подобно волнам в шторме, - сказала Тасса. – Ты еще более слеп, чем ты думаешь.

- Скажи, что ты видела! – взревел Гелиод, утратив последние остатки терпения.

- Я ничего не *видела*, - сказала она. – Я *слышала* шаги существа на дальнем краю Нессийского Леса.

- Что ты сказала? – проговорил Гелиод. – Какое лесное существо настолько огромно, что его присутствие ощущается в твоих владениях?

В следующее мгновение, Гелиод понял, о каком чудовище она говорила, и не поверил ей. – Ты лжешь! – Заорал он, и серые камни вокруг них треснули и рассыпались в пыль. – Поликран обездвижен.

Она превратилась в гигантский глаз, наполненный ненавистью к нему, и Гелиод увидел ее холодные намерения, отраженные в каждой капле воды, скатывавшиеся с ее немигающего зрачка в пустыню, ни на чьей памяти, не видевшую воды. Вдалеке, ее волны вздымались и перекатывались под ее негодованием от того, что ее перетаскивали по воздуху.

- Великая тень поглотит солнце, - вскричала она. – Война вспыхнет на земле, и мои дети будут пировать утопленными трупами твоих любимцев.

Гелиод помрачнел, ибо Тасса была его любимицей из всех сестер и братьев. Она одичала – что никогда прежде с ней не случалось. Она полоснула его по лицу острыми клешнями. Он почувствовал боль, хотя и не знал, как ей удалось причинить ему вред, поскольку они стояли на

земле смертных, а не в Никсе. Бог не мог раньше причинить вред другому богу за пределами Никса. Это *не* должно было быть возможно, кроме как если что-то ужасное не произошло с их миром. Это он и пытался заставить ее понять. Он должен был знать, какой ущерб Пирфор нанес, и как он смог это сделать. Дело было не только в нем, это касалось всех живых существ. Но Тасса отложила логику в сторону ради собственной гордости.

Он не сдержался и ударил ее копьем света, подловив ее в уязвимом состоянии между превращениями. Правила мира были нарушены, и удар едва не рассек ее пополам. Она беспомощно рухнула среди серых камней и песка, где медленно превратилась в достойный сосуд для звезд. Но Гелиод более не тратил на нее времени. Он обернулся белым пламенем и прожег свой путь за горизонт. Он бросил Тассу поверженной, среди разрозненных осколков божественной обители.

ГЛАВА 4

Элспет отстегнула доспех и уложила его на пол. Она обернула меч ветошью и спрятала его под покрывало на койке в своей съемной комнатке Квартала Иноземцев на краю Акроса. Над ржавым умывальником висело старое зеркало, и Элспет мельком просилось в глаза ее искаженное отражение. С волосами, собранными на макушке по последней моде Акроса и в простом шелковом платье, ее легко можно было спутать с беззаботной местной жительницей. Она выглядела, как женщина без шрамов, без тайн. Отражение в зеркале не было похоже на кого-то, кто бессонными ночами пересчитывал долгую литанию своих ошибок.

Аран и рыцари Банта – они все считали ее честной и безгрешной. Но она была испещрена сомнениями и далеко не безупречна. Элспет могла носить сверкающий доспех, но сама-то она знала, кем она была. Она была подобна Акросу, городу богов и воинов. На поверхности Акрос был величественен – со всеми этими отполированными камнями и кроваво-красными баннерами. Но у любого места есть изнанка безумия и жестокости, подобно тем взбесившимся сатирам. Люди, населявшие тенистые проходы и беднейшие лачуги, незапятнанные ложью о величии и славе, может, и были ворами и лгунами, но в каком-то смысле, они были более честны, чем все короли на своих тронах. И если бы она посещала лишь прекрасные храмы с их открытыми дверьми и осторожными словами восхваления, она никогда бы не узнала правды.

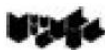
Когда ее друг Аджани смотрел на нее, то видел в ней ту, кем она *могла бы* быть, а не ту, кем она была. Аджани был мироходцем и леонином из Алары, и он обладал даром видеть сквозь ошибки и промахи личности в самый пик ее потенциала. Он видел, как она сражалась, как бесчестный головорез в гладиаторской яме в Урборге, и все равно относился к ней, как к благородному рыцарю. Она не виделась с леонином со встречи в Доминарии, где он вернул ей ее меч. Ей было интересно, чтобы Аджани сказал о богах Тероса. Она не сомневалась, что ни о том, куда она сегодня направлялась, ни о том, что собиралась сделать, он уж точно ничего хорошего бы не сказал.

Элспет прошла через крошечную комнатку к открытому окну с видом на грязный переулок. Теплый бриз обдувал вершины строений и Каменного Колосса, возвышавшегося над всеми крышами города. Гигант стоял лицом к кольцу красных гор на горизонте, с поднятыми руками, словно хвалясь миру: Этот город никогда не был покорен нашими врагами!

Но Элспет стояла в толпе в дни храмовых служб, когда потоки людей текли мимо нее в массивный храм Ироя. Она знала, что все это могло рухнуть за меньшее время, чем требуемое на то, чтобы задуть свечу. Как они могли не осознавать хрупкость своих жизней? Конечно, они никогда не видели, как тошнотворные земли Гриксис прорывались сквозь безмятежные поля Банта. Они не сталкивались со слугами Элиш Норн, по локоть в крови и кусках плоти от бесконечной резни. Они не знали всех тех кошмаров, что могли обрушиться на их мир. Хотя Акросские легионы внушали ей ощущение безопасности, она также чувствовала самонадеянность среди хорошо обученных, сытых местных жителей. Они верили в свою несокрушимость. И после того, что произошло в Поместье Такиса, она задумывалась, не ослепила ли их самонадеянность к опасностям, уже пришедшим в этот мир.

Или же, может быть, Терос отличался от других миров. Может, боги и были его отличием. Возможно, они не позволят утащить их людей в пыточные камеры и подвергнуть их расчленению, свидетелем чему она была на Мирродине, металлическом мире, теперь захваченном Фирексией.

В какой бы мир она ни приходила, она находила в нем зверскую жестокость. Но она никогда прежде не была в мире с богами. Может быть, Терос был не подвержен разложению, но Элспет не могла принять это на веру. Ей нужно было самой отыскать изнанку этого мира.

Возвышенный тротуар, известный, как Каменная Застава, по периметру огибал Квартал Иноземцев, и был самым быстрым способом миновать толчею и извилистые улицы. Неместные поговаривали, что эта дорога была построена для того, чтобы Акроссианам не приходилось смешиваться с приезжими. Возможно, это было так: У ворот с обеих сторон нужно было заплатить пошлину, которая была слишком высокой для большинства иноземцев, у которых зачастую не было возможности раздобыть Акросскую валюту. Элспет заплатила монетами, заработанными в Поместье Такиса, и взошла по высоким мраморным ступеням на тротуар. Багровое солнце садилось за горные вершины, и вечерний свет окрасил город красными красками. По левую руку она видела солдат в полном обмундировании, тренирующихся на одном из публичных парадных плацев. Воин двигались идеальным строем, останавливаясь точно по команде, одновременно рассекали воздух своими мечами. Их стойки и угол наклона клинков слегка отличались от рыцарей Банта, но общая форма оружия была очень схожей. Люди, похоже, приходили к одинаковым решениям, настраиваясь на войну.

Солдаты практиковались неподалеку от монумента, известного как Пять Фонтанов – мелких прямоугольных резервуаров в мерцающей воде. Разноцветная мозаика, изображающая одного из верховных богов, украшала дно резервуаров. Элспет остановилась, как обычно, в месте, где ей открывался ясный вид на Гелиода. Его острый взгляд и мужественные черты и были хорошо ей знакомы.

Гелиод был тем, кого она увидела много лет назад на вершине горы, с маленьким мальчиком с амулетом. За прошедшие годы она часто думала о нем, и о том, что без него она бы тогда умерла в лесу. Другие боги были лишь картинками под водной рябью. Но Гелиод был чем-то большим. Воспоминание о нем несло с собой привкус детского страха.

Каменная Застава была полна солдатами, возвращавшимися на ночь домой, и молодыми парочками, прогуливающимися в обнимку. Элспет заслоняла проход, поэтому она спешно продолжила свой путь. За высокими воротами, по ту сторону Каменной Заставы, Элспет пересекла людный бульвар и остановилась перед большим зданием публичной купальни. Это Ксиро неохотно рассказал, куда ей следовало идти, и предупредил, что девушкам следовало избегать главных купален. Согласно инструкции, она вошла в общий внутренний двор позади главного здания. Когда Элспет увидела заросший сад и пруд с цветущей, стоячей водой, она поняла, что шла в верном направлении. Она прошла пустынной, покрытой трещинами колоннадой, ее шаги эхом отражались в тишине. Станный, нанесенный ветром черный песок густо усеивал подножье внутренней стены. Ксиро сказал ей отыскать разбитую статую солдата с обломанным метательным копьем. За этой статуей она найдет потайную дверь. Это и был вход туда, куда ей было нужно.

Она без труда нашла статую. Дверь за ней отыскать было куда сложнее. Уже смеркалось, и ей пришлось обшаривать поверхность стены в поисках определенного камня – с вырезанным символом ножа. Это заняло столько времени, что она уже решила, что ее друг подшутил над ней. К тому времени, как она отыскала нужный камень, она уже была зла – как на Ксиро, так и всю эту свою затею. Она толкнула камень носком своей мягкой сандалии, и дверь отворилась. За ней был тусклый, зловонный коридор, уставленный ящиками и мешками, освещенный лишь странными

сферами, парящими у самого потолка. Ее злость сделала ее опрометчивой. С учащенным сердцебиением, она ступила внутрь.

Дверь, щелкнув, захлопнулась за ее спиной, и когда ее глаза привыкли к этому странному тусклому свету, она отпрянула в шоке. То, что она по ошибке приняла за мешки, на самом деле были неподвижными телами. Элспет потянулась к мечу и вспомнила, что оставила его в своей комнате. Она присмотрелась внимательнее к обмякшей фигуре у самого входа. Это был юноша, сидящий на ящике, прислонившись спиной к сырой стене. Когда она наклонилась вперед, его глаза распахнулись, и она попятилась от неожиданности. Взгляд парня были стеклянным и расфокусированным, и он забормотал что-то нечленораздельное. Элспет прошла дальше по коридору, мимо других людей в подобном состоянии. Все это напомнило ей опиумные притоны в Келл Фире.

Кто-то небрежно вывел на стене пошлые картинки с графическими подробностями. Жестокие и развращенные изображения людей и сатиров вызывали у нее отвращение, и она яснее поняла нежелание Ксиро посылать ее сюда. Среди настенной живописи снова и снова повторялась одна и та же надпись: КОРОЛЬ ЧУЖЕЗЕМЕЦ. Это была та же фраза, которую сатиры выкрикивали перед тем, как воспламенились.

У Элспет не было времени обдумать это, поскольку что-то пошевелилось за ее спиной. Она резко повернулась и увидела мужчину, наблюдающего за ней из открытого дверного проема. Края двери были черными и обугленными от давнего пожара. Мужчина, одетый в синий плащ с золотой отделкой, не сводил с нее глаз. Его грудь по диагонали пересекал кожаный ремень с ножнами, а черная длинная борода была заплетена в косы. Он выглядел молодым и сильным. Когда из глаза встретились, он, словно растворился во мраке комнаты. Элспет прошла за ним.

В комнате, тусклый свет лампы освещал деревянный стол, иссеченный порезами от ножа. Каменная стена также была исполосована десятками лезвий – хотя, что за клинки были способны рассечь камень, Элспет не знала. У ее ног лежали обрывки бумаги, пригвожденные ножами к полу. Ксиро рассказал ей, что посетители Храма Обмана обычно желали чьей-то смерти. На каждой клочке бумаги значилось имя ненавистной жертвы. Она нашла алтарь Фенакса, Бога Обмана.

Мужчина прошел вглубь комнаты и встал у стола, словно ожидая ее подношения.

- Ты оракул? – спросила она.

- Кому ты желаешь смерти? – спросил он в ответ. У него был низкий голос, рокочущий в могучей груди.

- Я лишь хочу ответов, - сказала Элспет. – Мне нужен кто-то, кто скажет мне правду.

- И почему ты решила, что Фенакс, Бог Обмана, скажет тебе правду? – спросил мужчина. В его голосе не было ни намека на насмешку.

- Я была во многих храмах Акроса, - сказала Элспет, - и все оракулы говорят мне одно и то же. Молись богам, чти богов, и они сделают твою жизнь такой, какой ты хочешь. Так ли это? Я желаю ответа, незамутненного теми, кто ищет славы.

Мужчина безмолвно смотрел на нее несколько мгновений. Он отодвинул капюшон, и она смогла рассмотреть его лицо, несмотря на тусклое освещение. Он был красив, с наголо обритой головой, темными глазами, и отточенными мышцами на руках и груди.

- Кто прислал тебя ко мне? – спросил он. – Ты знала дорогу. Должно быть у тебя были инструкции от кого-то из нас.

Ксиро, в благодарность уважил ее просьбу, хоть и не понимал ее. Как не понимала она самого Ксиро, наемника, поклоняющегося Ирою, богу, изгнавшему его. Она не желала открывать его имя этому жрецу Фенакса, в случае, если тот нарушил какое-то правило, рассказав ей где искать алтарь.

- Я заплатила за информацию, и заплачу тебе тоже, - сказала Элспет. Она протянула пригоршню гладких золотых монет, которых, по заверениям Ксиро, должно было хватить любому и везде.

- Ты работаешь на Клинки Ироя, - сказал он. – Фенакс осведомлен о чужеземцах в этом городе.

- Да, я выполнила для них кое-какую работу, - согласилась она.

- Я слышал, их вырезали сатиры, - сказал он. Он взглянул на монеты и вновь перевел взгляд на ее лицо. Он не шелохнулся, чтобы принять их.

- Не всех, - сказала она.

- Ты не скорбишь по своим друзьям?

- Они не были моими друзьями, - сказала она.

- И что ты будешь делать теперь?

- Возможно, стану наемной убийцей, как ты, - сказала она.

- На вид, ты слишком нежная, чтобы быть наемницей, - сказал он.

- Как и ты, - ответила она.

- Кажется, ты бы не испугалась, даже если бы я им был, - сказал он, едва заметно усмехнувшись

- Ты сможешь мне, или нет? – спросила она. Она потрясла монетами в ладони. Ксиро сказал, что деньги были единственным требованием Жреца Обмана, но этот мужчина вовсе не казался ей соблазненным ее монетами.

- Как тебя зовут? – спросил мужчина.

Элспет замешкалась, но решила, что это было не важно. – Я Элспет.

- Меня зовут Сарпедон, и ты ищешь то, что я не могу тебе дать, - сказал он. – Тебе лучше уехать из города. Советники Анакса все больше и больше не доверяют чужеземцам. Тебя скоро изгонят. Лучше уехать по собственной воле. Мне кажется, что ты ребенок, потерянный на чужой земле.

- Ты оракул? – спросила она, несмотря на то, что он не принял плату. Повисла долгая тишина, словно он обдумывал выгоды ее вопроса.

- Да, - наконец, сказал он.

- Что это значит? – спросила она.

- Оракулы могут общаться с богами непосредственно, - сказал он ей. – Мы божьи сосуды. Во всем мире нас почитают величайшими и уважаемыми из людей. Но если ты ищешь правду, я расскажу тебе. Быть оракулом – это опустошение. Оракул поглощается избравшим его богом.

- Что оракул может сделать для богов такого, чего они не могут сделать сами? – спросила Элспет.

- Боги не могут видеть одновременно все – им нужны глаза смертных для приумножения их владений. Смертный видит в более мелком масштабе, чем бог.

- Ты видишь то, чего не видят боги? – спросила Элспет.

- Мы видим то, что боги отмечают, как неважное, - поправил ее Сарпедон. – Мы их руки и ноги в мире смертных. Бог не может причинить вред чужому оракулу. Но оракул может убить любого.

В его словах звучала угроза. Он произнес их бесстрастно, словно произнося по памяти текст, прочитанный давным-давно.

- Могут ли боги определить мою судьбу? – спросила Элспет. – Каковы истинные границы их власти? Могут ли они исполнить мои желания – если я достаточно их умолю?

- Если ты желаешь, чтобы бог определил твою судьбу, то должна просить его об испытании, - сказал Сарпедон. – Бог снизойдет до него лишь если сочтет тебя достойной – что бы

это для них ни значило. Если ты выполнишь испытание, то сможешь запросить помощи в собственной судьбе.

Произнеся эти слова, Сарпедон протянул руку и схватил ладонь Элспет. Монеты были зажаты меж их пальцев. Она инстинктивно начала выдергивать руку, затем остановилась. Этот Жрец Лжи был ее надеждой на понимание, и в данный момент она отпустила логику. Ей было безразлично, что с ней могло произойти. Это уже происходило с ней прежде, и ей стоило бы знать, что к чему. Часть ее рассудка требовала от нее действий. Но другая часть настойчиво желала знать, что произойдет дальше. Через пару секунд, что бы он ни сделал, она будет знать больше, чем сейчас. Она позволила жрецу подтащить ее ближе к нему, пока между ними уже не было места. Он положил свободную руку на округлость ее бедра. Он наклонился к ней так, что его губы были в одном дыхании от ее уха.

- Зачем ты ищешь божественную силу? – прошептал он.

Тогда Элспет поняла наверняка: Сарпедон был магом разума, и он околдовывал своими сетями ее воспоминания. Она знала, что все еще могла освободиться из-под его чар и сломать ему нос ребром ладони. Вместо этого, она позволила ему коснуться ее – на короткое мгновение она желала, чтобы кто-нибудь увидел, что с ней случилось. Она хотела, чтобы кто-то знал, через что она прошла. *Иди, взгляни сам.* Свободной рукой она высунула кинжал из ножен под ее подмышкой. *Надеюсь, ты захлебнешься.*

Он превратился в проворного шпиона, бегущего по тропам ее мозга, видя многое, но не все. Это было странное – но не неприятное – чувство, знать что он украдкой пробирался сквозь ее разум.

Вздвогнув, мужчина выронил ее ладонь и монеты зазвенели по полу. Он обмяк о стену и опустился на колени перед ней.

- Ты величественнее богов, - выговорил он с придыханием. – Ты ступаешь средь миров, которых и не дано узреть. Ты сталкивалась со злом, которое они не в силах представить.

- Нет, это не так, - сказала Элспет.

- Я проводник Фенакса, - сказал Сарпедон. В его голосе послышалось странное отчаянье. – Теперь он знает, кто ты. Он знает, что ты несешь с собой.

- Прошу тебя, - Элспет наклонилась к нему и попыталась стянуть мужчину на ноги. – Пожалуйста, встань.

Но он оставался стоять на коленях, словно прислуживая ей. – Слышала ли ты эту притчу, Элспет? Женщина пожелала изменить свою жизнь. Она молилась Нилее об освобождении. Нилея услышала ее мольбы и превратила женщину в бабочку. Но теперь мир был для нее столь огромным, что бабочка не могла найти в нем свой путь, и тогда она взмолилась Гелиоду, чтобы тот послал Южный Ветер, который перенес бы ее домой. Гелиод сжалился над этой песчинкой жизни и выслал ветер, но тот растерзал ее и оборвал ей крылья. Несомая в потоке, который она не могла контролировать, она угодила в центр паутины. Что и замыслил Фенакс с самого начала.

- Они не могут контролировать весь мир, - сказала Элспет, поразмыслив нал его словами. Ей было невыносимо стоять над ним, и она опустилась на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне. – Они могут управлять лишь своими владениями.

- Владения некоторых богов больше, чем у других, - сказал он. – Но даже величайшие из них сейчас слепнут.

- Что это значит? – спросила Элспет.

- Бог Обмана покарает меня за эти слова, - произнес Сарпедон. – Поэтому я скажу это, как человек, а не его слуга: Ступай под свет солнца и там ищи своего бога.

- Ты говоришь о Гелиоде? – сказала Элспет.

- Великое безмолвие грядет из-за горизонта, - сказал Сарпедон. – Я уже чувствую, как твои тайны вытекают к Фенаксу. Он закроет их в сундуке своего разума, пока не решит, как лучше воспользоваться ими в его интересах.

Сарпедон подполз к алтарю и прижал лоб рукоятке одного из ножей. Элспет не знала, что ей делать дальше. Она выронила оставшиеся монеты на пол и ушла искать того бога, которого она избегала все это время.

Пока Жрец Обмана склонился у ног Элспет, Фенакс уже искал Тассу в холодном безмолвии моря. Тасса и Фенакс были связаны договором с тех давних пор, когда архонты тиранизировали землю – но обмен тайнами нанес немалый вред Тассе, и она сожалела, что вообще связалась с богом изменников и лжецов.

Когда Элспет отпрянула от Сарпедона, Тасса уже напряженно слушала шепот Фенакса о чужеземке в Акросе. Как Элспет презрела Жреца Обмана, так и Тасса презрела Фенакса, выслушав его секреты. Фенакс угрожал использовать свои тайны, чтобы манипулировать ею, рассчитывая, что настанет день, и она будет служить ему взамен на его молчание. Фенакс шептал: «В руках этой смертной божественный меч. Она владеет Мечом Пирфора, который поглотил твой океан. Керан не швырял его в твои воды. Руины Ариксмета никогда не видели оружие хаоса. Как ты могла обманывать нас все это время?»

Тасса оттолкнула Фенакса и устремилась к поверхности моря. Желала она того, или нет, надвигалась война между братьями.

ГЛАВА 5

Сатир поклонился Пирфору, который был удивлен виду козлоногого существа в своих покоях, в самом сердце Горы Велеры. Пирфор не помнил, чтобы он позволял ему войти в божественную кузницу, где бог проводил свои дни перед языками вечного пламени. Но это не значило, что он этого не сделал. Даже до кары Круфикса, Пирфор мог забыть на несколько дней – лет, даже эпох – в творческом запале. Затем Круфикс ограничил его память и отнял у него выстраданные знания, как компенсацию за ущерб, который его меч нанес Никсу. Разгневавшись на то, что пантеон позволил с ним поступить столь несправедливо, Пирфор осел в пламенном чреве Горы Велеры и более не выходил в обитель богов. Он принял облик человека. Он ощущал человеческую горечь. Он даже принял жалость к себе, свойственную разуму смертных.

- Что ты сказал? – спросил сатира Бог Кузницы. Утробный голос Пирфора эхом раскатился по залу, и низшие существа бы пали духом в его присутствии. Сатир был низкого роста, смертным и уверенным в себе. Он не трясся и не вздрагивал в присутствии бога.

Собственные жрецы Пирфора всегда склоняли головы перед ним из страха разгневать его. Но этот сатир нагло смотрел ему в глаза и не моргал от пламени, пылавшего в них.

- Что с твоим мечом? – спросил сатир. – Его назвали мечом хаоса. Говорят, это твое величайшее творение.

- А что с ним? – спросил Пирфор.

- Что с ним стало? – спросил сатир.

- Утонул в море, - сказал Бог Кузницы.

Пирфор не поправил льстивого сатира, но этот меч не был его величайшим шедевром. Венцом его творения был Рожденный в Никсе человек Петрос, находящийся в зале с ними. Петрос стоял у божественной кузни, трудясь во славу своего создателя. Когда мир был юн, Пирфор завидовал Ирою и Могию, и желал собственного близнеца. Он создал Петроса из ткани вселенной, божественной бронзы с капелькой смертной плоти. Петрос, существовавший дольше любого смертного человека, никогда не покидал кузницу. По прошествии эр, Петрос стрел. Не как человек, но все же он разрушался, и Пирфору пришлось залатать трещины бронзовыми полосками, и наполнить тело своего близнеца звездами Никса.

- Ты уверен? – спросил сатир. – Что если охотники за богатствами найдет подобное сокровище? Как на подобное может отреагировать мир?

- Мир не может взять мой меч, - раздраженно сказал Пирфор.

- Тогда, как может отреагировать Поликран? – размышлял сатир.

- Кто? – сказал Пирфор. Слово казалось знакомым, но он чувствовал, как черное облако затмило его божественный взор и он не смог вспомнить вопрос.

Но Петрос отвернулся от пламени и смерил взглядом сатира. Он понимал язык смертных, но не мог говорить, как другие люди. Он помогал Пирфору ковать меч в обжигающей, бурлящей топке. Поскольку Круфикс изувечил разум Пирфора, именно Петрос хранил знание того, как творить из ткани вселенной. Своими действиями Петрос напоминал Пирфору обо всем том, что похитил у него Круфикс.

Сатир был так взволнован видом лица Петроса, что сделал шаг назад. Петрос был создан по образу и подобию Пирфора, и его отточенные черты были точной копией собственного лица бога. Как и Пирфор, Петрос был подобен мускулисту человеку, чья угольная кожа была покрыта

мягкой бронзой. Сатир был одним из первых смертных, кто смог увидеть Петроса и выжить. В зените своей мощи Пирфор убивал смертных, осмелившихся без позволения взглянуть на него или его рожденного в Никсе близнеца.

- Кто это? – спросил сатир, беря себя в руки.

- Это мой кустарь, а ты кто такой? – осведомился Пирфор.

- Твой кустарь настоящее чудо, - сказал сатир. – А я твой оракул.

Сатир жадно уставился на Петроса, который не мог говорить, чтобы назвать козлоногого лжецом.

Приступ паники охватил Пирфора, который не мог вспомнить выбор этого сосуда в качестве его оракула. Но его отвлекли от этих страхов капли дождя, струящиеся сквозь открытое жерло Горы Велеры, прямо в пламенеющую кузницу. Он раскрыл могучую ладонь, вылавливая капли своей звездной кожей, чтобы ни одна из них не пропала в сухой земле. Тасса нанесла ему визит. К тому времени, как она явилась, ни сатира, ни Петроса уже не было. Но Пирфор был поглощен словами своей сестры, подобно жемчужной раковине нашептывающей звуки моря. Он не осознал похищение Петроса, которого он любил, как сына.

Кроме того, явление Тассы напомнило ему об иных вещах. Дым затмил глаза бога, и он почувствовал проблеск ярости в груди. Гнев был когда-то его тенью. За прошедшие века, мир трепетал от страха перед его яростью. С ростом человеческой цивилизации, они начали сооружать храмы и строить алтари, и Гелиод настаивал на лучших агнцах, лучших землях, и уселся во главе стола смертных. У Пирфора также были служители среди смертных, но Гелиода любили больше. Ярость Пирфора вскипела от мысли о несправедливости, но затем мелодичный голос Тассы заговорил с ним сквозь дым, и гнев растаял. Он слишком давно не видел свою морскую сестру.

- В твоей кузнице так же душно, как всегда, братец, - пожаловалась Тасса, осматривая задымленный зал. – Где твои кузнецы? – спросила она.

Пирфор вывел ее из центра горы в главную пещеру, где десятки кузнецов и каменщиков трудились у бесконечного ряда печей. Она стояла на балконе над кипящей работой и любовалась огромными колоннами, наполненными звездами. Здесь же были статуи чудовищ со светящимися жилами и огненными языками. Своды пещеры превратились в воздушный купол. Он мерцал искусственными образами звезд, созданных по подобию Никса, но измененных под вкус Бога Кузницы. В звездном небе Пирфора, Гелиод был прикован цепями к скалам Горы Велеры, а Круфикс превратился в омут из тусклых звезд.

- Тебе не нужно возвращаться в обитель богов, - сказала Тасса. – Твои творения сейчас более совершенны, чем во времена, когда ты жил в холоде Никса.

- Когда Гелиод займет свое место среди слизней, лишь тогда я вернусь на небо, - сказал Пирфор.

- Ты создал что-то новое? – спросила Тасса.

- Я постоянно создаю, - ответил Пирфор. – Но редко, когда созданное достойно сохранения.

Пирфор взмахнул рукой перед собой, и теплый бриз пронесся сквозь пещерный зал. Конечно, он создал что-то новое – гора трещала по швам от всего, что он создал.

- Выковал ли ты новое оружие для мести нашему брату? – уточнила Тасса. – Гелиод самодовольный трус, уж я-то это знаю. Меня порадовал бы вид его изувеченного тела в песке.

Пирфор пристально взглянул на нее. Разве кто-то другой не спрашивал его только что об оружии? Его память была затянута темными тучами. Он задумался, не держит ли Круфикс его за горло своими моховыми пальцами даже сейчас, несмотря на то, что он был так далеко от края мира.

Пирфор не ответил, поэтому Тасса заговорила снова, - Я слышала эхо шагов гидры, отражавшееся со дна моря.

- Поликран, - сказал Пирфор, имя, наконец, вернулось к нему, вместе с чувством едва сдерживаемой ярости.

- Может ли горизонт лгать, братец? – спросила она. – Боги так остро разделены. Твой меч привнес раздор, который так и не был улажен. Гидра...

- Круфикс сошел с ума. Если горизонт лжет, то тлишь по его беспечному велению, - сказал Пирфор. Его внимание к ней уже начинало таять. Пирфор ненавидел их брата Круфикса, властвовавшего над временем и горизонтом. Круфикс обладал силой, непостижимой никем из остальных богов, силой, которая брала свои истоки за пределами его владений, из самих основ из мира. В наказание за причиненный ущерб Никсу, он заставил Пирфора забыть и утратить многие из его знаний. Но Круфикс не мог коснуться страсти Пирфора к творению, созданию, разрушению и воссозданию.

- Ты собираешься вновь напасть на Гелиода? – прямо спросила она. – Это ты призвал гидру из его логова? Обители богов вновь грозит опасность?

- А должен? – спросил Пирфор, хотя его любопытство было задето. Языки пламени скользнули по его коже.

- Ты создал божественный меч, заставивший Гелиода содрогнуться, - напомнила ему Тасса. – Ты выковал его огнем и своей гениальностью. Ты должен это помнить. И ты должен жаждать мести.

Ярость Пирфора взорвалась пламенем и расплавленными камнями, взметнувшись над кратером Горы Велеры. Тасса впиталась в землю, во избежание его гнева. – Круфикс украл мой разум! Он все еще сдерживает меня!

- Нет, не сдерживает, братец, - заверила его Тасса, когда он притих, и кузница вновь зазвенела от ударов молотов. – Больше нет.

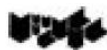
- Зачем ты ищешь оружие? – спросил Пирфор.

- Гелиод утверждает, что мир рушится, - сказала Тасса. – Он одновременно спит и слеп. Происходит то, что не должно происходить.

- Он винит мой меч? – спросил Пирфор.

- Он винит тебя, - ответила она.

Пирфор превратился в крошечный язычок пламени в ладони Тассы. Его голос был едва слышен сквозь перезвон работы кузнецов. – Я не могу вспомнить.

Его стыд тронул ее, и она захотела схватить Круфикса за его костлявые плечи и трясти его пока все, что утратил Пирфор, не выльется потоком обратно. Но ей не дано было коснуться Бога Времени. Поэтому, на долу секунды они вместе покинули гору, обернувшись туманом и пламенем. Для Тассы, потоки воздуха перетекали, подобно морским волнам, и она показала Пирфору, как наслаждаться ими. Небо над Акросом окрасилось кровавым цветом, воздух зарябил, подобно океанской глади, и кометы из льда и пламени осыпались с небес.

Тасса и Пирфор не открылись смертным в узнаваемых божественных ликах, поэтому люди Акроса лишь увидели, как небеса стали подобны пламени. Могучая Река Дейда вспенилась в ущелье под городом. Гигантские облака пара поднялись от бурных вод и поглотили храмы, клубясь, подобно волнам над домами. Лишь голова Каменного Колосса возвышалась над шипящим туманом. И далеко в горах, леонины в своих лагерях вышли к обрывам, взволновано – и

даже с содроганием – осматривая устрашающие небеса. Оракулы в Акросе выкрикивали слова хаоса громче, чем они прежде описывали мирные видения. Они были в растерянности, ибо, когда два бога сливаются, их язык становится чем-то совершенно новым.

Тасса и Пирфор, наконец, вернулись в кузницу. Их дыхание было тяжелым, грациозность и страсть скорости переполняла их обоих. Они вновь приняли облик мужчины и женщины, хотя Тасса и знала, что Пирфор никогда ее не полюбит. Но там, и тогда, он сделал ей подарок - химеру с крыльями из перьев, длинным черным клювом, и хрупкими, как стекло костями. Существо совмещало в себе аспекты ибиса и оленя. Он создал ее собственными руками из звезд и божественной бронзы. Она изначально была горсткой пыли, и Пирфор придал ей черты величественного создания, достойного божественности. Когда он показал ее Тассе, она захлопала, по-детски радуясь подарку. Но у химеры не было глаз, лишь глазницы, пустые, как вселенная за пределами мира.

- Она может мчаться быстрее стрелы, выпущенной из лука Нилеи, - пообещал Пирфор. – Она не остановится, пока не отыщет мой потерянный меч. Если он утрачен навсегда, мы узнаем об этом. Если он восстал вновь, мы найдем его.

- Но твоя химера слепа, - сказала Тасса. Она говорила нерешительно, поскольку знала, что зрение было в лучшем случае ненадежным, и ей не хотелось высказывать сомнения в его творении.

Пирфор улыбнулся, и сердце Тассы забилося чаще. Он редко выражал радость.

- Великое Око, наполни ее своим зрением, - засмеялся он, и земля затряслась и задрожала, и все птицы Тероса взмыли в воздухе, испугавшись хохота Огненного Быка. Тасса обернулась струей воды, влившись в химеру. Она дала ей идеальные глаза, способные видеть сквозь кожу, панцири и ложь ее ненавистных врагов. Химера ударила копытами и встала на дыбы, готовая умчаться прочь.

- Твоя щедрость поразила меня в самое сердце, - смиренно сказала Тасса, насладившись еще одной редкой улыбкой Пирфора. – Я назову ее Галайя, ибо этот мир не видел прежде более роскошного подарка.

Пирфор повернулся и побрел к кузнице. Его усталые шаги сотрясли землю от стен Акроса, до Кипарисовых Врат на краю Нессийского Леса. Краткие мгновения радости уже забыты.

- А что, если Галайя отыщет вора, укравшего твой меч? – выкрикнула Тасса ему вслед.

- Тогда я раздавлю того, кто владеет им, и выжгу землю вокруг него, - сказал Пирфор. – Я уничтожу его семью и всех, кто ему дорог.

Тасса кивнула, но промолчала. Фенакс уже нашептал ей, поэтому она знала, кого следовало искать. Это была женщина, а не мужчина. Но это было не важно. Галайя отыщет меч, и творение Пирфора вернется к нему. Он сбросит свое бесчестие и вернется в Никс. Гелиод будет погран, и его тирания его высокомерия, наконец, завершится. Пантеон восстановит естественный порядок – ни поверженных богов, ни богов, мнящими себя королями.

Галайя умчалась, несясь так быстро, что смертные даже не заметили бы ее. Они могли лишь почувствовать ветер, струящийся позади нее. Тасса не стала мудрее, но вернулась во мрак беспокойного моря, храня еще одну тайну Фенакса: *Куда бы смертная ни унесла украденный меч, павший гидра проследует за ней*

ГЛАВА 6

Алтарь Гелиода располагался высоко над Акросом, по ту сторону каменного моста через ущелье Реки Дейды. Пока Элспет поднималась в горы, к алтарю, небеса вспыхнули божественным пламенем. Под ней, пар затопил улицы Акроса и клубился над крышами домов. Земля шипела и стонала, словно сам мир смертных был встревожен представлением в небесах.

Жители Акроса таращились в него с открытыми ртами. Некоторые рухнули на колени. Другие спешили в храмы в надежде умиловить или ублажить их богов покровителей. Несмотря на пылающую панораму, Элспет продолжала подъем по скалистой тропе на вершину. Небеса стали подобны потолку из лавы с языками пламени, стремящимся к земле, навстречу сине-серому пару, вздымавшемуся от бурной реки. Большинство тех, кто наблюдал за этим действием, думали про себя: Что боги пытаются мне сказать? Но Элспет понимала, насколько незначительной она была, и вместо этого, думала: Что все это говорит о тебе, Бог Солнца?

Крутая тропа сузилась у края ущелья, и единственным путем вперед был невероятный каменный мост – узкая полоса из красного камня, не шире ее ступни. Мраморный образ Гелиода возвышался над бездной, по ту сторону моста. Статую была такой же высокой, как колонны громадного храма Ироя, и скульптор вытесал его таким же, каким он застыл в ее памяти – высокий мужчина с длинными волосами, с волевым подбородком, и могучими руками. Но камни не могли передать то благоговение, которое она испытала в его присутствии. Никто в Акросе не называл его главой пантеона, но ей он казался верховным богом. В конце концов, кто мог жить без солнца?

Когда она осторожно ступила на узкий каменный мост, от ее шагов мелкие камешки осыпались вниз, исчезнув из вида задолго до того, как коснулись бурной реки. Меч, свисавший с ее поясицы, выбивал ее из равновесия. С легким головокружением то ошеломительного пейзажа, Элспет осторожно шла лилипутскими шагами по хрупкому мосту к Алтарю Бога Солнца. Небеса над ней прояснились, когда Тасса и Пирфор, все еще не принявшие божественные облики, завершили свой парад по небосводу. К тому времени, как Элспет пересекла ущелье, небо вновь окрасилось глубокой, пронзительной синевой, скрывавшей малейшие признаки Никса.

Элспет, запрокинув голову, осматривала Гелиода. С ее ракурса у основания статуи, она уже не видела выточенных черт его лица и глаз, смотрящих поверх нее на дальние горные гребни. Теперь, когда она добралась сюда, чего она должна было просить? Чего она хотела от Гелиода? И важно ли было то, как она задаст свой вопрос? Она подумала о Сарпедоне, и его притче о женщине, превратившейся в бабочку. Если она попросит что-то не то, будет ли она просто нестись по ветру, беспомощная, неспособная управлять собственной судьбой? Если Сарпедон говорил правду, тогда Бог Обмана знал о ее существовании. *Теперь он знает, кто ты. Он знает, что ты несешь с собой.* Тогда эти слова не несли смысла, поскольку с собой у нее не было ничего, кроме ножа и монет. Но, в присутствии Гелиода, его слова казались тревожными и зловещими. Ей нужно было говорить с Гелиодом прежде чем обстоятельства выйдут из-под контроля. *Ступай под свет солнца и там ищи своего бога.*

Что от нее ожидалось? Исповедь, подношение, или жертвоприношение? Ее разум наполнили воспоминания о ритуале, свидетелем которого она была в Банте. Это произошло во времена войны, когда иные, темные миры просочились в зеленеющие поля и леса ее дома. Она со отрядом солдат столкнулись с оборванным и голодным племенем из Джанда сразу после того,

как они забили отбившегося ездового льва и предлагали его тушу своим богам. Несмотря на голод, они не прикасались к мясу, поскольку оно было предназначено их покровителям. Она впала в ярость от того, что эти варвары осмелились лишить жизни прекрасное животное ради собственных эгоистичных целей. Она и ее солдаты смеялись над их невежеством, их заблуждениями.

Неужели я никогда так и не научусь? Думала она, склонив голову. Как часто она судила других, а потом оказывалась раздавленной той же проблемой. Как и в случае с тем племенем, она надеялась, что ее жертва поможет ей найти ответы на вопросы за пределами ее понимания.

Элспет опустилась на колени в тени статуи. У основания располагался вытянутый, гладкий алтарный камень, на который, как представляла себе Элспет, жрецы и пилигримы клали свои подношения.

- Я вернулась к началу, - сказала она. – В первый раз я пришла в Терос, сбежав из Фирексии. И я вернулась, когда Фирексия снова повергла меня.

Элспет умолкла. Ветер унес ее слова. Она не ощущала божественного присутствия. Она чувствовала, что просто шепчет ветру свои слова. Поэтому она представила себе, что разговаривает с Аджани, лионином мироходцем, вернувшим ей ее меч. Аджани всегда относился к ней, будто она была чем-то большим, чем просто совокупностью ее ошибок.

Представив себе его лицо, она позволила словам продолжить литься из ее уст, - Мы были на Мирродине, в одной из основных крепостей Фирексийцев, и добрались до комнаты под тронным залом. У нас было взрывное устройство, разработанное Венсером задолго до его гибели. Мы обнаружили чертежи устройства в его записях, вместе с планами Фирексийских кораблей. Сопrotивление было разгромлено. Мы проиграли. Лишь горстке душ удалось избежать лезвий хирургов. К тому времени, как мы пробрались в крепость, нас осталось двое, Кос и я. Что бы ни произошло той ночью – это стало бы нашим последним сопротивлением.

Когда она произнесла имя Коса, ей показалось, что оно эхом отразилось от горных вершин. Она не знала, выжил ли Кос, или погиб. Но она знала, что Мирродин пал под натиском величайшего из зол. Фирексия не чувствовала ни милосердия, ни сожалений, ни желаний, кроме обращения всего под их собственное кошмарное представление, их извращенное понимание жизни. Все воспоминания, от которых Элспет сбегала с момента своего прибытия в Терос, обрушились на нее: резня, бойня, хирургические залы, кошмарные переносчики инфекции. Там не осталось ничего, за что стоило сражаться. Каждая живая душа во всем мире была утрачена. Скорбь накрыла Элспет, и она почувствовала тошноту от этих воспоминаний.

Элспет продолжала, - Фирексийцы бросились к нам. Мы забаррикадировали дверь. Скрежет оружия о металлическую дверь мерно отсчитывал секунды до того, как они ворвутся, до того, как они набросятся на нас. Я скажу правду – я хотела лишь, чтобы все это кончилось. Мы обсудили идею убить друг друга, прежде чем они разорвут нас на куски заживо. А именно это нас и ждало с секунды на секунду. Я готова была сдаться, Кос тоже был готов, но он повернулся ко мне. «Уходи», сказал он.

Элспет снова умолкла. Продолжать было глупо. Какое дело было Гелиоду до ее обреченного друга Коса? Поэтому она начала заново:

- Я вернулась к началу, - произнесла она, на этот раз тише. Ветер разметал ее волосы по ее лицу. – Когда я в первый раз пришла в Терос, там был мальчик. У него на шее был амулет из стеклянного цветка. Он был совсем ребенком, но бесстрашно склонился перед тобой. Я же была в ужасе. Нет, не так. Я была ошеломлена. С тех пор я видела громадных зверей, затмевающих солнце, кровожадных существ, созданных единственно для убийств, и ужасы, которые я едва ли могу описать.

Тень скользнула по алтарю, но она ее не заметила. Она протянула руку и коснулась гладкого камня перед собой. Отполированная поверхность была холодной, вовсе не похожей на камень, лежащий под солнцем.

- Я пронесла память о тебе сквозь все, - сказала Элспет Гелиоду. – В худшие времена я думала о тебе. Мне снилось, как ты защищаешь меня от всех невзгод, и ничто не могло меня ранить. После всего, что я видела, мне нужно, чтобы было что-то больше, чем я. Мне нужно понять, что означает, быть богом. И может ли божественность действительно защитить этот мир.

Элспет вынула меч и протянула руки, держа его на ладонях. – Это меч из твоего мира. Он много раз спасал мою жизнь. Я нашла его на горе, неподалеку от мальчика...

Крылатое существо приземлилось у статуи, и Элспет ахнула от удивления. У животного было тело оленя с огромными крыльями из перьев и длинный черный клюв ибиса. Мерцающие созвездия и астральных облаков сияли в тени его тела, и она инстинктивно поняла, что перед ней было божественное порождение Никса. Меч нагрелся в ее руках, и сферы в его рукоятке изменились на ее глазах. Вместо тусклого синего свечения, они заискрились звездами.

Элспет почувствовала прилив радости при виде животного. Она решила, что Гелиод наблюдал за ней, внемля ее словам, и обдумывая ее мольбу. Она едва не вскричала от облегчения. Скорбь в ее сердце, болезненная, как физическая рана, слегка утихла. Но перед ней была Галайя, химера, подаренная Пирфором Тассе, посланная отыскать меч ее создателя.

- Благодарю тебя, - прошептала Элспет Гелиоду.

Она положила свой любимый клинок на алтарь у ног Гелиода. Но как только металл коснулся камня, мир взорвался. Статуя разлетелась на множество кусков. Элспет откатнулась, рухнув на землю, защищая лицо от удара. Боли не последовало. Вместо нее, время остановилось, и пейзаж сменился пустым пространством из звездных облаков и рассеянного янтарного света. Она все еще чувствовала гравий Акроса под ладонями. Но она уже не различала землю. Она видела лишь то, что Гелиод позволял ей видеть.

Осколки камней и вековая пыль, замерев, висели в воздухе вокруг нее, подобно подвешенные хлопья снега. Ее меч парил над ней, вне ее досягаемости.

- Где ты взяла этот меч? – слова Гелиода ударной волной врезались прямо в ее разум.

- На горе, - откровенно ответила она.

- Он никогда не был поглощен океаном, и не достигал руин Ариксмета, - закончил он фразу за нее.

Меч начал видоизменяться. Вселенская пыль окутала его, и клинок удлинился вдвое. Гелиод перековал меч в копье, по подобию собственного солнечного оружия. Увидев это, Галайя в панике зашелкала клювом. Вскричав, она взмыла в воздух и растворилась в тумане. Она нашла меч, теперь она должна доложить Пирфору о совершенном надругательстве.

- Теперь это больше не Меч Пирфора, - сказал Гелиод. – Это мой клинок. Посланный Богом, годный для руки смертного. Смертного, который станет моим чемпионом.

С того дня, на горе с мальчиком, когда она впервые взяла этот меч, он стал для нее больше, чем оружием. Она использовала его, чтобы сосредоточить свой разум и призывать магические заклинания в бою более эффективно. Он не раз спасал ей жизнь. Элспет не раздумывая протянула к нему руку. Но за мгновение до того, как ее пальцы коснулись сверкающей рукояти, нестерпимая боль пронзила ее тело.

- Ты осмелилась думать, что ты мой чемпион? – гневно произнес голос. – Зачем ты украла это оружие? И как ты смогла укрыть его от меня?

Гелиод коснулся ее жаром солнца, и Элспет почувствовала, как он сжигает ее изнутри. Она пыталась говорить, но могла лишь кричать от боли.

- Я само солнце, - проговорил голос, теперь тяжелый и гневный. – Укройся от меня теперь, если сможешь.

- Где укрыться? – взмолилась Элспет, отчаянно желая прекращения боли.

- Мой брат правит бескрайним Подземным Царством. Не желаешь ли присоединиться к нему? – спросил Гелиод.

Испепеляющий жар не ослабевал. Элспет прекратила попытки сражаться с болью и отыскала тихий уголок в своем разуме. Она представила себе поле золотой пшеницы, стебли, склоненные от сильного ветра. Неподалеку, стоял фермерский дом с соломенной крышей, который она помнила из своих снов. Словно ребенок, строящий стену из кубиков, Элспет возвела волшебный щит и сделалась невосприимчивой к свету. Ее кожа стала непроницаемой для урона, направленного оскорбленным ею богом. Затем она вышла из уголка сознания и обнаружила, что боли больше не было.

- Я Гелиод, величайший из богов, - раздался голос, доносимый ветром. - Кто ты? Как ты смогла сделать подобное?

- Я Элспет, и я никто, - ответила она.

- Зачем ты пришла ко мне? – спросил он. – Чего ты хочешь? И станешь ли ты просить об испытании?

- Я хочу мир, защищенный от разрушения, - сказала она. – И я хочу место в этом мире.

- Место кого? Правительницы? Королевы?

- Нет, - сказала Элспет, отчаянье, вдруг, переполнило ее. Этот бог ее совершенно не понимал.

За ее спиной послышался звук. Элспет повернулась, ожидая увидеть человека – возможно, отца, мудрого, хоть и не совершенного. Вместо него она увидела стаю белых голубей с мерцающими звездами под крыльями, и они летели прямо у ней. Она не шелохнулась, и в последнее мгновение, они взмыли в небеса.

- Твоя судьба связана с *Посланным Богом*, - сказал Гелиод голосом в ее голове. – Принеси клинок в мой храм в Мелетиде, и ты найдешь то, что ищешь. Если ты снова попытаешь спрятать оружие от меня, то станешь изгнанницей, изгоем, предательницей богов.

- Ты не знаешь, что я ищущу! – вскричала Элспет.

- Если ты достигнешь Мелетиды с этим клинком, ты станешь моим живым сосудом, чемпионом против тьмы, - сказал он. – Ты станешь божественной защитницей Тероса.

Голос покинул ее мысли. Горизонт завертелся, и Элспет очнулась, стоя на коленях перед воссозданной статуей на вершине горы. Ветер шептал ей, *Ступай в Мелетиду, ступай сейчас же.*

Внизу, колокола Акроса звенели тревогу, солнце сходило в зенит, и Элспет подняла *Послонного Богом* с алтаря и начала спускаться с горы.

ГЛАВА 7

Дакс сбил тренировочный манекен на землю. Если бы это был человек, его череп бы треснул пополам. Он рывком поднял манекен и снова водрузил его на деревянную подставку. Затем он окинул взором нанесенный им урон во всем внутреннем двореике. Тренировочные мечи и щиты валялись в грязи, где он сбросил их. Он каким-то образом сломал брусья для растяжки рук – но не помнил, как он это сделал. Метательные диски были беспорядочно разбросаны, некоторые из них торчали в грязи.

Небольшой внутренний дворик прятался за *стоа*, крытой колоннады позади парка у стен храма Гелиода. Официально, внутренний двор был известен, как Лучистый Сад, из-за изящной мозаики в виде солнца, в самом центре прямоугольного дворика. Но среди жрецов его называли Плацем Дакса, поскольку он тренировался там, в одиночестве, каждую ночь. Лишь в самые тихие часы перед рассветом он прекращал тренировку. Тогда он сидел неподвижно на краю фонтана, уставившись на ласковую воду, и прислушиваясь к шелесту листвы лимонных деревьев, высаженных по западному периметру дворика.

Несмотря на поздний час, сегодня в нем не было ни капли умиротворения. Он сгреб пучок шампуров с каменной скамьи и принялся снова и снова пронзать ими манекен. Металлические шампуры были выкованы в кузнечной лавке в дорогой части рынка у самой гавани. Они были созданы для приготовления сулваки над жаровней. Это было одно из любимейших блюд Дакса – кусочки ягненка и овощей, поджаренных на гриле над открытым огнем. Мастера покрыли шампура серебристой патиной, сверкавшей в свете Никса. На рукоятке каждого шампура был выкован крохотный серебряный пегас в честь Гелиода. Противоположный конец шампура был столь же острым и смертоносным, как боевое оружие. Дакс купил весь набор из двенадцати штук, и лишь позднее узнал, что мастер уже продал десятки точно таких же наборов. Это был их основной товар, как ему сказали после уплаты денег.

Он все еще держал один шампур в руке, но мешкал вонзять его в манекен. Тренировочная кукла отдаленно напоминала человеческий силуэт с деревянными палками вместо ног и рук, и большим коричневым мешком с песком на месте торса. Теперь манекен выглядел, как тело, пронизанное стрелами десятка лучников. Дакс услышал тихий шепот и взглянул на Никс. Фенакс крался меж звезд, удаляясь от небесных пределов Тассы. Хотя Фенакс никогда не вредил ему так, как навредил Атрей, для Бога Обмана он был бесполезен. Как оракул Гелиода, Дакс должен был быть образцом чести и правдивости.

Что ж, он чувствовал себя одураченным. Дакс взял острый конец шампура и вырезал усталую улыбку на мешке, в том месте, где у манекена должно было быть лицо. Мешковина разошлась и сморщилась, и Фенакс растворился в астральных облаках над его головой.

Ночью Дакс мог отрешиться от большей части божественных речей, осаждавших его на протяжении дня. Шум божественной обители превращался в приглушенный гул на задворках его разума. Учитывая, что солнце было владением Гелиода, Дакс был переполнен божественным присутствием от восхода до заката. Его глаза слезились, во рту пекло, а в ушах звенело – от величия богов.

С самого детства он был обязан Гелиоду. Быть призванным богом означало обладание определенными привилегиями: знаниями, престижем, и честью. Но Дакс чувствовал себя словно привязанным к храму невидимой цепью. Он не мог уйти, поскольку Гелиод все равно швырнет его

обратно. Он даже не был уверен, что хочет сбежать. Кем он будет без своего бога? У него не будет даже возможности это узнать. Даксу хотелось кричать. Ему хотелось что-нибудь уничтожить. Своей свободной рукой он схватил один из деревянных тренировочных мечей с земли и набросился на манекен с частыми, отточенными ударами.

Когда это кончится? Этот вопрос Дакс задавал сфинксу, Медомаю, который был не в восторге от богов. Никогда не задавайте сфинксу вопрос, на который не хотите услышать ответ. Он, конечно, получил ответ. Сфинкс рассказал ему, что он не только умрет, но будет убит: У подножья нетронутого города. От руки того, кого он любил. Дакс вонзил последний шампур в мешковину и вспорол тренировочный манекен. Песок высыпался на плиточный пол. В своем неистовстве с деревянным мечом он сломал несколько шампуров. Крошечные крылатые лошадки отломились и теперь лежали поверх груд песка. Когда он опустил на колени, чтобы подобрать фигурки, то услышал мужской голос.

- Дакс?

Кто-то стоял под галереей у дальнего края внутреннего дворика. Освещенный факелами на стенах, Дакс не мог разглядеть, кто это был. Но на мгновение он почувствовал страх. Может, Гелиод нашел способ захватить и ночное его время. Дакс выронил деревянный меч и поднялся на ноги, перебирая серебряными пегасиками в ладони. Они напомнили ему кости, с помощью которых гадалки предсказывали будущее людей.

- Дакс, с тобой все в порядке?

Дакс понял, что это был всего лишь Стелан, один из молодых жрецов, живущих при храме. Дакс приветственно поднял руку, но улыбнуться не смог. У него было мало друзей в храме. Другие жрецы относились к нему либо с благоговением, либо с ревностью. Дакс понимал, что люди избегали его. Он не умел беззаботно болтать и подшучивать, что, казалось, было цементом дружбы между людьми. Он был наиболее счастлив, когда был один. Но Стелан, казалось, этого не замечал. Со дня их первой встречи, Стелан относился к Даксу так, словно они были братьями. Им обоим было по двадцать два года, оба были примерно одного роста. У каждого были темные волосы до плеч и жилистые, мускулистые тела. Люди нередко замечали, что они вполне могли принадлежать одной семье.

- Просто немного тренируюсь, - сказал Дакс. Учитывая уничтоженное состояние внутреннего дворика, его объяснение звучало саркастично.

- Тебе стоит попробовать спать, - сказал Стелан. – Будет меньше синяков.

Дакс пожал плечами. Он давно перестал спать по ночам. Иногда на протяжении дня он выкраивал себе пару часов отдыха. Но ночь была слишком ценна. Он сжал крошечных крылатых лошадок в кулаке и почувствовал, как их обломанные края впились ему в кожу. Под давлением его кулака, мягкий металл согнулся в бесформенные комки. Он сунул смятые обломки в карман в складках свободных штанов.

- Давай приберем здесь, пока старейшины не увидели, - сказал Стелан. – А потом мне понадобится твоя помощь.

Вместе они быстро расчистили хаос, созданный Даксом. До рассвета оставалось совсем не много времени, поэтому, когда они подняли последнее бревно, Дакс сказал, - Ты, вроде, чем-то озадачен.

- Да, - согласился Стелан. – Я рассказывал тебе о Алтее?

- Помню, - сказал Дакс. Стелан и Алтея выросли вместе. Но Стелан почувствовал призвание служить Гелиоду, и покинул свою деревню, приехав в Мелетиду, служить Богу Солнца. Алтея верила, что Стелан был ее суженым, и у нее разбилось сердце с его отъездом.

- Ко мне приезжал ее отец, - сказал Стелан. – Алтея плохо себя чувствует в мое отсутствие, и сам он не молодеет. Он попросил меня вернуться домой и принять от него управление фермой. Мы с Алтеем могли бы пожениться. Я разрываюсь, Дакс. Не знаю, что мне делать.

Стелан положил ладонь на плечо друга. Как только Стелан коснулся его, Даксу явилось видение того, какой была бы жизнь его друга, если бы он покинул Мелетиду и вернулся домой. Своим божественным зрением Дакс увидел мужчину, в котором он узнал отца Алтеи, идущего к темной реке. Дакс увидел Алтею, присматривающей за жирными овцами на пастбище с пастушьей собакой с высунутым языком, сидящей у ворот. Затем он увидел каменный домик. Дверь отворилась, и во двор вышел Стелан собственной персоной. Он нес крупные ножницы, напевая что-то себе под нос. Алтея радостно помахала ему рукой. Это была его жизнь. То, где Стелан должен был быть.

- Дакс, ты меня слышал? – спросил Стелан.

Его голос разбил видение и вернул Дакса обратно в его смертное тело во внутреннем дворе храма. Хотя Дакс часто уходил в себя посреди разговора со Стеланом, это никогда не волновало его друга. Он просто повторял свой вопрос или комментарий, и беседа продолжалась. Но это ведение касалось жизни Стелана, и оно расстроило и взволновало Дакса.

- Ты не прочтешь знаки? – спросил Стелан. – Может, поговоришь с Гелиодом и спросишь, что мне нужно делать? Я не хочу бросать свои обязанности здесь. Но и оставаться я тоже не хочу, если это не моя судьба. Я так сильно скучаю по Алтее, что боюсь, я совершил ошибку, покинув ее.

Оба юноши сели у края фонтана в предрассветной мгле. Стелан был взволнован, ожидая слов своего друга.

- Что такое судьба? – спросил Дакс после долгой паузы.

- Это то, что хотят от нас боги, - ответил Стелан. – Она написана Тριάдой Судеб в день нашего рождения. Мы не можем изменить ее. Чтобы нам ни суждено было сделать, мы обязаны это сделать с честью и во славу богам. «Это то, что есть, и всегда будет».

Это был верный ответ. Это было то, чему учил своих последователей Гелиод.

- Но действительно ли твоя судьба, это дорога, которой ты должен слепо следовать? – спросил Дакс. – Или же жизнь, это путешествие? Может, судьба – это конечный пункт с несчетным количеством различных дорог, среди которых ты выбираешь свою, но нет единого пути, ограничивающего наши исследования.

- Но нам не нужно следовать слепо, - сказал Стелан. – Гелиод укажет тебе путь.

Дакс чувствовал гнев, вздымающийся в груди. Почему все относились к богам, словно те были идеальны, когда очевидно было, что это не так? Разве Пирфор и Гелиод не сражались из-за ничтожных разногласий, словно дели из-за игрушки? Разве Тасса и Гелиод не ссорились, подобно несчастливой супружеской паре, всякий раз уязвляя слабые места друг друга? Боги были столь же подвержены ошибкам, как и те, кто им служил. Почему Даксу казалось, что он один это видит?

- Я прочту знаки для тебя, - сказал Дакс. – И мы обратимся к Гелиоду за ответами.

Дакс вынул из складок штанов смятые металлические комки. Утратившие вид крылатых лошадок, они походили на простые кусочки серебра. Он жонглировал ими в руках. Когда это кончится? Он встряхнул комья в последний раз и бросил их на мраморный пол. Стелан в изумлении наблюдал за тем, как они зазвенели по плиткам. Но за секунду до того, как они остановились, Дакс произнес беззвучное заклинание, и серебряные обломки вновь обрели очертания крылатых пегасов: явные символы Гелиода, Бога Солнца.

Как ребенок Стелан раскрыл рот, пораженный простым фокусом Дакса. Дакс завидовал его потенциальной свободной жизни с Алтеей. Он мог порвать оковы храма в отличие от Дакса. Он мог быть хозяином собственной судьбы, направляя свою жизнь куда захочет.

- О чем все это говорит? – спросил Стелан.

- Тебе суждено стать великим жрецом в доме Гелиода, - солгал Дакс. – Твое будущее здесь, в Мелетиде. Твоя судьба – величие и слава.

Лоб Стелана поморщился от тревожных мыслей, и Дакс пристально наблюдал за ним.

- Разве не это ты ожидал услышать? – спросил Дакс.

- Я всегда полагал, что мне суждено нечто большее, - сказал Стелан. – Мое сердце болит от расставания с Алтеей, но я буду предано служить моему богу.

Дакс ощутил поток вины. Он собрал крошечных лошадок и крепко сжал в ладони.

- Мне нужно идти, написать письмо ее отцу, - сказал Стелан, вставая на ноги. – Спасибо тебе, Дакс. Ты настоящий друг.

Шаги Стелана растаяли вдали, первые лучи солнца коснулись вершины черепичной крыши, и Дакс раздавил металлических пегасов в кулаке. В последние минуты перед рассветом он позволил тишине поглотить его. Такие мгновения, когда он не замечал течения времени, когда его разум был спокоен и ясен, было то, чего он жаждал и ценил более всего. Он желал времени, когда бы он смог воспринимать мир лишь двумя глазами, как другие люди. Даже сейчас его кожа уже открывалась незримому миру, ощущая прилив океана Тассы сквозь утренний туман. Он чувствовал порывы резкого ветра Керана, обжигающего и яростного в преддверье очередной бури.

Дакс подошел к цистерне на краю дворика и омыл лицо и руки чистой водой. Плющ покрывал стену над цистерной. Он протянул руку и коснулся одного из хрупких листьев. Сквозь его жилки, Дакс почувствовал сердцебиение и частое дыхание жертвы, мчащейся сквозь лес. Нилея вернулась в мир смертных после странствий в неизведанных землях. И теперь она охотилась в Нессийском Лесу, который был во многих милях отсюда, но достаточно близко для Дакса, чтобы почувствовать богиню. Но он не взывал к ней из страха отвлечь. Охота была ценна для Нилеи, столь же ценна, как эти несколько минут перед восходом солнца для него.

Дакс прошел к красно-золотой мозаике солнца точно в центре внутреннего двора. Он опустился на колени, а затем лег на живот. Чувство вины комом ныло в его груди, но он оттолкнул его прочь. Он поступил правильно, говорил он себе. Гелиоду нужны такие жрецы, как Стелан, так же, как и такие оракула, как Дакс. Он прижался щекой к разноцветной плитке, и мелкие камешки оцарапали его кожу. Глубоко в земле он чувствовал беспокойные извивания корней под Нессийским Лесом. С луком в руках и с верной рысью, бегущей в паре шагов позади нее, Нилея быстро и бесшумно неслась над покрытой листвой землей. Она выследила добычу, подняла лук, и приготовила стрелу. Нилея никогда не промахивалась, и ходили слухи, что на каждом наконечнике ее стрел было нанесено имя ее жертвы.

Но прежде чем он выпустила стрелу, Богиня Охоты почувствовала Дакса. Она остановилась и коснулась рукой земли. Несмотря на расстояние между ними, он ощущал тепло ее ладони на своей груди. Его внутренний взор был наполнен образом кривого сучковатого дерева с миллионом золотых бабочек вместо листьев. Это был единственный храм, который Нилея позволила возвести в ее честь.

- Оставь свои оковы и беги со мной, - сказала она. Она не говорила на языке смертных. Ее голос был подобен вою волка в отдаленных уголках его разума, и он скорее воспринимал ее желание, чем разбирал слова.

- Ты знаешь, что я не могу, - сказал он, не отрывая лица от пола. – Как там неизведанные земли?

- Ты думаешь, я была там? – спросила она.

- Если нет, тогда где? – спросил он.

- Я охотилась на змей в глубочайших безднах, и сражалась с ужасами, которых ты не можешь представить, - ответила она.

- Но... почему? – спросил он. – Тебя не было так долго. Почему ты покинула свой лес?

Дакс пытался отрешиться от остального шума, кроме присутствия Нилеи. Солнце восходило, и он желал лишь ее голос в своей голове. Но его божественное зрение было затронуто незнакомым образом. Перед его внутренним взором лес превратился в плоский гобелен, висящий на стене. Деревья и животные были вышиты так тонко и изящно, что подобное могла сотворить лишь божественная рука. В этом видении не хватало крупных частей вышивки, словно кто-то прожег дыры в ткани, оставив зияющие пустоты там, где должна была быть жизнь.

- Что-то не так, - сказал он.

- Что ты видишь? – спросила Нилея.

- Перед тем, как моя мать была убита, я не мог разделить мир смертных от обители богов, - рассказал ей Дакс. – Там, где они пересекались, я был слеп.

- Я не понимаю, - сказала она. – Но слушаю.

- Слепота вернулась, Великая Охотница, - сказал он. – Там, где я должен видеть твои владения, теперь зияют пустоты. Что-то странное происходит в Нессийском Лесу.

Нилея услышала взволнованность в его голосе и выросла до необъятных размеров. Он слышал, как листья деревьев склоняются перед ней, когда она проходила сквозь кроны на пути к небу. Она положила стрелу на лук и натянула тетиву. Ее волосы развивались за ней, и все лесные животные приготовились к опасности.

- Что-то ломится сквозь мои деревья на дальнем краю леса, - сказала она.

Затем она пропала, войдя в одну из пустот в его божественном зрении, куда он не мог за ней проследовать. Дакс проверил угол лучей солнца над черепичной крышей. Свет проникал теперь во внутренний двор, подобно копью, рассекающему завесу ночи. Словно в своем ежедневном ритуале, Дакс ударил кулаком по земле и прошептал проклятие Атрею и Эребу за то, что они отняли его мать: «Я отворачиваюсь от вас, лживые боги. Пусть иссякнет ваша сила, пусть Гелиод раздавит вас в пыль, и Круфикс засыплет Подземное Царство вашим прахом.

Дакс представил лицо своей матери, и его ненависть вскипела и выплеснулась с последними тенями вечера. Солнечный свет обогрел его обнаженные плечи, и он почувствовал присутствие своего бога.

- Я здесь, Гелиод.

Если голос Нилеи был подобен волчьему вою, глас Гелиода стал светом, отраженным от воды в фонтане. Голос его бога мерцал в его разуме, за пределами его физических глаз. Если бы кто-нибудь был бы сейчас во внутреннем дворе вместе с ним, он ничего бы не услышал.

- В мире не было еще оракула, подобного тебе, - сказал Гелиод. – Поэтому весьма кстати то, что ты принадлежишь мне.

- Я лишь твой сосуд, - сказал Дакс.

- Ты слышишь голоса всех богов сразу, - сказал Гелиод. – Кто еще может сказать о себе так же?

- Они говорят вокруг меня, - ответил Дакс. – Слушаю же я лишь тебя.

- Что есть истинная сила, Дакс? – спросил Гелиод. – Если я направляю свет на землю, ты не смог бы остановить его.

- Я не смог бы остановить тебя, - согласился Дакс.

- Если свет прожжет тебя изнутри, выжил бы ты? – спросил Гелиод, и он явил Даксу видение всей палящей силы солнца, вмещенной в его собственной груди. В этом видении Дакс видел, как его тело разрывается на куски, и сквозь него вырываются лучи света.

- Нет, я бы умер, - сказал Дакс.

- Ты не смог бы сделать свою кожу подобной зеркальному камню? Ты не смог бы отразить меня?

Дакс молчал. Его повелитель и так знал, что он не смог бы этого сделать.

- Я видел подобную силу в незнакомке, - Гелиод сказал ему. – У нее Меч Пирфора. Я не могу представить, где она нашла его, кроме как если она не владела им все это время.

Дакс знал, что Гелиод говорил о сломленной девочке, Элспет. Изможденной и напуганной, она отвела его сквозь ночь на вершину горы. Он часто думал о ней. Она тогда исчезла. Как и Меч Пирфора. Хотя он и задумывался, была ли связь между этими событиями, но старался не замыкаться на этом.

- Ты был там в тот день, - сказал Гелиод. – Что случилось с мечом?

- Я видел, как он упал, и после этого я видел лишь тебя, - сказал Дакс, не поднимая лица от плитки.

- Всего пару мгновений назад, он положила меч на мой алтарь, и я принял его. Я превратил его в меч-копье, достойный меня, - сказал Гелиод. – Незнакомка верит, что ее судьба связана с этим оружием. Она несет его мне – нам – в Мелетиду.

- Она просила об испытании? – спросил Дакс.

- Не просила, - сказал Гелиод. – Поэтому я ей не сказал.

- Что ей подобает сделать? – сказал Дакс. Он чувствовал жалость к той девочке. Как и он, она уже не была ребенком, но она не могла полностью избавиться от своей скорби, как не смог и он сам.

- Можешь ли ты представить себе весь Терос с дорогами из света, простирающимися вдаль и вширь во всех направлениях? Мой взор прежде касался каждого уголка моих владений.

- Я вижу это, - сказал Дакс, еще до того, как Гелиод явил ему этот мысленный образ. Его божественное зрение лишь на долю секунды отставало за взором Гелиода. Бог Солнца видел, и затем то же видел Дакс.

- Но пустоты множатся. Дороги отсечены, некоторые разбиты, иные просто не существуют вовсе. Я считаю, что это искажение началось с попытки Пирфора уничтожить мой мир. Незнакомка и меч возвращаются ко мне. Теперь пустоты растут.

- Ты полагаешь, что все это связано? – спросил Дакс.

- Должно быть так, но мое поле зрения сужается, - сказал Гелиод. – Какая-то сила пытается ослепить меня. Мне нужно, чтобы ты следил за миром смертных, теперь больше, чем когда-либо. Я думаю, Пирфор изобрел новый способ уничтожить меня. И Тасса танцует с ним даже сейчас.

- Может ли незнакомка помочь тебе?

- Это ее судьба, - сказал Гелиод. – Я могу приказать ей убить всех оракулов, кроме моих. И у нее хватит сил выполнить это.

- Ты ослепишь других богов? – спросил Дакс. – Ты испытаешь предупреждение Круфикса?

- Только, если Пирфор вынудит меня к этому, - сказал Гелиод. – Я не боюсь Круфикса.

- Что должен делать я? – спросил Дакс.

- Выезжай навстречу моему чемпиону, - сказал Гелиод. – Но прежде, чем отправишься, убедись, знают ли мои братья и сестры о ней и о ее оружии.

Дакс поднялся на колени. Песок покрывал его грудь, а ноги пекли от ночной работы. Он освободил пространство вокруг своего сердца и позволил Гелиоду поместить туда ткань вселенной. Своим божественным зрением Дакс отправился по невидимым световым дорогам Гелиода, выискивая незнакомку, несущую клинок Бога Солнца. Сломленную девочку, укравшую меч бога. Он увидел ее падающую с деревянной платформы. Копье выпало из ее рук. Гарпия бросилась к ней, готовая вырвать когтями ее глаза.

Дакс вернулся в свое тело, его глаза слезились, кости ныли от боли.

- Святейший из Богов, она в пустоши. И Эреб следит за ней.

- Ступай не медля, - сказал Гелиод. – Возьми отряд, и уничтожь любую преграду на ее пути. Очисти ее путь ко мне. Пантеон не захочет, чтобы у меня был такой чемпион.

- А как же Эреб?

- Я разберусь со своим скулящим братом, - сказал Гелиод. – Ничтожный повелитель жалости к себе. Я обещаю тебе, Дакс. Настанет день, когда я позволю тебе отомстить за то, что он тебе сделал.

Гелиод произносил эти слова и прежде, и произнесет снова, и все же Дакс знал, что из этого ничего не выйдет.

- Если она не достойна, или если она попытается бежать с оружием, ты знаешь, что делать, - сказал Гелиод.

- Убить ее, забрать оружие, и принести в Мелетиду собственноручно, - сказал Дакс, но уже не своим голосом. Он повторял приказы, данные ему Гелиодом. Дакс боролся со словами, но они все равно слетели с его уст. И когда он закончил говорить, Гелиод исчез.

Дакс поднялся с земли и пошел навстречу с женщиной, которая его мольбами, должна была занять его место.

ГЛАВА 8

Когда Элспет достигла городских стен Акроса после встречи с Гелиодом, то обнаружила, что город готовился к войне. Королевские Врата, главные ворота в Акрос, были закрыты на тяжелые засовы, и лучники на стенах навели наконечники стрел на нее, как только она подошла на расстояние выстрела. Они позволили ей войти через боковой вход, именуемый Вратами Опоздавших, представлявший собой укрепленный коридор, ведущий сквозь толстую стену и врезанными прочными железными воротами с обеих сторон. Попав в город, Элспет пришлось лавировать между отрядами солдат, проходящих последний инструктаж на площади у главных ворот. Она заметила девушку в тени стены, наблюдавшую за мужчинами в боевых шлемах с гребнями и бронзовыми нагрудниками, отрабатывавшими боевые движения.

- Что происходит? – обратилась Элспет к девушке, чьи волосы были убраны на подобии круглых бараньих рогов по бокам головы.

- Разве ты не видела пламя в небесах? – спросила девушка. - Это было знамение. Король Анакс закрывает все ворота. Мы осаждены.

- Кем? – спросила Элспет.

- Минотаврами, - ответила девушка. Она выглядела изумленной уже тем, что Элспет задавала такие вопросы. – Они собираются против нас. Они хотят нас всех убить.

- Я только что была в горах, - сказала Элспет. – Я не видела там орд минотавров.

- Не удивительно, - сказала девушка и взглянула на Элспет так, словно та была глупейшим существом на свете. – Они живут в пещерах.

Девушка пошла своей дорогой, а Элспет свернула в переулочек, пытаясь обойти толчею на площади. Ей не хотелось ночевать в городе, готовящемся к войне. Но и покинуть Терос она была не готова. И все же, она пока не знала, ни как добраться до Мелетиды, ни что ей следовало думать о боге, пытавшемся ее убить – хоть и полагая, что она была воровкой. У нее не было ничего важного или нужного в ее комнатке в Квартале Чужеземцев, но она все же отправилась туда за своей походной сумкой, по пути пытаясь решить, что делать дальше.

Если ты так могущественен, Гелиод, укажи мне дорогу в Мелетиду. Слова родились в ее сознании сами собой, и она виновато осмотрелась, словно кто-то мог подслушать ее мысли. Но все вокруг спешили мимо нее, словно они должны были быть в более важном месте. Дороги были забиты солдатами, марширующими к Колофону, монолитной крепости Короля Анакса и Королевы Кимеды.

Элспет держалась переулочков, но достичь Квартала Чужеземцев, минуя Близнецов, было невозможно. Алтарей Ироя, Бога Победы было множество. Но «Близнецы» был одним из немногих алтарей, чтивших как Ироя, так и Могия. Эти боги были противоположностями друг друга: у Ироя была голова и грудь человека, а тело быка. Могий же изображался могучим минотавром.

Акросские солдаты круглосуточно несли здесь караул. В тени Могия было развязано столько потасовок, что люди верили в то, что это место было проклято. И все же, служители приходили сюда, останавливаясь на брусчатке у ног Ироя. Бог Победы гордо возвышался на двадцать пять футов, с триумфально поднятой сияющей бронзовой сариссой. Позади него скрывалась мраморная статуя Могия. Куда бы ни падали лучи солнца, Могий всегда оставался в тени. И все же, люди молились и ему. Могий обрел максимальное внимание после свирепой

битвы, когда погибло много Акроссиан. Родственники убитых приходили к этому алтарю и тихо молились Могию, ибо он также был богом отмщения.

Элспет была всего в квартале от своей комнаты, когда услышала, как кто-то выкрикивал ее имя. Учитывая то, как мало людей она знала в Акросе, она подумала, что ей это показалось. И все же она осмотрела лица заполненной улицы и увидела Ксиро, бодро машущего ей рукой. Когда он, наконец, пробрался сквозь толпу, она увидела, что он был одет в доспех Акросского солдата.

- Почему ты в форме? – спросила Элспет.

- Ирой простил меня. Меня восстановили в ранге рядового. Грядет война.

- С чего ты это взял? – спросила Элспет.

- Ты не видела знаки огня в небе? – спросил он.

- Это был знак, что ты прощен? – спросила она, задумываясь о том, как можно было быть уверенным в том, что ты верно читаешь знамения.

- Нет, это был знак войны, - сказал он. – Я был в храме, и жрец сказал мне, что я прощен. Теперь я становлюсь на службу в Колофоне.

- А, - сказала Элспет. – Ну, рада за тебя.

- Квартал Чужеземцев собираются очистить, - сказал он. – Я боялся, что тебя выдворят из города. Но я нашел кое-что для тебя. Арвид Такис, владелец поместья, на которое напали сатиры, высылает свою дочь на учебу в академии Мелетиды. Она отъезжает из Акроса с последним караваном менее чем через час от Врат Войны. Им нужна женщина для эскорта, и я записал тебя.

Он протянул ей кусок пергамента с официальной печатью. – Это доведет тебя к воротам Мелетиды. Как только доставить девчонку в академию, можешь делать что захочешь. Весь город твой.

Если ты так могущественен, Гелиод, укажи мне дорогу в Мелетиду. Голова Элспет шла кругом. Она чувствовала, словно сейчас засмеется, но ей не хотелось обижать Ксиро, так сильно пытавшегося ей помочь.

- Девчонку зовут Никка Такис. Ей шестнадцать, и она источник проблем, во всяком случае, по словам ее отца, - продолжал Ксиро. – Тебе придется не сводить с нее глаз. Они заплатят тебе, как только она будет доставлена в академию.

- Спасибо, - сказала Элспет. Она взяла письмо и попыталась подыскать верные слова благодарности седовласому солдату.

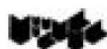
- Ты в порядке? – спросил Ксиро. – Я подумал, что тебе это будет на руку. Ты можешь продолжить свои поиски храмов, хотя лично я надеюсь, что твой путь приведет тебя назад, к Ирою.

- Я в порядке, - сказала Элспет. – Я, правда, очень благодарна тебе.

Они коротко обнялись, и Ксиро выглядел смущенным. Он улыбнулся ей. – Когда я буду думать о тебе, я буду представлять, как ты ходишь по улицам величественного города, в поисках сердцебиения богов.

- Может, мы еще как-нибудь встретимся, - сказала Элспет. Он подмигнул ей, словно не веря в это, и повернулся уходить. В последнее мгновение, он обернулся и указал на восток.

- Врата Войны там, - выкрикнул он. Затем он исчез в потоке солдат. Уличный глашатай зазвенел в колокол, предупреждая всех иноземцев покинуть город. Элспет была рада подчиниться.

Элспет покинула Акрос с последним караваном, выехавшим через Врата Войны. За ее спиной, город выдворил оставшихся нежеланных гостей на скалистое плато. Чужеземцы, не прикрепленные к каравану, выглядели растерянными от сложившейся ситуации, и затем разошлись кто, куда. В отличие от несчастных, изгнанных из Квартала Чужеземцев с пустыми руками, у Элспет был якорь – она должна была доставить Никку Такис в невредимости в город философов. К несчастью, шестнадцатилетняя девица дала ясно понять, что не желает, чтобы Элспет за ней следила. Караванная повозка, которую господин Такис арендовал для своей дочери, выглядела гораздо богаче остальных. Большинство повозок были просто деревянными коробками на колесах, запряженными лошадей. Повозка Никки была окрашена в бордовый цвет, с золотыми узорами, с бархатными занавесками на окнах. Ее везла пара лошадей, и Элспет была рада, что ее ответственность распространялась лишь на Никку, и ей не нужно было думать о животных. Хозяин каравана нанял погонщиков и конюхов, которые позаботятся за всем остальным.

Караван пройдет по Дороге Великой Реки в земли пустоши, и вдоль Реки Дейды к морю, где его будут ждать корабли для переправы в Мелетиду. Элспет думала о том, почему они не взяли лодку и не спустились по Дейде – пока не увидела реку у края Акросской Равнины. Она взглянул вниз в ущелье, где в сотне футов под ней могучий поток воды бурлил, взбиваясь в белую пену. Несмотря на расстояние, гулкое эхо водных потоков заглушало скрип колес каравана.

Никка высунулась из окна, чтобы взглянуть вниз, на реку и встретила глазами с Элспет. Она резким движением задернула занавески, словно Элспет шпионила за ней. Когда Элспет было шестнадцать, она день и ночь тренировалась, чтобы стать Рыцарем Банта. Она никогда не обращалась со старшими столь грубо. Она никогда бы не пренебрегла тем, кто поклялся защищать ее. Она пыталась представить, что в жизни Никки Такис могло быть самым сложным до сих пор. И поняла, что, вероятно, самым сложным в ее юные годы было это самое путешествие – быть высланной далеко от родителей. Сегодня, возможно, был самый сложный день в ее жизни.

В последние минуты перед отправкой каравана была безумная суматоха. Никка отказалась попрощаться с отцом, она залезла в повозку и хлопнула за собой дверь.

- Она чувствует себя так, словно мы ее наказываем, - сказал господин Такис. – Но это ради ее же блага. После того, что случилось в поместье... ну, Вы видели все сами. Оракулы говорят, что в Акросе проснулось зло, и я хочу, чтобы моя дочь была подальше от этого. Вы позаботитесь о ней, да?

- Да, сэр, - сказала Элспет.

- Не выпускайте ее из вида, кроме как если она в своей повозке под вашей охраной, - сказал он. – Не позволяйте ей флиртовать с мужчинами. Она это любит. И должен предупредить Вас, она очень хитра.

Элспет нахмурилась. – Хитра, насколько?

Но в это мгновение загудел рожок со стены, деревянные Врата Войны распахнулись, и господин Такис не успел объяснить ей свою мысль. Когда караван выехал наружу, господин Такис подбежал к воротам. Солдаты удержали его, но он выкрикнул, - Не позволяйте ей приклонять колени перед алтарями! Не давайте ей говорить с людьми, называющих себя жрецами!

Вскоре череда повозок начала спускаться с Акросской Равнины, приближаясь к скалистым горам. Хозяин ехал рядом верхом, проверяя повозки и телеги. Он был темнокожим мужчиной с наголо обритой головой и завидной мускулатурой. Ростом он доходил лишь до плеч Элспет, но был вдвое шире, без единой унции лишнего веса. Она легко представляла его поднимающим край повозки, чтобы заменить колесо, в случае необходимости. Когда он достиг конца каравана, то спешился, идя рядом с Элспет.

- Меня зовут Гиний, - сказал он. – Я езжу по этому пути уже пятнадцать лет, и знаю все его сложные места. Господин Такис объяснил твою задачу. Обращайся ко мне, если возникнут сложности.

Элспет уверила его, что так и поступит.

- Следующие несколько часов будут самыми сложными, - сказал ей Гиний. – Эти узкие каньоны и проходы - удобное место для засад. И тебе лучше идти справа от каравана. Пойдешь слева, и можешь свалиться за край, в Дейду.

Гиний оседлал коня и поскакал в начало каравана. Элспет задумалась, слышала ли Никка это предупреждение. Но бархатные занавески были плотно закрыты, и Элспет не стала пытаться заговорить со своей подопечной.

Железные колеса мерно скрежетали, скатываясь по крутому склону около часа, пока солнце восходило в зенит. Темные силуэты кружили в небе высоко над головами погонщиков, но Элспет не обращала на них внимания, приняв за крупных птиц. Она забыла о них вовсе, заметив иное препятствие – дорога значительно сузилась, и с обеих сторон каравана оставалось не более пары дюймов свободного пространства. Не имея возможности идти рядом, Элспет была вынуждена отступить в самый конец цепи повозок, где она не боялась свалиться в ущелье, или же быть раздавленной об отвесную горную твердь.

Погонщики закричали по всей цепи, - Стоп! – и караван резко остановился. Дорога была слишком узкой, чтобы Элспет смогла рассмотреть, что произошло. Когда крики тревоги пронеслись от повозки к повозке, она поняла, что на них напали. Не имея другого выхода, она взобралась на деревянную крышу крайней повозки и увидела, что большинство конюхов поступили так же. Все они были вооружены длинными палками с лезвиями на концах – по-видимому, лучшим оружием для защиты от нападения с воздуха. Темные силуэты набросились на них. Когда существа подлетели ближе, Элспет увидела, что у них были уродливые человеческие лица и когти на черных пернатых крыльях. Одно из них спикировало рядом с Элспет, и взлетело на очередной круг. Полу-птицы, полу-люди, у этих мерзких существ были чахлые тела и желтые, колотые зубы.

Гиний перепрыгивал через зазоры между повозками, приближаясь к ней. Ее погонщик оставался с лошадьми, пытаясь их успокоить. Если они испугаются, то вся повозка могла перевернуться и рухнуть в бурлящую реку.

- Гарпии! – Кричал Гиний. Элспет поняла, что он спешил к ней на помощь, поскольку ее повозка была единственной в караване с одной защитницей.

Гарпии сначала набросились на первые повозки каравана, и теперь улетали с сундуками, амфорами, и другими трофеями в кривых когтях. Казалось, их больше интересовало награбленное в повозках торговца, чем убийство людей. Элспет приготовила свое меч-копье, когда Гиний добрался до нее.

- Это падальщики? – спросила она.

- Да, но это странно, - сказал он. – Они обычно избегают караванов с таким количеством охранников.

Две гарпии спикировали к ним на огромной скорости. Их нападение не было скоординированным, как заметила Элспет, приседая, и готовясь к схватке. Она услышала, как испуганно заржали кони, и повозка качнулась под их ногами вперед.

- Стоять! – Заорал Гиний.

После того, как Гелиод превратил ее меч в удлинённый клинок, Элспет опасалась, что не сможет орудовать им с той же уверенностью, что и прежде. Но с ее первым ударом по пикирующей гарпии, она поняла, что ее навыки ничуть не уменьшились. Удлинённый клинок был не тяжелее оригинального меча, но теперь, он наносил еще более жесткие удары. С удвоенной

скоростью ее удара и инерцией взмаха оружия, Элспет практически рассекла гарпию пополам. Ее тело ударилось о крышу повозки с мокрым шлепком. Под ногами Элспет, из повозки донесся испуганный визг Никки.

- Оставайся на месте, - приказала Элспет своей подопечной сквозь крышу. Она столкнула ногой труп гарпии, и он рухнул вниз, по спирали удаляясь к реке.

Гиний одобрительно улыбнулся. – Этим клинком ты можешь достать до самого Никса! – Выкрикнул он, когда еще пара гарпий повернула в их сторону.

Одна из них кружила над Элспет, оставаясь вне досягаемости. Затем она сделала резкий хватаящий рывок к клинку Элспет своими острыми когтями на лапах. Движение было столь неожиданным, что Элспет утратила равновесие и упала назад, с деревянной крыши повозки, на дорогу. Ей удалось приземлиться на ноги, но она выронила оружие. С пугающей скоростью, гарпия метнулась прямо к ней. Элспет бросилась к клинку, но гарпия была быстрее. Позабыв об оружии, гарпия направила когти в лицо Элспет. За ее спиной Никка распахнула дверь повозки и метнула керамический кувшин в мерзкое существо. Сосуд треснул о голову гарпии, и ламповое масло оросило ее крылья.

Гарпия рухнула на землю, развернулась, и заорала на Никку. Ее крики звучали так, словно она говорила на каком-то утробном языке, но Элспет не смогла разобрать ни единого знакомого слова. Гарпия бросилась к повозке, но Никка схватила еще один кувшин и швырнула гарпии в лицо. Он угодил в цель, и на этот раз гарпия получила сполна. Она, шатаясь, взмыла в воздух, разбрызгивая масло и выкрикивая свои уродливые слова. Когда она рывками поднялась в воздух и скрылась из вида за горным гребнем, остальные гарпии последовали за ней.

- Отличный бросок, - сказала Элспет, поднимая клинок. Она осмотрела небо в поисках летучих мародеров. – Оно что-то говорило? Эти твари могут говорить?

- О, она теперь все разболтает Эребу, - сказала Никка. – Она также сказала не самые приятные вещи о моем лице и твоём клинке.

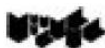
Элспет озадаченно взглянула на Никку, не уверенная в том, шутила ли девушка или нет.

Гиний появился над ними, стоя на крыше повозки. – Все на месте? – спросил он. – Нам лучше выдвигаться, если мы хотим разбить лагерь дотемна.

- Если увидите Бету, скажите ему, что со мной все в порядке! – Выкрикнула Никка вслед хозяину каравана, но не получила ответа.

- Что еще за Бета? – спросила Элспет.

- Не твоё дело, - огрызнулась Никка и захлопнула дверь повозки перед лицом Элспет.

После нападения гарпий, караван ехал вперед без остановок. Дорога Великой Реки расширилась, и Элспет шла с правой стороны повозки, радуясь тому, что теперь перед ней открывался вид на то, что ждало их впереди. Погонщик выкрикнул, что они были в миле от места для лагеря, и Элспет вздохнула с облегчением. Давно она уже не преодолевала такие расстояния пешком. Она почувствовала странное ощущение в мыслях, похожее на зуд, который она не могла почесать. Где-то рядом колдовал маг, но это было какое-то слабое заклинание, словно долетевшее из далека. Элспет призвала собственное заклинание в ответ, одновременно усилившее ее, и метафорически отогнавшее прочь чужую магию, подобно тому, как кто-то отгоняет от себя назойливое насекомое.

Но все же, ей было не по себе, словно кто-то следил за ней. Бархатные занавески пошевелились, и она мельком заметила Никку, отодвигающуюся от окна.

Солнце уже садилось, когда караван остановился в укромной долине между двух высоких скал. Гиний проинструктировал погонщиков расставить повозки защитным кольцом, и его люди развели костер. Элспет предложила Гинию свою помощь, но он вежливо отказался. Когда пламя разожглось, Никка выпрыгнула из повозки. Ее внешность изменилась с того времени, как они покинули Акрос. Когда она садилась в повозку под присмотром отца, ее черные волосы были распущены по плечи, и она была одета в длинный плащ с капюшоном. Теперь же ее волосы были заплетены в кольца и зажаты дорогой на вид золотой заколкой. Она также сбросила свой плащ, несмотря на вечернюю прохладу. Каждый мужчина в лагере – а значит, все, кроме Элспет – повернулись в сторону юной девушки. Никка по кругу обошла цепь повозок, словно кого-то выискивая. Не найдя, что искала, она снова взобралась в свою повозку и захлопнула дверь.

Элспет разделила суп с остальными у костра, присматривая за повозкой господина Такиса, но никаких признаков девушки больше не проявилось. Когда солнце исчезло за горной грядой, она отнесла миску с супом к повозке, но когда отперла дверь, внутри никого не было. Никка, должно быть, вылезла через противоположное окно повозки. У Элспет сжалось сердце. Проход вдоль каравана с самого начала был отвлекающим маневром.

- Вы не видели Леди Такис? – спрашивала Элспет, обходя лагерь. Но всюду ответ был один и тот же. Люди мотали головой и отводили глаза в сторону. Элспет не знала, избегали ли они ее потому, что что-то знали, или потому что она была чужеродной. Элспет сделала все, чтобы скрыть свои отличия. Ее кожа была сильно загоревшей, и она даже поддерживала мелкие чары, чтобы ее глаза казались темнее. Но люди, казалось, инстинктивно не доверяли ей, чувствуя, что она была чужой. Она слышала, как один мужчина бормотал что-то о Сетессийках за ее спиной.

Наконец, после того, как Элспет несколько раз обошла весь лагерь, она подошла к Гинию. К этому времени было уже совсем темно, и Элспет наслушалась достаточно рассказов о кровожадных разбойниках и свирепых минотаврах, блуждавших в этих скалистых местах, чтобы начать опасаться за безопасность Никки. В отличие от остальных мужчин, Гиний, казалось, не испытывал сложностей с Элспет. Когда она подошла к нему и спросила о Леди Такис, он просто встал и прошел с ней к краю лагеря. Они прошли по короткой тропе к небольшой пещере у края скалы.

- Молодежь, - с насмешкой произнес он. Затем он поднял увесистый камень и швырнул его в пещеру. Послышался визг, а за ним панический шепот.

- Если он один из моих, его высекут, - заверил Гиний Элспет.

Но когда Никка и парень вышли из пещеры, мальчишка оказался сыном одного из Акросских купцов. Он был не на много старше Никки и выглядел так, словно готов был провалиться на месте. Гиний отвел его обратно в лагерь, пока Никка непокорно уставилась на Элспет.

- Ты хоть его знаешь? – спросила Элспет.

- Это здесь вообще при чем? – спросила Никка.

- Когда приедешь в Мелетиду, сможешь делать все, что захочешь, - сказала Элспет. – Но твой отец вверил тебя под мою ответственность, и до тех пор, тебе нужно оставаться в повозке.

- Или что? – спросила Никка.

Это был очень хороший вопрос. У Элспет было не много способов заставить девчонку вести себя как подобает. Элспет решила прибегнуть к угрозе. – Или я оставляю тебя здесь саму, и можешь молиться, чтобы тебя не тронули минотавры, - сказала Элспет. Она не была уверена, что это возымеет нужный эффект, но девушка нервно осмотрелась по сторонам.

- Ладно, - сказала Никка, подходя ближе к Элспет. – Ты меня убедила. Я останусь в повозке.

Поначалу Элспет решила, что резкая перемена была лишь уловкой, но Никка казалась искренне напуганной. Она прошла к каравану, без вопросов села в повозку и расстелила спальную подстилку. Элспет оставила дверь открытой и села с краю, свесив ноги, наблюдая за тем, как изменялась долина под мерцающими огнями Никса. Небесные образы богов и божественных созданий захватывали ее. Она не могла поверить, что подобное действо разыгрывалось каждую ночь. Не удивительно, что у жителей Тероса была столь крепкая вера – они видели своих богов в действии всякий раз, когда солнце пряталось за горизонтом.

- Ты знаешь легенду о Каллафе? – спросила Никка, вылезая из спальника и садясь рядом с Элспет. Элспет покачала головой. Никка казалась дружелюбной, словно желая поговорить. Эту девочку бросало из крайности в крайность.

- В Сетессе не рассказывают притчи? – спросила Никка.

Элспет мало знала о Сетессе, кроме того, что это был полис где-то в бескрайнем Нессийском Лесу. Она не понимала, почему все считали, что она была родом оттуда.

- Я не из Сетессы, - сказала она. – Кто такая Каллафа?

Никка указала на область в небе, где гибкий силуэт словно плыл меж звезд.

- Каллафа была величайшей мореплательницей всех времен, - сказала Никка. – Она ходила в море на корабле, который называла Муссон, и была первой смертной, расшифровавшей тайные схемы ветров. Тасса начала ревновать тому, что смертная смогла столь легко лавировать в ее владениях, и потому бросила вызов Каллафе устроить гонку вдоль водопада на краю мира.

- На краю мира есть водопад? – не думая, спросила Элспет.

Никка удивленно взглянула на Элспет. – Ты не знаешь этого? Откуда ты?

- Меня воспитали леонины, - сказала Элспет. Она думала, что это веселая шутка, но чувство юмора у нее всегда хромало, и Никка восприняла ее серьезно.

- О, это правда, что они едят детей? – спросила Никка.

- Эм, я никогда такого не видела, - сказала Элспет. Она понятия не имела, что леонины ели в этом мире. Она надеялась, что не человеческих детей. – Что там было дальше с мореплательницей?

- Если Каллафа выиграет гонку, то она сможет править океаном, и Тасса не станет ей мешать. Но если она проиграет, она больше не посмеет выйти в море. Гонка началась, и Каллафа на самом деле выигрывала в ней. Тасса выслала сирен, чтобы иссечь ее паруса, и все равно она удерживалась на краю мира и продолжала плыть. Тогда Тасса послала ветер, чтобы сдуть ее за водопад. Ни один корабль не мог спуститься по водопаду и выжить. Но Каллафа была слишком умной для Богини Моря. Мореплательница направила корабль через водопад. Но вместо того, чтобы разбиться и кануть в забвение, она переплыла прямо в Никс.

Никка указала на группу звезд высоко над ними. – Смотри, там виден ее корабль, - сказала она Элспет. – Ой, и еще Нилея чем-то взволнована.

- Откуда ты знаешь? – спросила Элспет.

- Это ее рысь, взгляни, как она движется. Она что-то ищет. Что-то плохое скоро произойдет.

- Ты можешь сказать, что именно? – спросила Элспет.

- Бета говорит, что Поликран сорвал оковы, - объяснила Никка. – Он говорит, что гидра разрушит Мелетиду, и раздавит меня насмерть, если я позволю тебе отвести меня туда.

- Бета твой друг? – спросила Элспет.

- Он любит меня, - резко возразила Никка, гнев снова вернулся в ее голос.

- Ладно, - сказала Элспет. Она не собиралась спорить с Никкой о природе любви. – Кто такой Поликран?

- Ну, Поликран это величайший гидра, который когда-либо ступал в мир смертных, - сказала она. – Меч Пирфора вызволил его из Никса, и он стал смертным по пути сюда.

- Что ж, если он смертен, и его можно убить, тогда беспокоиться не о чем, - сказала Элспет.

Никка поморщилась в сомнениях. – Ты мало знаешь о гидрах, верно? Нужно отрубить их головы все сразу, а у Поликрана их пятьдесят. Бета сказал, что потребовалось три бога, просто чтобы приковать его к земле.

- Может, Бета заблуждается, - сказала Элспет, наблюдая, как звездная рыв метнулась из поля зрения.

- Он, правда, любит меня, - сказала Никка.

- Надеюсь, мы говорим о парне, а не о гидре, - сказала Элспет, и Никка рассмеялась.

- Ты когда-нибудь была влюблена? – спросила Никка.

- Нет, - ответила Элспет.

- Почему? Ты молода и красива. Хотя, думаю, будучи воспитанной в лагере леонинов...

- Уже поздно, - сказала Элспет. – Может тебе стоит поспать?

- Да, я совсем утомилась, - сказала она.

Элспет наблюдала за Никсом, пока не убедилась, что девочка уснула. Краях небосвода действительно были подобны водопадам, о которых рассказывала Никка. Звезды каскадом струились вниз и лились незримыми потоками вдоль горизонта. На востоке, фигура человека в капюшоне низко склонилась, выискивая что-то в мире. Длинная полоса, похожая на кнут, хлестнула его из ниоткуда. Он не ранила его; вместо этого, он схватил ее и обвязал вокруг руки. На другой стороне ночного неба, звездный лев играл с львенком. Элспет чувствовала удовлетворение, наблюдая за сменой красок и светом звезд. Несмотря на прежние опасности, этот мир казался надежнее, ярче. Что могло опорочить и разрушить небеса? Уже засыпая, Элспет осознала, что молится Гелиоду. Прежде она каждую ночь молилась ангелам Банта, теперь же она благодарила Гелиода за еще один день без боли и горя. Были препятствия, но ничего такого, чего она не смогла бы преодолеть. Молитва казалась естественной, как дыхание. Она свернулась калачиком и представила Никс, подобный щиту вокруг мира, и богов, хранителей всего сущего – включая ее саму.

ГЛАВА 9

Гидра пробудился, и Нилея этого не почувствовала. Ей потребовалось предупреждение Дакса – смертного – о том, что Поликран проламывается сквозь ее собственный лес. Нечто ужасное происходило с миром, когда смертные видели то, что не могли видеть боги. Приняв облик огромного волка со звездной шерстью, Нилея неслась по следам разрушения, оставленным гидрой. Могучие лапы чудовища валили деревья с каждым шагом. Его яростное шипение ударными волнами расходилось сквозь густые заросли, обращая растительность в пыль. Оставленный без присмотра, гидра мог сравнять с землей весь Нессийский Лес.

Нилея любила свои уголья, каждый листочек и каждое живое существо своих владений, но у нее был беспокойный нрав. С тех давних пор, когда древнейшие из деревьев леса все еще были молодыми побегами, она ощущала тягу к неизведанному, желание исследовать, охотиться на существ, достойных умереть. В мире существовали тайные места и темные уголки, о существовании которых ее братья и сестры не желали и знать. Там, в бескрайних пещерах и пропастях, куда никогда не заглядывало солнце Гелиода, водились чудовища, чьи тени покрывали горы. Туда любила отправиться Нилея, чтобы попытаться свои силы против диких зверей, окутанных ночью.

Но она уходила надолго, пренебрегая собственным домом. И теперь гидра восстал и направлялся к побережью. Учитывая его инстинктивную ненависть к людям и их научным знаниям, Мелетида будет разрушена до основания свирепостью его гнева. Да и сам пантеон стоял вверх дном, благодаря Гелиоду и Пирфору, снова готовящимся к битве, в которой не могло быть победителя. Круфикс предупреждал, что все боги будут заточены в Никс, если их вражда зайдет слишком далеко.

Нилея почувствовала странную свежую рану на теле леса. Она прибыла к почерневшему кругу, выжженному в самой земле. Это увечье было нанесено не гидрой, но он здесь он тоже прошел. Нилея обернулась полевой мышью, чтобы пробежаться ближе к земле и рассмотреть комья обугленной почвы и залитого кровью песка. Затем она приняла облик сокола и взмыла над поляной, замечая каждый след копыта, ноги или лапы. Группа сатиров и людей веселились здесь у костра, но почему так далеко от Долины Скола, Нилея понять не могла.

Поначалу, когда лилось вино, и звучал радостный смех, гуляки танцевали, собираясь вокруг костра. Но потом, когда празднование стало кровавым и жестоким, следы разбредались во всех направлениях. Костер взорвался громадным залпом энергии. Она видела почерневшие следы тех, кто не успел выбежать из области взрыва, но тел не было. Вблизи котлована сырая земля превратилась в пепельный песок. На деревьях вокруг не было листьев, а голые ветви походили на обсидиановые обломки. Здесь произошло что-то противоестественное. Нилея вновь приняла облик волка и понеслась дальше по пути разрушительного путешествия гидры к Мелетиде.

Когда Богиня Охоты достигла вершины обрыва, она увидела Поликрана у дальнего края долины, и преисполнилась жалостью к этому великолепному существу. Он поступал лишь так, как знал. Нилея пыталась держать его в безопасности Никса, но Пирфор со своим его проклятым мечом разрушил тихое логово гидры среди звезд. И теперь что-то вновь потревожило его сон, и его вины в том не было. Страдание животных приводило Нилею в убийственную ярость. Она отыщет виновного и заставит его сполна почувствовать всю боль ее излюбленных зверушек. Но

гидра приближался к Хранителям Мелетиды, громадным статуям, охраняющих дороги, ведущие в полис. Если он достигнет их, то будет уже за пределами Нессийского Леса.

Нилея сбросила телесность и слилась с корнями, переплетавшимися в лесной почве. Сквозь корни, она устремилась через пространство, отделявшее ее от гидры. Она попыталась почувствовать Поликрана, коснуться троп его разума и позвать его домой, в лес, где он мог оставаться в безопасности. Но ее владения вдруг оказались слишком малы, она не могла отыскать его – не могла найти существо, возвышавшееся выше возведенным смертными статуей богов. Что-то отрезало его от нее. Что-то отрезало его от самого леса.

Нилея покинула корни и приняла излюбленный облик дриады. Ее сердце ныло от скорби по изувеченному лесу и несчастном гидре. Она не могла удержать эту беду в границах своих владений. Как бы горько ей ни было признать это, ей требовалась помощь Гелиода.

Святынище Богов был связующей точкой между Никсом и миром смертных, но лишь рожденные в Никсе могли использовать его для перехода между мирами. Богам не нужны были порталы, и они могли свободно перемещаться, куда бы ни пожелали. Смертные называли этот храм Никтос, но имя это было древнее любого из живущих людей. Произнося это имя, смертные не ведали, что обращались к божественному мастеру. Никтос был первым существом, рожденным в Никсе, созданным Круфиксом. Ему было поручено возвести алтари богов. Нилея смутно помнила его, подобно тому, как ребенок напоминает своего давно умершего дедушку.

Построенный на широчайшем плато высоко в горах, храм сам по себе представлял громадный полукруг на мраморном поле. Отсюда открывался беспрепятственный вид горизонта во всех направлениях. Хотя смертные считали, что все это место было естественным природным ландшафтом, именно Никтос возвел его в честь богов голыми руками. Святынище украшали статуи богов, чемпионов и оракулов. Здесь даже была статуя Нилеи. Она не любила собственные образы, вырезанные в камне, но об этом произведении искусства ей сказать было нечего. У каждого бога был мраморный алтарь в собственной нише, и однажды боги даже развязали войну из-за спора, чья ниша была большей. Нилея беззвучно прошла мимо алтаря Тассы, представлявшим собой фонтан, с искрящейся звездами водой. Статуя героя тритонов Тразия склонилась над водой, отражавшей блеск Никса.

Статуи и ниши местами осыпались под губительным прикосновением времени. Даже образ Гелиода был поврежден. Нилея приняла облик смертной женщины и остановилась перед громадной урной, установленной на алтаре. Из ее дна исходила колонна света, возвышаясь к небесам. Смертные поговаривали, что она касалась самого Никса. Смертные не знали, что Никтос был зеркальным образом другого храма в самом Никсе, отмечавшего вход в обитель богов. В том храме была еще одна урна, и колонна света соединялся с ней, несмотря на то, что не существовало прямых связующих линий между мирами.

- Гелиод, - позвала Нилея, - ты нужен.

Она хотела, чтобы Гелиод явился и сошел с ней на землю, но этого не произошло. Он заговорил с ней, но не удостоил ее присутствием. Она задумалась, чем таким важным он был занят, что не мог уделить ей своего драгоценного времени.

- Воистину ты моя возлюбленная из сестер, - произнес Гелиод. Он сказал это, несмотря на то, что знал, что лесть ничего не значила для Богини Охоты, проигнорировавшей комплимент.

- Я много раз стояла у того места, где спал гидра, чувствуя биение его сердца сквозь стебли травы, - сказала она брату. - Я могу ощутить гусениц с их коконах, дрожь олененка в тени, топот заячьих лап по земле. Как случилось, что я не могу говорить с одним из собственных детей?

- Мое зрение также сужается, - сказал Гелиод. - Пирфор не только грозит божественной обители, он разузнал способ ограничить наше зрение. Он сужает все наши владения.

- Что за оружие способно на это? - спросила Нилея. - Еще один меч?

- Загадка еще не решена, - ответил Гелиод.

- Дакс говорил о пустотах в его собственном зрении, - сказала Нилея. - Это беспокоит наших смертных так же, как и нас.

- Ни одному догу не позволено касаться чужого сосуда, - сказал Гелиод. - Если Пирфор тронул Дакса, то он попрам законы мироздания!

- Помни о предупреждении Круфикса, - сказала Нилея. - Если ваша вражда станет угрожать смертным, он объявит Безмолвие и заточит всех нас в Никс.

- Пирфор должен быть наказан! - сказал Гелиод.

- Прежде чем винить Пирфора, - сказала Нилея. - Ты пытался найти иную причину? Я видела нечто странное в Нессийском Лесу. Сатир устроил огненный ритуал. Он направляет гидру к Мелетиде.

- Сатиры находятся под твоим покровительством, - сказал Гелиод.

- Долина Скола под моим покровительством, - уточнила Нилея. - А не один единственный сатир, дразнящий моих животных.

- Вышли лазутчиков через собственные ветви, сестренка, - сказал Гелиод. - Нессийский Лес столь же беспокоен, как и воды Тассы.

- Что пробудило гидру? - спросила Нилея. - Когда я в последний раз была в его логове, он крепко спал.

- Сколько лет назад это было? - спросил Гелиод. - Ты пропадала в неведанных землях дольше, чем сама можешь припомнить.

- Лет? - Рассмеялась Нилея. - Ты стал так похож на людей, что меряешь время их величинами?

- А ты так любишь заигрывать с Даксом, что перестала присматривать за собственными детьми?

- Мне не интересны ваши жалкие дразги с Пирфором, до тех пор, пока мои звери не становятся игрушками в ваших дуэлях, - сказала Нилея.

- Если Пирфор уничтожит Никс, твой лес не выживет, - предупредил ее Гелиод. - Ни Сетесса, ни твои излюбленные зверушки. Возможно, тебе стоит беспокоиться об этом больше.

- Ты этого не знаешь, - возразила Нилея. Но, все же, страх того, что любая угроза могла нанести вред лесным жителям, проник в ее сердце.

Гелиод усмехнулся. - Ты лучше всех знаешь естественный порядок. Смертное и совершенное не могут сосуществовать в мире. И, как я сказал, наши миры превращаются в зыбкий песок.

- Гидра останется в моем лесу, - решительно сказала Нилея. - я позабочусь об этом.

- Что ты сделаешь? - спросил Гелиод.

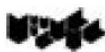
- Я навещу сатира, - сказала Нилея. - Я видела его следы. Он пришел из Сколы, чтобы распалить Поликрана. А после того, как оставил гидру, он воззвал к Пирфору.

Гелиод взорвался от гнева. - Ты говоришь мне искать иную причину. А *потом* открываешь, что сатир работает на Бога Кузницы. На этот раз я не позволю Круфиксу так мягко наказывать Пирфора, я заточу его собственноручно в кипящей смоле у трона Эреба!

Нилея была сыта разговором с Гелиодом. Она обернулась соколом, улетающая прочь.

- Если гидра достигнет Хранителей, он больше не будет под твоим покровительством, - выкрикнул Гелиод, и его голос был подобен штормовому ветру. – Мой чемпион не позволит ему уничтожить город.

- Не трогай моего гидру, - предупредила ветер Нилея, но Гелиод уже ее не слушал.

С пылающей в сердце яростью, Нилея подлетела к Долине Скола. За всем этим стоял выскочка Ксенаг со своими претензиями на величие. Она поняла это, как только увидела следы его бесчинства на выжженной поляне. Он был единственным из всех существ, с которыми она когда-либо сталкивалась, кто, казалось, вовсе не ценил круговорот жизни. Он вел себя так, будто ему было плевать на то, что он был всего лишь существом мира смертных, а она – божеством из звезд. Но хуже этого, она покровительствовала ему, как и всему живому в ее владениях. Она терпела сатиров и их шалости. Она позволила им независимо существовать в их уютной долине, где они не делали ничего, но лишь напивались до полусмерти.

Нилея желал удушить Ксенага голыми – человеческими – руками, но когда она направилась к импровизированному между деревьев входу в Сколу, магическая пелена, подобно стене, заблокировала ей проход. Мистическая защита была гораздо мощнее, чем можно было ожидать от ничтожного козлоногого сатира. Нилея обрела чудовищный образ, ее кожа словно покрылась корой, а руки будто превратились в стволы массивных деревьев. Она выросла до пятидесяти футов, и жизненные соки всего леса вскипели в ее жилах. Ее кожа пылала Никсом, когда ее господствующий облик возвысился над долиной. Внизу, под ней, сатиры в ужасе разбегались при виде нее, спотыкаясь и трусливо визжа. Одним ударом Нилея прорвала магический щит над долиной, теперь походившей на крошечную бороздку в земле под ее ногами. Покрытая травой земля задрожала и вскрылась, обнажая подземелье и черный промышленный дым.

Сквозь трещины в почве она увидела пещеры, которые Ксенаг превратил в кузницы на подобию горы Пирфора. Там были узники, прикованные цепями к земле, которые, также, замерли в ужасе. С поднятыми молотами они уставились в небо, наблюдая ошеломительное явление Нилеи. Птичий крик достиг слуха Богини Охоты. То был жалобный стон химеры, плененной и охваченной паникой. Нилея испустила потоки ползучих стеблей, чтобы отыскать источники стонаний, разорвать решетки, и выпустить животных на свободу. Все это было совершено за считанные секунды. Пока узники разбегались, раненная химера, рывками поднялась в небо. Одно ее крыло было вывернуто, но все же она смогла удержаться в воздухе. Ее тело было выполнено из божественной бронзы, и Нилея узнала в ней одно из творений Пирфора. Ей была противна металлическая конструкция существа, но она не могла винить брата в его прекрасной изобретательности. Наполовину ибис, наполовину олень, химера воспела хвалу Нилее и унеслась к Горе Велере.

Нилея вошла в долину, с грохотом опустившись на землю. Она вновь была человеческого роста, но все равно возвышалась над разбегающимися сатирами. Бездыханные тела были разбросаны повсюду, павшие жертвами ее гнева.

- Мне нравилась моя химера, - сказал Ксенаг. Он вышел из-за деревянного помоста, на котором стоял позолоченный трон.

Как только остробородый сатир вышел из укрытия, Нилея выхватила лук со спины и нацелила стрелу меж его глаз.

- Ксенаг! – Выкрикнула Нилея. – Что это за безумие?

- Почини мой пол, сестренка, - сказал он, указывая на дыру в земле, сквозь которую виднелась его кузница.

- Ты ничтожная свинья, - сказала она. – Я не сестра тебе. И что ты сотворил с моим гидрой?

- А с чего ты взяла, что он твой? – сказал Ксенаг. – Кто дал тебе права на его обладание?

Нилея чуть подправила прицел и выпустила стрелу. Вместо того, чтобы пробить его лоб, стрела вонзилась сатиру в грудь. По замыслу богини она не затронула сердце. Сила выстрела отбросила Ксенага на спину, но Нилея двигалась быстрее, чем он падал. Еще до того, как стрела завершила свой путь в его груди, богиня уже схватила его за горло и ударила затылком о землю. Прижав колено к груди сатира, она склонилась над ним. Нилея взялась за стрелу и провернула ее. Ксенаг вскричал от боли, чувствуя, как наконечник стрелы прорвала его плоть, подбираясь к сердцу.

- Я твоя богиня, а ты не более чем хныкающий ребенок, - прошипела она. – Может мне лучше вынуть твои глаза и скормить их крысам?

- Прошу, не надо! – Ахнул он. Он попытался сказать еще что-то, и Нилея наклонилась ближе, чтобы расслышать его мольбу.

- Только... не... крысам, - саркастично проговорил он, сплевывая кровь сквозь стиснутые зубы.

Она выпрямилась, оставив его валяться на земле. Нилея вызвала силовую волну через почву, которая швырнула его о каменную стену позади трона. Его кости треснули, но Ксенаг лишь ядовито ухмыльнулся. Его прямоугольные зрачки расширились, когда он протянул руку и схватился за стрелу Нилеи, все еще торчащую из его груди.

- Почему ты глумишься? – спросила Нилея. – Желаешь увидеть, как мой гнев обрушится на тебя с высот Никса?

- Чего ты хочешь, О, почтенная гостья? – спросил Ксенаг.

- Зачем ты мучаешь Поликрана? – спросила она. – Это ты пробудил его?

- Нет, что-то новое вошло в этот мир, - сказал Ксенаг. – И оно влечет его, как мотылька на свечку. Я лишь помог ему на его пути.

- Распалив его, ты поставил под угрозу жизни всех моих животных, - сказала Нилея. – Ты поставил под угрозу безопасность мира смертных.

Ксенаг разломил деревянную стрелу, оставив наконечник глубоко в груди. Он бессильно бросил оперенный обломок в сторону Богини Охоты. Тот упал в траву неподалеку от его копыт. Нилея чувствовала его нездоровое удовольствие, то, как он наслаждался болью и ее присутствием в его долине.

- Мне плевать на твоих животных, - сказал Ксенаг. – Скоро ты и все твои драгоценные детишки будете кланяться мне...

Нилея не утрудила себя очередным ударом. Вместо этого, она отозвала свое покровительство от Долины Скола. В это же мгновение, деревья растворились, трава пожухла, и растения истлели. Каменные стены, деревянный помост, и претензионный позолоченный трон обратились в пыль. Нилея преградила журчащий ручей стеной из стеблей. Она отозвала всех зверей, обитавших в долине, предложив им новые дома в своем лесу. Даже земляные черви уползли из иссушенной земли.

- ...королю всего сущего. – К тому времени, как Ксенаг закончил предложение, он стоял посреди пустоши.

Теперь она увидела в его глазах что-то другое. Не страх, не совсем, и точно не ненависть, но что-то более зловещее.

- Теперь ты король ничего, - тихо проговорила она. – Если ты сейчас же не прекратишь свои бесчинства, я собственными руками переброшу тебя через реку Эреба.

- Ах, вот в чем все дело, верно? – дерзко ответил он. Кровь сочилась из раны на его груди.
– Ты не можешь меня убить.

Нилея почувствовала, как нечто странное кольнулось в ее душе. – Что ты сказал?

- Ты не можешь тронуть меня, - сказал Ксенаг.

- Я только что тронула, и твои раны должны тебе помочь это запомнить, - сказала Нилея.

- Ты не касалась меня. Ты коснулась мира.

- Твои кости все равно переломаны, - ответила она.

- Боги не могут тронуть смертных, - сказал Ксенаг. – Вы не можете убить нас, как не можете убить друг друга.

- Ты глупец, если веришь в это. – Нилея озадачилась его самонадеянностью и отрицанием физических сил, которые только что обрушились на него.

- Вера... забавно, что ты использовала именно это слово, Королева, - сказал Ксенаг.

- Ты теперь никто. Ты ничтожнее возвращенных.

- Я собирался пригласить тебя остаться со мной, но теперь не приглашу, - сказал Ксенаг. –

Веселье только начинается.

Нилея ретировалась, утратив интерес в бессмысленной перепалке с этим изгоем. Она превратилась в пыльцу с лепестков подсолнуха. Когда она взмыла в воздух, страх за ее любимого гидру и ужас перед угрозами Круфикса поглотили ее. Из-за пустот с ее божественном зрении, созданных празднествами Ксенага, она не могла почувствовать, как он начал восстанавливать долину, перестраивать трон, и чинить защитное заклинание в своем особенном небе. Позднее, когда Нилея неслась со своей рысью через пшеничные поля к Хранителям, она не чувствовала массивных мановых волн, расходящихся из его кузницы, укрытых могущественными заклинаниями, которые он вновь сплел вокруг своей долины. Но, несмотря на его скрытность, его буйные ритуалы вымыли еще больше звезд из основания мира. Трещины в мироздании расширились, и вселенская пыль смешивалась и вытекала из разломов, подобно струйке песка.

ГЛАВА 10

К полудню второго дня караван настолько приблизился к морю, что Элспет уже чувствовала в воздухе запах соли. Несмотря на дружеские отношения прошлой ночи, Никка вернулась в свое прежнее замкнутое состояние. На рассвете, когда караван уже собирался трогаться со стоянки, Никка спросила у Элспет разрешение, пройти вдоль повозок, чтобы поговорить с Бетой. Но когда она вернулась спустя пару минут, ее глаза были красными от слез. Все время, пока караван выезжал из предгорья в луговые низины, она оставалась в своей повозке с запертой дверью и плотно задернутыми занавесками.

Но к полудню она выбралась на воздух и прошла рядом с Элспет. Горы удалялись за их спинами. Теперь они ехали сквозь луга с пышными травами и старыми деревьями. С вершины каждого холма Элспет видела морскую синеву, искрящуюся на горизонте.

- Гиний говорит, мы уже близко, - сказала Элспет. – Прибудем в Мелетиду до темноты.

Никка пожала плечами.

- Ты в порядке? – спросила Элспет.

- Ненавижу его, - сказала Никка, указывая в сторону повозок, где ехал Бета. Элспет не знала, что сказать. И прежде, чем она смогла подобрать слова, погонщики прокричали об остановке каравана у ручья в тенистой роще. Элспет вошла в повозку за сумкой для сухого провианта для полуденной трапезы. Когда она выбралась наружу, Никка уже перешла дорогу, направляясь к деревьям. Элспет отложила еду и прошла за своей подопечной. Она была рада, что море было уже близко, и как только они сядут на корабль, Никка уже не сможет никуда убрести.

Никка склонилась перед невысокой башенкой из поросших мхом камней. Она подняла ветку и начертила на земле знак.

- Что это? – спросила Элспет.

- Думаю, это алтарь Нилеи, - ответила Никка. – Ты когда-нибудь видела Великую Охотницу?

- Только на мозаике, - сказала Элспет. – И помни, твой отец не хочет, чтобы ты молилась у алтарей.

- Нилея так сильна, - проговорила Никка. – Дома все мои друзья хотели делать ей подношения и получать ее благословение, но она не любит города и алтари.

- Тогда зачем ей этот алтарь? – спросила Элспет.

Никка резко встала и взглянула на кроны деревьев. Элспет тоже подняла голову, высматривая, что могло привлечь внимание девушки. По ту сторону дороги, три огромных черных вороны сидели на тонкой ветке старого дерева, уставившись прямо на них. Никка нахмурилась и попятилась назад, подняв руки, словно сдаваясь. Разум Элспет затуманился, словно она не могла что-то вспомнить.

Перед глазами у нее все плыло – или это лес скользнул в сторону? Элспет чувствовала себя безумно уставшей и сбитой с толку. Должно быть, она плохо выпалась на твердом полу повозки. Словно в бреду она наблюдала, как Никка пятилась назад, переводя взгляд с Элспет на воронов и обратно. Элспет вдруг осознала, что она сидит на земле, зарывшись руками в мягкий дерн. Почему она здесь? И где Никка? Трава выглядела слишком притягательной и Элспет решила, что ей стоит ненадолго прилечь. Сквозь деревья она видела, как Гиний и его люди также сонно

опустились на землю там, где стояли. Даже лошади склонили головы, едва не касаясь ноздрями травы.

- Ты устала? – спросила Никка. Ее голос звучал словно издалека.

- да, - пробормотала Элспет. – Думаю, мне нужно отдохнуть пару секунд.

Когда голова Элспет коснулась земли, Никка резко развернулась. Бета вышел из-за повозки, взял Никку за руку, и они вместе бросились в рощу. В глубине сознания Элспет понимала, что должна бороться с приступом сонливости. Она также осознавала, что Никка была магом, но все ее мысли были задушены магией сна. Господин Такис предупреждал ее, что его дочь была хитра, но уложить спать весь караван? Для этого потребовалось бы умение опытного заклинателя. Она солгала о ссоре с Бетой, лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза Элспет?

Словно в замедленном движении, Элспет пыталась вспомнить заклинание, чтобы остаться в сознании... но последнее, что она запомнила, была группа людей в черных капюшонах и плащах, несущихся по дороге к повозкам. В руках каждого из них был скрученный кнут, покрытый бронзой. Они быстро осмотрели спящие тела на дороге и поспешили в рощу, в том же направлении, куда убежали Никка с Бетой. Элспет было не видно за густыми кустами, и люди в плащах не бросили ни единого взгляда в ее сторону. Затем она погрузилась в глубокий сон без снов.

В следующее мгновение она почувствовала всплеск холодной воды на своем лице. Заплаканная Никка держала пустую флягу. Ее белое платье было вымазано кровью.

- Они убили Бету, - сквозь слезы выговорила Никка, выронив флягу из рук. – Слуги Эреба зарезали его.

Элспет села. Ей казалось, что ее сознание было густо покрыто паутиной. Ее пальцы были холодными и затекшими, но она смогла все же поднять клинок, лежащий в траве рядом с ней.

- Ты меня усыпила? – попыталась сказать Элспет, но ее язык был тяжелым, как камень.

- Да, прости, прости, - всхлипывала Никка.

- Кто убил Бету? – спросила Элспет.

Никка вскрикнула от паники и втащила Элспет на ноги. Девушка оказалась на удивление сильной.

- Нам нужно бежать, - кричала она. – Они возвращаются.

Воздух был сырым и зловонным, и солнце уже не светило сквозь ветви деревьев. Никка поддерживала Элспет на пути к каравану. На дороге Гиний поднялся на ноги, устало потирая виски. Несколько его людей также начинали приходить в сознание.

- Эреб жаждет оракулов, - сказала Никка Элспет. – Он хочет обладать ими и похищает в свое Подземное Царство. А гарпии нас видели. Они рассказали ему, куда мы направлялись.

- Среди нас есть оракул? – глупо спросила Элспет. Гиний ковылял к ним.

- Ты тупая? – раздраженно вскричала Никка. Холодный ветер подул из рощи, трепля навесы над повозками каравана. Бархатные занавески повозки Такиса металась во все стороны.

- Значит, есть? – еще раз спросила Элспет.

- Зачем, по-твоему, я еду в академию? – спросила Никка.

- Ты оракул? – спросила Элспет. Она устало оперлась о клинок, как о посох.

Гиний закричал, указывая на дорогу. На них надвигалась темная тень, окутанная туманом. Элспет не могла разобрать, что это было, но тень сопровождали резкие звуки, походившие на скрежет зубов. Непередаваемый ужас окатил всех, кто услышал эти звуки. Страх пронзил Элспет, вырвав ее из оков сна.

- Мне нужно увести ее отсюда, - сказала Элспет Гинию. – Что-то преследует ее.

- Бегите к берегу, - сказал Гиний, указывая на дорогу. – Там ждут корабли.

- Люди Эреба смогут гнаться за нами по воде? – спросила Элспет, не рассчитывая на ответ.

- Без благословения Тассы, нет, - сказал Гиний. Он махнул двум проснувшимся погонщикам, в ужасе уставившимся на надвигающуюся тьму. – Идите с ними, и помогите им добраться до Мелетиды.

- А ты? – спросила Элспет.

- Я не могу бросить караван, - сказал Гиний, обнажая оружие. – Уходите!

Все четверо бросились по Дороге Великой Реки в сторону океана. К тому времени, как они выбежали из роши, небо заволокли темные клубы серебристых туч. Элспет набегу озиралась назад. Она ожидала увидеть врагов, гонящихся за ними, но дорога была зловеще беззвучна. До берега было меньше мили, но Элспет чувствовала, что ее легкие вот-вот лопнут, когда они, наконец, добрались до воды. Два крупных корабля ожидали их в гавани, и маленькая лодка для посадки была вытащена на песок. Большие суда казались пустыми, словно корабли-призраки, колыхающиеся на волнах.

- Берем лодку! – Выкрикнул молодой конюх. У него были темные, вьющиеся волосы и круглое лицо, и его голос звучал более властно, чем он выглядел. – Нас слишком мало для управления большими кораблями.

Они столкнули лодку на сверкающую воду и влезли в нее под последними лучами солнца, пробивающимися из-под быстро клубящихся туч. В лодке было всего две пары весел, юноши схватили их и принялись грести. Они явно ориентировались в мореходстве, поэтому Никка и Элспет сели у носа, чтобы им не мешать. Юноши отплыли на пару сотен футов от берега, и направили лодку вдоль берега. Темные силуэты кружили в воде под ними, неотступно следуя за лодкой.

- Это кто? – спросила Элспет, вглядываясь в воду.

- Тритоны Тассы, - ответил второй юноша, блеснув серо-голубыми глазами. Он выглядел чуть старше своего напарника. – Они наблюдают и докладывают ей обо всех, кто желает пройти по ее владениям.

- Мы в течение часа прибудем в Гавань Мелетиды, - заверил их кудрявый юноша. – Думаю, мы в безопасности. За нами никто не плывет. Вы не ранены, Леди Такис?

Никка не ответила. Она не сводила глаз с грозовых туч на горизонте.

- Ты не ранена? – спросила Элспет. Никка едва уловимо покачала головой. Слезы текли по ее щекам. Девушка понимала, что из-за нее убили Бету, а, может, и других людей у каравана, но Элспет не собиралась допрашивать ее о подробностях. Во всяком случае, не сейчас.

- Она в порядке, - заверила Элспет юношу, хоть это и было далеко от правды.

Тритоны плыли за ними на безопасном расстоянии, ветер усилился, и морская гладь с каждой минутой становилась все более беспокойной. Наконец, на горизонте со стороны берега показались две громадные статуи.

- Это Мелетида? – крикнула Элспет юношам. – Что это за статуи?

- Это два Хранителя, - сказал сероглазый парень. – Памятники великим героям, защищающие Мелетиду с востока и запада.

- А Мелетида сразу за ними? – спросила Элспет.

- Не совсем, они стоят у устья реки, - пояснил юноша. – Нам придется проплыть Плато Четырех Ветров. Оттуда рукой подать до морских ворот города.

- Почему нет ветра? – перебила их Никка.

Молодой человек взглянул вверх, в темнеющие небеса над их головами. Темные тучи походили на башню клубящейся тьмы, способной скрывать в своих недрах что угодно. Элспет только теперь поняла, как мало она знала о существах, властвующих над этим миром.

- Что-то не так, - пробормотал юноша. Он перегнулся через край лодки, окунул палец в стоячую воду, и принялся молиться Тассе.

- Думаю, Тасса слушает, - прошептала Никка Элспет. – Но не его.

- Что это значит? – спросила Элспет.

- Ветер стих, чтобы Тасса смогла услышать слова Эреба, - сказала Никка. – Он сказал ей, где нас искать.

Элспет похолодела от страха. – Какое ей дело? Она тоже охотится на оракулов?

- Нет, - сказала Никка. – Не думаю, что ей нужна я. Теперь дело уже не во мне.

Никка повернулась на своей скамье и указала на юго-запад, в бескрайние просторы океана. Гигантская стена волны поднялась на горизонте. Юноши повернули головы и также увидели ее. Они налегли на весла, выкрикивая команды друг другу, бешено гребя к берегу.

- Из-за чего все это? – крикнула Элспет.

Ника протянула руку и взяла ладонь Элспет в свои мокрые пальцы. – Из-за тебя.

Несмотря на все еще далекое расстояние, волна неслась сквозь морскую гладь. С такой скоростью, она совсем скоро накроет их лодку. Добраться до берега у них не было ни малейшего шанса. Элспет отчаянно думала, какое заклинание могло спасти их от потопления.

- Я могу помочь, - сказала Никка, все еще сжимая руку Элспет.

Спокойная вода поднялась у бортов судна, приняв форму лошадиных голов, белая пена взбурлила у их груди. Водяные кони подняли лодку на спины и понесли к берегу быстрее скорости гигантской волны. Они с грохотом обрушились на сушу, забросив лодку на скалистый уступ высоко над песчаным пляжем. Элементали вновь обернулись простой водой и стекли в океан, оставив лодку в пятидесяти футах над морской гладью.

Юноши с радостными криками выпрыгнули за борт. Кудрявый парень вознес руки к небу и прокричал, - Благодарю тебя, милостивый спаситель!

Элспет помогла Никке выбраться из лодки. Девушка дрожала от изнеможения. – Он должен благодарить тебя, - тихо произнесла Элспет.

- Нет, ничего не говори, - сказала Никка. – Я не хочу, чтобы кто-то об этом знал.

Элспет кивнула. Не многие понимали это утверждение лучше нее. Она окинула взором океан. Титаническая волна все еще неслась к берегу, набирая силу, высоту и скорость. Тасса не собиралась останавливаться лишь потому, что они добрались до суши.

- Это расплата за то, что я сделала на поляне? – спросила Никка, но Элспет была слишком заморожена видом растущей волны, чтобы ответить. Казалось, весь океан собрался затопить мир.

- Мы достаточно высоко? – спросила Элспет.

- Я настроила Тассу против себя, - с горечью произнесла Никка. – И всех остальных богов, громче остальных я всегда слышала ее голос.

Элспет осмотрела ландшафт за их спинами. Лодка покоилась на широком уступе, на полпути к вершине скалистого склона, за твердую почву которого цеплялась парочка низких деревьев. Над вершиной склона виднелись каменные мечи Хранителей. Если статуи были по ту сторону склона, то они были не так далеко от Мелетиды.

- Пошли, надо подниматься выше, - подгоняла Элспет юношей, стоящих на краю обрыва, пораженные невиданным зрелищем.

- Тасса не сможет достать нас здесь, - сказал кудрявый парень.

Элспет не была в этом уверена. Она схватила Никку под локоть, и они вместе принялись карабкаться вверх по склону. Они почти добрались до вершины, когда волна обрушилась на берег. Она ударила в обрыв под ногами юношей, но затем, вопреки естественным законам, поползла вверх. Она накрыла парней, стаскивая их вниз. Вода подступала к Элспет и Никке. Гребень волны принял форму хватающих рук, тянущихся к ним, желая поглотить их в пучине океана.

- Выше! – Кричала Элспет. Они цеплялись за острые камни, оглушенные ревом волн, хлещущих их по ногам. Элспет чувствовала, как водные пальцы цепляются за нее, и вытолкнула Никку выше перед собой. Девушке удалось вырваться из воды и влезть на ствол сухого дерева, чьи корни едва цеплялись за скалистый склон. Никка протянула руку, пытаясь ухватить Элспет.

- Дай руку! – кричала Никка. Неожиданно, глаза девушки закатились, и она заговорила чужим, божественным голосом. – Я Тасса, а ты воровка. Я забираю твой клинок именем Бога Кузницы. Я забираю твою жизнь собственным именем.

- Борись с ней! – крикнула Элспет девушке. – Ты Никка. Никем не забранная! Никому не обязанная, кроме себя самой!

Элспет вонзила свой меч-копье меж корней дерева и вцепилась в него под ударами волн океана. Ей казалось, будто ее растягивают на дыбе. Боль притупляла ее разум, но она отчаянно призвала заклинание, чтобы освободить Никку. Но девушка не была подвержена контролирующей магии. Тасса использовала ее в качестве своих уст, а не марионетки. Словно рукой, срывающей паутину, Элспет умело смела чары с разума девушки. Глаза Никки вернулись в свое, обычное состояние, и она злобно взглянула на море. Вода отступила, и Элспет вползла на дерево к Никке, и высвободила клинок из мокрых корней. Серый дождь закрапел вокруг них. Никка протянула руку, чтобы словить его капли, и они обе увидели, что это был вовсе не дождь. Это был пепел, тонкий, как пудра. Звук отдаленного взрыва сотряс склон под ними.

- Они погибли? – всхлипнула Никка. Спокойные волны вновь ласкали берег под ними, подтверждая непостижимость силы природы. Юношей из каравана нигде не было видно.

- Мы почти на вершине, - сказала Элспет. – Давай доберемся до города.

ГЛАВА 11

Плато Четырех Ветров было привыкшим к уничтожению. С ровного, белого плоскогорья открывался вид на Мелетиду и море, и оно было сценой бесчисленных сражений на протяжении многих веков. Архонты Тракса встретили свой конец на этом поле боя. Легионы мертвых уничтожены, и Титаны некогда молили здесь о пощаде. Божественный Мастер Никтос был убит здесь. Столько людей истекли кровью и умерли на этой самой земле, что боги сделали ее священной. Они объявили это плато *теменом*, священной землей, отделенной от остального мира смертных. Здесь запрещено было что-либо строить, и лишь ветрам было позволено называть это место своим домом. Даже Хранители, каменные воины, охранявшие материковые подступы к городу, были возведены за пределами плато.

Дакс с небольшим отрядом Мелетийских солдат выехали из Прибрежных Врат и пришпорили лошадей в сторону плато. Во всем Теросе было беспокойно. Моря вскипали, и дым струился из горных вершин. Воздух задыхался от знамений и ярости богов. Дакс жаждал чистого неба и тишины, как слепой жаждал прозрения. Никто из его компаньонов не видел ни бурных энергий, вздымавшихся с земли, ни звездных струй, стекавших из трещин в Никсе, ни назревающую войну богов. Дакс пытался отрешиться от пелены шума, чтобы почувствовать Нилею, но нигде не мог отыскать ее присутствия. Даже на огромном расстоянии она вселяла ему ощущение безопасности, чего нельзя было сказать о Гелиоде. Бог Солнца ожидал сочувствия от Дакса, а не наоборот.

Когда они поднялись по дороге на плато, Река Мелетида вспенилась под ними. Вода потекла в обратную сторону, наперекор обычному течению. Словно море впитывало ее в себя. Стелан пришпорил коня и подъехал ближе к Даксу. Дакса мучало чувство вины всякий раз, когда видел своего друга, но он напомнил себе, чтобы были такие дни, как сегодня, оправдывавшие его действия. Мир достиг переломной точки, и Гелиоду нужны были такие люди, как Стелан.

- Что происходит? – спросил Стелан.

- Тасса готовит вторую волну для наводнения земли, - сказал Дакс.

Только они достигли вершины уклона и выехали на Плато Четырех Ветров, как вершина Горы Велеры взорвалась ослепительным пламенем. Клубы серого дыма вырвались наружу, и пепел устремился в небеса. Огненные струи растеклись по горизонту, пока восточное небо не залилось адским пламенем.

- О, великий Гелиод, защити нас, - проговорил Стелан в ужасе от увиденного. – Это не дело рук Тассы.

- Нет, Пирфор нападает на Гелиода, - сказал Дакс. Его люди спешили при виде огня. Они приготовились к битве, хотя, как они собирались сражаться с силами природы, Дакс не знал. Солдаты выстроились защитным строем, когда вторая эпичная волна показалась над океаном.

- Где Гелиод? – выкрикнул Стелан. И все солдаты, кроме Дакса рухнули на колени с криками о спасении и призывах к их богу. Дакс присел и опустил пальцы на гладкую поверхность плато. Он позволил материальному миру растаять и сфокусировался на хитросплетениях обители богов. Его божественные чувства вспыхнули в его разуме, и на мгновение он объял всю полноту пантеона.

Гелиод обернулся туманом над морем. Дабы покарать Тассу за нападение на его чемпиона, он вонзил жар солнца глубоко в ее волны. Поверхность нагрелась, пока вся рыба не

погибла, а более крупные создания не уплыли глубже, в поисках спасения от гнева Бога Солнца. Тасса вскричала от ярости, и ее волны выросли еще выше. Гелиод вспыхнул ярче, и теперь погибли все дельфины на средних глубинах океана. Тритоны сбежали во тьму глубин, где первобытные чудовища почувствовали награв воды и начали ворочаться, пробуждаясь от сна.

Даже те боги, которые не приняли чью-либо сторону в развивающемся конфликте между Гелиодом и Пирфором почувствовали опасность ситуации. Наводнение Тассы угрожало Сетессе, поэтому Караметра ответила ей яростью львицы, защищающей потомство. Керан распалил жуткую бурю в поддержку своей излюбленной сестры, Тассы, и молнии снова и снова поражали Мелетиду. Эреб чувствовал, что скоро в Подземное Царство войдет много мертвых, и выслал своих слуг засвидетельствовать кровавую бойню. Лишь Нилея не участвовала в этом спектакле разрушения.

Вес видения едва не раздавил Дакса, и он сбежал обратно, в мир смертных. Боги утратили всякое благоразумие. Материальный мир стал для них лишь средством для достижения их целей в борьбе за первенство и главенство. Что стояло между ними и безвременной кончиной цивилизации? Дакс с усилием поднялся на ноги под натиском апокалиптических ветров, бушующих вокруг него. Он чувствовал прилив надежды. Возможно, сегодня он будет освобожден.

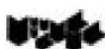

За мгновения до того, как волна обрушилась на берег, и огненная буря достигла Мелетиды, Элспет и Никка взобрались на плато. Как только Элспет ступила на священную землю, ее измененное оружие вспыхнуло божественным светом. Элспет увидела небольшой отряд солдат, стоящих на коленях у дальнего края открытого пространства. Небеса являли собой ужасающий гобелен из клубящихся туч, облаков пепла, и огня. Она взглянула на Мелетиду в отдалении, ветры и молнии хлестали ее стены и крыши домов. По сравнению с божественным гневом вокруг него, город походил на муравья, которого вот-вот раздавят.

Ступай в Мелетиду. Ступай сейчас же.

Зачем? Думала Элспет. Чтобы засвидетельствовать его уничтожение?

Не было ни заклинания, ни спасения, которое она могла бы предложить этому миру. Все пошло прахом. Она медленно повернулась по кругу, созерцая панораму разрушения, и меч-копье выскользнуло из ее пальцев и упало на землю.

В своем храме на краю мира Круфикс услышал падение божественного клинка из рук Элспет. Как только оружие коснулось земли, оно возвестило о гибели тысяч душ, и Круфикс не мог этого допустить. Он предостерегал Гелиода и Пирфора не угрожать существованию смертных. Теперь он обязан был вмешаться.

Круфикс сделал глубокий вдох. Время словно замедлилось, и боги во всей красе увидели полное разрушение, грозящее обрушиться на мир смертных. В эти замедленные минуты Круфикс заговорил с его братьями и сестрами.

- Я предупреждал вас о подобном безумии. – Его обращение заполнило разум каждого бога, и слова его были подобны песчинками, осыпающимся в песочных часах. Размеренные. Неотвратимые. Неоспоримые.

- Мир слишком ценен, чтобы быть уничтоженным. Я объявляю Безмолвие. Я вплетаю вас обратно в ткань Никса.

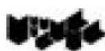
Лишь Нилея ответила ему. Она зашумела своим лесом, подобно землетрясению, пытаясь привлечь внимание древнейшего из богов.

- Нет, Круфикс! – предупредила она. – Мир смертных поражен смертным врагом. Он угрожает самому пантеону! Если ты сотрешь нас из мира, ничто не удержит его.

Но Круфикс не прислушался к ее предупреждению. Наводнение, адское пламя, и обжигающий гнев Гелиода были оружием богов, неспособных мыслить в мелком масштабе, чтобы осознать степень опустошения. Круфикс ценил все и каждую форму жизни, которым сейчас угрожала битва богов – их боль и скорбь станут его тяжким грузом, куда будет существовать само время. Как и много веков назад, Круфикс вырезал имена богов на своем древе. Своей властью он созвал богов в Никсе. Они были извлечены из смертных, более не способные вмешиваться в дела людей. Их наказанием было прекращение битвы и созерцание основ мироздания. Лишь Нилея подала голос, и она закричала, пытаясь остановить Бога Горизонтов.

- Нет! Смертные пропадут без нашего покровительства. Им придется столкнуться с их врагом в одиночку! – Она металась у края моря, подобно загнанному животному.

Но, несмотря на ее предупреждения, имя каждого бога было выжжено на стволе дерева на краю мира. Разрушительные силы испарились из мира смертных прежде, чем их кровавый потенциал был реализован. Пламя Пирфора погасло. Море Тассы успокоилось, и бури Керана стихли. Солнце вернулось на свое место высоко в небе. По воле Круфикса Нилея против собственного желания присоединилась к своим братьям и сестрам в Никсе. Безмолвие поглотило весь мир, и смертные всей душой ощутили абсолютное отсутствие своих богов. И в самом сердце своей разрушенной долины Ксенаг улыбался. Он встал и потянулся, словно лев, пробужденный ото сна и готовый к ночной охоте. Он сделал жест издевательского уважения Круфиксу, который только что расчистил дорогу ему, Королю Чужеземцу, для того, чтобы, наконец, завершить задуманное.

На Плато Четырех Ветров развеялось адское пламя и бури растворились в чистых небесах. Дакс услышал крики чаек и почувствовал дыхание безмятежного летнего ветра. Словно железные оковы были сняты с его мозга и чугунные плиты пали с его плеч. Он чувствовал себя так, словно мог спрыгнуть за край и взлететь, подобно птице над благодатной землей. Он широко развел руки, взглянув в небеса, и озарился улыбкой чистой радости.

Стелан схватил его за руку. – Что случилось?

- Боги ушли в Никс, - сказал он своему другу. – Я больше не слышу их!

Воздух, словно, стал легче, будто мир уже не был столь пропитан магией. Стелан и другие солдаты ликовали и радовались чудесному спасению своего города.

Две женщины осторожно приблизились к ним со стороны плато. Солдаты прекратили ликование, наблюдая за приближением двух, появившихся ниоткуда, незнакомок. Одна была одета, как Акроссийка, а другая была облачена в странные походные одежды, но обе они были равно испачканными и покрытыми грязью. Дакс приветствовал с широкой улыбкой. Он резко остановился, увидев божественное меч-копье Гелиода, и улыбка исчезла с его лица. В ответ на эту смену настроения, женщина оборонительно подняла оружие. Метелийские солдаты подняли свои сариссы в ответ и приготовились к нападению.

Дакс был поражен видом женщины, держащей в руках клинок Гелиода. Он узнал бы ее и без оружия. Он помнил цвет ее волос, овал лица, неуловимую потусторонность, невидимую ни для кого больше. Это была та сломленная девочка, доросшая до звания чемпиона Гелиода. Это

была незнакомка, которую Гелиод приказал ему убить, если все пойдет не по плану. Что ж, Гелиод мог теперь покарать его из своих новых покоев в Никсе, если подобное было возможно. Дакс никогда бы не тронул эту женщину. Он широко развел руки, словно желая обнять ее.

- Я знаю тебя, - сказал он, коснувшись стеклянного амулета на своей шее, и она, словно, вспомнила его тоже. – Ты вывела мен на ту гору.

Прежде чем женщина смогла ответить, оглушительный грохот сотряс землю под их ногами. Душераздирающий рев разнесся по всему плато.

Поликран явился.

ГЛАВА 12

Гидра обрушился на плато, и солдаты отпрянули в ужасе. Не менее сорока футов в длину и двадцати в высоту лишь до плеч, Поликран соперничал с самыми жуткими монстрами, когда-либо встречавшимися Элспет в любых мирах. Она насчитала, по крайней мере, с десяток громадных голов с яркими гребнями. Длинные шеи и черные глаза двигались в точном соответствии с четырьмя колоссальными лапами. Его длинный тяжелый хвост резкими рывками размахивал по сторонам, словно подталкивая его вперед. С каждым шагом его когтистых ступней, почва разжижалась, а затем вновь затвердевала, оставляя перманентные отпечатки на каменной поверхности плато.

Поликран пронзил людей взглядом всех своих глаз, и все десять голов взревели одновременно. Солдаты зажали уши, пытаясь унять физическую боль от этого звука. Струйка крови стекла из уха Дакса по шее, а Элспет утратила ориентацию, пока рев не стих. Несколько лошадей метнулись в сторону города, а солдаты выглядели так, словно готовы были броситься за ними следом.

- Всем оставаться на местах! – Выкрикнул Дакс. – Вы единственные, кто стоит между этим чудовищем и вашими возлюбленными!

- Как далеко город? – спешно спросила Дакса Элспет.

- Несколько минут по Дороге Хранителей, - сказал Дакс.

- Никка, возьми лошадь и предупреди городскую стражу, - сказала Элспет. – Ты сможешь найти дорогу?

- Я знаю куда ехать, - сказала Никка. – Но я могу помочь вам в сражении!

Девчонка несомненно была сильным магом, но Элспет не могла позволить себе отвлекаться на ее защиту, одновременно сражаясь с чудовищем.

- Предупреди город, - сказала Элспет. – Скажи им, что нам нужна помощь.

Никка кивнула, соглашаясь, и один из солдат придержал лошадь, пока Никка взобралась в седло.

- Скоро увидимся, - выкрикнула Элспет, когда Никка схватила поводья и развернула коня. Она впилась пятками в его бока, и скакун понесся в Мелетиду.

- Стройся! – Выкрикнул Дакс своим бойцам.

Солдаты выстроились в прямоугольный строй с поднятыми щитами перед собой и копьями, выставленными к приближающемуся гидре. Лишь Дакс и Элспет остались стоять без защиты в стороне.

- По крайней мере, у него не пятьдесят голов, - пробормотала Элспет.

- В небе было пятьдесят, - пояснил Дакс. – Но никто не может сохранить могущество Никса в мире смертных.

- Это правда, что нужно отрубить все головы сразу, чтобы они не отрасли вновь? – спросила Элспет.

- Так мы убиваем гидр в мире смертных, - сказал Дакс.

- А что нужно, чтобы убить его в Никсе? – спросила она.

- Никто не пробовал, - сказал Дакс. – Нилея бы убила любого за одно лишь намерение.

Приблизившись к центру плато, гидра бросился вперед с неожиданным ускорением. Солдаты в фаланге разбежались от его натиска. Дакс прокричал им оставаться на местах, но

собраться вновь они уже не смогли. Вместо этого, солдаты нападали хаотично со всех флангов в никем не координированной атаке. Элспет уклонилась от головы, метнувшейся в ее сторону. Черная пена стекала с клыков, и она почувствовала резкий кислотный запах, наполнивший воздух. Рядом с ней одного из солдат схватила другая голова. Его кости громко хрустнули, и массивные челюсти отшвырнули его тело в сторону. Оно взмыло в воздух и с влажным шлепком рухнуло неподалеку.

Голова над Элспет бросилась к ней снова, и она взмахнула копьем под пастью чудовища, отрезав голову с извивающейся шеи. Тут же, комки из плоти вылезли из багрового обрубка, и две новые головы появились на месте одной, отрезанной. Элспет была вынуждена отступить, чтобы не стать добычей созданных ею двух голов.

Она потеряла Дакса из вида, но еще один солдат бросился к гидре. Элспет проследовала за ним.

- Режьте тело, - выкрикнула она. Она отскочила в сторону, обогнув извивающуюся шею, и глубоко всадила острие копья гидре в бок. Кожа чудовища затянулась раньше, чем она успела вынуть клинок из раны. Она ранила гидру снова, выдернув оружие, но снова, порез затянулся мгновенно.

Она повернулась к своему напарнику, но тот закричал, когда гидра поднял свою массивную лапу и раздавил его о древние камни. Элспет отступила за пределы досягаемости голов гидры и попыталась объединиться с другими солдатами, но лишь единицы из них остались в живых. Дакс сражался с одной из голов чудовища, у разбросанных тел своих соратников, истекавших кровью, или раздавленных. Им отчаянно не хватало бойцов.

Элспет взмахнула клинком ритуальным способом, которому она обучилась, будучи Рыцарем Банта. Сконцентрировав заклинание на оружии, она призвала на помощь дюжину солдат. Дакс попятился назад от неожиданности, заметив появление незнакомцев. Они были вооружены длинными копьями, поскольку Элспет задумала для них особое задание. Она наделила их сверхчеловеческой силой. Все они были мощнее любого из живущих людей – они были эталоном боевого искусства и преданности.

- Протыкайте головы! – Отдала она приказ солдатам. – Пригвоздите их к земле!

Без единого вопроса солдаты разом бросились на чудовище. Уклоняясь, и отражая натиски гидры, они пронзали копьями головы, стараясь контролировать их движение. Изменение тактики сбilo чудовище с толку, и солдатам удалось пригвоздить каждую голову Поликрана к каменистой земле. Плоть гидры затянулась вокруг копий, но воины крепко удерживали головы взбешенного чудовища.

Элспет бросилась вперед и взмахнула своим клинком по низкой дуге у самой земли. На мгновение, казалось, что ей удастся рассечь все шеи одним ударом. Но гидра отпрянул назад последней головой, с копьем, все еще торчащим в его черепе. Поликран откусил голову ближайшего воина и швырнул его окровавленный труп в сторону Элспет. Столкновение сбilo ее с ног, и она почувствовала, как треснули ее ребра. Она с ужасом наблюдала, как из каждого обрубка вылезло по две новые головы. Тело гидры вибрировало от энергии и восстановленной силы. Дакс подбежал к Элспет и оттащил ее подальше от чудовища. Серией быстрых укусов гидра уничтожил оставшихся солдат. Дакс и Элспет остались последними выжившими против могучего Поликрана.

- Я могу замедлить его, - сказал Дакс.

Рука молодого оракула покрылась инеем, и он направил леденящее заклинание в гидру. Массивное тело чудовища засверкало кристаллами льда, и его движения замедлились. Элспет с усилием поднялась на ноги.

- Где же боги сейчас? – пробормотал про себя Дакс.

Странное видение вспыхнуло в сознании Элспет. Это были ее последние минуты на Мирродине, под натиском Фирексийских мерзостей. Она готовилась покинуть мир, когда кровожадные твари выломали дверь и попытались наводнить комнату, в которой она от них укрывалась. Они лезли друг на друга, стремясь первыми прорваться в узкий проход и перерезать ей горло. Их было слишком много, чтобы всем поместиться в проеме, и эта суматоха выиграла ей драгоценные секунды.

- Не все потеряно! – Вскричала Элспет. – У меня есть идея.

Она бегом бросилась к гидре, Дакс не отставал ни на шаг. Гидра вырывался из ледяных оков. Заклинание удержит его ненадолго. Им нужно было прикончить чудовище прежде чем он сможет вновь набрать скорость. Она вонзила клинок в одну из ближайших шей. Но прорезала ее лишь наполовину, и прежде чем плоть смогла затянута, вынула клинок из глубокой раны. Голова бесполезно повисла с обрубка шеи, но кожа была рассечена так, что уже не могла срастись вновь – во всяком случае, на это надеялась Элспет. Отшатнувшись назад, она затаив дыхание наблюдала за признаками возникновения новых голов. На сырой плоти возникло тусклое сияние, но вскоре погасло, и обрубок остался гладким.

- Режь их наполовину! – Крикнула она Даксу. – Головы не могут вырасти вновь, если прежняя не отделена от тела.

Дакс моментально понял, что она имела в виду. Пока Поликран рвался из сковывающих его чар, они уклонялись от вяло машущих шей и разрезали шеи чудовища. Холод испарился в тот миг, как Дакс обезвредил последнюю голову. Гидра покосился и с грохотом рухнул на бок. С перерезанными шеями он уже не мог ни испускать оглушительный рев, ни видеть своих противников, чтобы продолжать бой.

- Избавь его от страданий, - сказал Дакс.

Элспет уже вскочила на сотрясающуюся тушу гидры. Она вонзила клинок глубоко в сердце чудовища. Удар был смертельным. Кровь гидры хлынула из его ран, и жизнь в его теле угасла.

- Гелиод признал бы тебя достойной этого оружия, - сказал Дакс. В его голосе звучало восхищение, смешанное с грустью. Они потеряли много людей, поэтому праздновать было не время. Городская стража галопом въехала на плато и принялась помогать раненым и уносить мертвых. Элспет осмотрела прибывших, но Никки среди них не было. Должно быть, она осталась в стенах полиса. Обессиленная, Элспет побрела к краю плато и взглянула вниз, на Мелетиду, город философов, подобно драгоценному камню, сверкающему у самого моря.

- Куда ты ушла с той горы? – спросил Дакс. – Я часто думал о тебе.

- Блуждала в неизведанных землях, - сказала Элспет. Слова комьями застревали в ее горле.

- Это Мелетида, - сказал Дакс. – Храм Гелиода в ней.

- Она прекрасна, - сказала Элспет. – У меня такое чувство, что я видела ее прежде.

- Ты Чемпион Гелиода, - сказал Дакс, хотя он не был уполномочен объявлять это. – Твое место в храме, вместе с нами.

- Его чемпион? – Спросила Элспет. – Все дело во мне? Или в этом клинке?

Дакс не понял ее вопрос. – Ты останешься? Или снова уйдешь странствовать?

- А что стало с богами? – спросила она. – Они ушли?

- Нет, они вернутся, и они даже сейчас наблюдают за нами, - сказал Дакс.

- Я не хочу больше странствовать, - сказала Элспет.

Грифоны игриво кружили над городом. Наблюдая за тем, как они ныряли в потоках ветра, ей показалось, что она вот-вот упадет, и она коснулась руки Дакса, чтобы удержаться на ногах. Он взял ее руку в свою ладонь.

- Добро пожаловать домой, - сказал он.